

МИРА
ЛЬВОВА

ОТКРЫТЫЕ
СНЫ

РАСКАЯНИЕ

Сны других людей — открытая книга для Ярославы. В детстве ее пугали сновидения взрослых, но она нашла применение волшебному дару. Теперь она освобождает людей, запертых в коме. Однако дар станет проклятьем, если пациент не проснется. Ведь тогда Ярослава останется пленницей в чужом сознании и погибнет.

Тем временем профессор Кулик лелеет идею создать сверхчеловека, и он способен на все, чтобы заполучить ее необыкновенную способность.

А еще Илья никак не может смириться с тем, что они расстались.

Выйдет ли она из снов застрявшего в коме Константина? Или станет пленницей профессора Кулика, который устроил на нее охоту?

Глава 1

Ярославе хотелось ярких красок, но она еще не отошла от предыдущего погружения и просто блуждала в крошечной тьме. Назойливое жужжание вырвало из липкого тягучего сна. Она прищурила глаза и посмотрела на экран телефона, лежащего на тумбочке. «Валерий Борисович? Неужели опять?» — ужаснулась она и схватила телефон.

— Алло. Слушаю.

— Ярослава, прости, что разбудил, — услышала она виноватый голос.

— Валерий Борисович, вы же должны были улететь?

— Мы только что приземлились. Звонила Тамара Ивановна. У нас новенький. После операции не проснулся.

— А как же я без вас? — удивилась она.

— У меня есть толковый врач, Дмитрий Сергеевич. Я ему кратко объяснил, что делать.

— Валерий Борисович! — возмущенно воскликнула Ярослава и резко села в кровати. — Вы рассказали про меня?

— Очень кратко, — поспешно ответил он. — Остальное сделает Евгений. Ему тоже позвонил.

Ярослава тяжело вздохнула, опустила ноги на холодный пол и взглянула на часы. Без четверти семь.

— В восемь. Пусть ждет внизу.

— Хорошо, передам... Спасибо тебе.

Ярослава ничего не ответила и сбросила звонок. «Этого не хватало! Какой-то Дмитрий Сергеевич тоже будет знать обо мне. А вдруг он ненадежный и всё разболтает?» — она надела махровый халат, засунула ноги в тапочки и зашаркала на кухню.

На улице было темно, только уличный фонарь светил в окно тусклым желтым светом. Ярослава включила маленький телевизор, висящий на стене, и принялась готовить завтрак. Женщина средних лет учила, как правильно пересаживать домашние растения. Кодиум успешно переселился в новый горшок, и на экране появилось лицо ведущего:

— Аномально низкие температуры продолжают торжествовать в регионе. Сегодня температура опустилась до минус тридцати семи градусов. Предупреждаем: без необходимости не выходите на улицу, одевайтесь многослойно и пейте горячий чай «Индийский лист» с лимоном.

Он расплылся в ослепительной улыбке и показал на корзину, полную разнообразных чаев с крупной надписью «Индийский лист». Ярослава насыпала в кружку две ложки растворимого кофе, залила кипятком и подошла к окну. Дом, в котором она жила, находился на возвышенности, поэтому даже со второго этажа открывался изумительный вид на город. Огни: белые, желтые, мчащиеся по шоссе и застывшие в окнах, придавали городу волшебный вид.

Ярослава нехотя съела бутерброд с сыром и запила горьким кофе. Она любила сладкий кофе, но сахар закончился, как и сгущенное молоко. На экране телевизора замелькала реклама кошачьего корма, затем детских подгузников и мужского дезодоранта. У нее не было кота, детей и мужчины, поэтому реклама не нашла своего потребителя. Ярослава выключила телевизор и взяла в руки телефон. Тринадцать пропущенных и пять сообщений.

— Как мне это надоело, — раздражено сказал она и стерла все сообщения, не читая. В

телефонной книге нашла номер таксиста и нажала на кнопку вызова.

— Алло, привет. Заберешь меня?

— Привет, Ярик. Конечно. Во сколько?

— В семь тридцать буду ждать.

Она бросила телефон на кровать, открыла дверцы шкафа и задумалась. «Может, дождаться Женю? Подпишут договор, вот тогда и поеду... А если не успею?» Сама мысль о том, что она может не успеть, напугала настолько, что похолодели руки и ослабли ноги. Ярослава встряхнула головой, отменяя нехорошую мысль подальше, и схватила с полки теплый сиреневый костюм. «Не буду ничего объяснять. В конце концов, Тамара Ивановна выручит». Она оделась и подошла к окну. Солнечно-желтое такси стояло у подъезда.

Глава 2

Илья Рогов проснулся с жуткой головной болью. Во рту пересохло, и язык прилип к небу. В коридоре слышалась возня, затем громко хлопнула входная дверь, отдаваясь в голове пульсирующей болью. Илья зажмурил глаза и сжал руками виски. Теперь он жалел, что смешал разные напитки.

Он опустил руку на пол и принялся шарить, выискивая телефон. Нашел, поднес к глазам и, приоткрыв один глаз, посмотрел на экран. Ни звонка, ни сообщения. Опять не ответила. Кряхтя, встал с кровати и поплелся в ванную. Пока чистил зубы, вспомнил о посиделках в баре.

— Забудь ты ее! — прокричал в ухо Никита. Его голос тонул в беспощадно гремящей музыке. Вибрация колонок передавалась всему живому и неживому, заставляя подрагивать и приплясывать. Илья замотал головой, в очередной раз набирая знакомый номер телефона. Гудки сменяли друг друга, пока автоответчик не сообщил, что абонент не отвечает. Он со злостью стукнул бутылкой пива по столу.

— Нет, так легко от меня не избавиться. Она думает, что меня так просто кинуть? Раз и нет меня, да? Не-ет, она еще пожалеет.

Он взял стаканчик с зубочистками и принялся ломать их по одной.

— Тебе надо переключиться. Сходи к Верке. Она тебе не откажет, — предложил Никита, когда музыка немного стихла, чтобы загреть с новой силой.

— После Ярославы на таких как Верка, смотреть не могу. Противно.

Он скривил рот, наклонился и сплюнул под барную стойку. Бармен обслуживал компанию веселящихся мужчин и не увидел столь неподобающее поведение. Никита пожал плечами и повернулся к девицам, призывно танцующим на сцене. Илья принялся набирать очередное сообщение.

Сонный таксист медленно пил из термокружки горячий чай, когда Ярослава заскочила в машину и захлопнула дверь.

— Хорошо, что ты сегодня работаешь. Мне надо в районную больницу. Думаю, из-за мороза большой ажиотаж на такси, — сказала она, выбивая зубами мелкую дрожь.

— Да, поэтому и выехал. Всё ради тебя.

— О, прости, не хотела тебя тревожить, — виновато улыбнулась она.

— Ты меня не тревожишь. Мне в радость тебе помогать, — ответил он, вырвав двор на дорогу. — Врачей уважаю.

Ярослава хотела возразить, что к медицине не имеет отношения, только к больным, но вовремя прикусила язык. Пусть думает, что врач.

Путь до больницы занял двадцать минут вместо сорока. На пути им попадались редкие машины и автобусы, покрытые инеем. Пешеходные переходы пустовали. Ярослава расплатилась и забежала в больницу.

У входа стояли двое. Одного она знала — пожилой охранник. Он приветливо улыбнулся и поздоровался.

— Ярослава? — уточнил второй, молодой человек в белом халате. Ярослава окинула его взглядом. Невысокого роста, полный, небритый.

— Да, это я. А вы Дмитрий Сергеевич?

— Да, это я, — усмехнулся он и протянул руку. Они обменялись рукопожатием и направились к лифту.

— Что вам Валерий Борисович про меня рассказал? — равнодушно спросила. Однако внутренне напряглась и заговорила речь, которую продумала по пути в больницу.

— Велел встретить и проводить к больному. Еще я должен с каким-то Евгением увидеться. Если честно, то не совсем понимаю, что происходит и хотелось бы услышать от кого-нибудь объяснения.

Он многозначительно посмотрел на Ярославу, но тут подъехал лифт и двери со скрипом распахнулись. Она первой вошла в кабинку, аккуратно перешагнув дыру в линолеуме на полу лифта. Дмитрий Сергеевич зашел следом и втянул живот.

— Вот Евгений и объяснит, — улыбнулась она и нажала на кнопку. Лифт дернулся и пополз вверх. Нос защекал запах хлорки, и Ярослава уткнулась в шарф, исподтишка рассматривая молодого врача. Волнистые светло-русые волосы торчали в беспорядке. Под круглыми карими глазами пролегли темные тени.

— Вы с дежурства?

— Да. Ночь выдалась тяжелой. Люди с обморожением поступают. Быстрее бы морозы закончились, — он подавил зевету и уставился на свои ботинки.

Они вышли на четвертом этаже и повернула направо, в отделение реанимации и интенсивной терапии. Медсестра издали приветственно махнула рукой Ярославе и бесшумно прошла в одну из палат.

— Дмитрий Сергеевич, мне надо переодеться. Где я это могу сделать?

— В ординаторской никого. Идите туда, — махнул он рукой.

— Хорошо. Подождите меня, — сказала она и скрылась в ординаторской.

Дмитрий Сергеевич кивнул и, зевая, поплелся к посту медсестры. Ярослава надела

белоснежный медицинский костюм и убрала волосы в хвост. Из потайного кармашка рюкзака вытащила иконку Ангела- хранителя, поцеловала и спрятала в карман.

«Мама, работаю. Проснусь — позвоню», — написала сообщение и выключила телефон. Затем опустилась в мягкое кресло и крепко обняла себя. Страх, сдерживаемый волей и загнанный в угол смелостью, начал просачиваться, обволакивая противными щупальцами.

— Я справлюсь. Мы справимся. Выход есть всегда, — несколько раз, словно мантру, прошептала она и дышать стало легче. Она вышла из ординаторской и зашагала к Дмитрию Сергеевичу, перелистывающему историю болезни.

— Я готова. Куда идти?

Он скользнул по ней взглядом.

— Форма вам к лицу. Палата справа, в конце коридора.

Ярослава замерла, прислушиваясь к знакомой тяжести в сердце. Дмитрий Сергеевич вопросительно приподнял бровь. Она мотнула головой и решительно зашагала по коридору, освещенному несмелым зимним солнцем.

Звуки приборов, запах лекарств, антисептика и кварцевой лампы — всё было знакомо. Реанимационная палата стала для нее обыденным местом.

В палате стояли две кровати. Кровать у окна пустовала. На второй лежал мужчина лет пятидесяти. Его опутывали провода и трубки.

— Бирро Константин Львович. Пятьдесят три года, — прошептал Дмитрий Сергеевич.

— Почему шепчете? Бойтесь разбудить? — усмехнулась она.

— Привык беречь сон больных, — сконфужено ответил он и почесал затылок.

Ярослава приблизилась. Крепкий, широкоплечий, с редкой сединой в темных волосах.

— Почему впал в кому?

— Мы точно не знаем. Возможно, дело в анестезии. После операции на сердце не смогли разбудить. Хотя операция прошла успешно: сердце работает, ткани заживают, воспалений нет.

Ярослава дотронулась до теплой руки Константина.

— Заграницей отдыхал?

— Не знаю. А что?

— Ничего. Загар.

В палату зашла пожилая медсестра и обняла Ярославу.

— Здравствуйте, Тамара Ивановна.

— Здравствуй, моя дорогая. Снова мученье для тебя. Я там всё приготовила.

Она кивнула в сторону пустующей кровати. На тумбочке у окна стояли бутылка с водой и стакан. В пластиковом контейнере лежали две таблетки.

— Со сном проблем не будет. Полночи проворочалась, — пожаловалась Ярослава.

— С прошлого раза еще не отошла? — Тамара Ивановна с сочувствием смотрела на нее. — Удачи. Надеюсь, сегодня всё пройдет быстро, и мне не придется ставить тебе катетер и капельницу.

Ярослава кивнула и тяжело вздохнула. Медсестра погладила ее по плечу, вышла и прикрыла за собой дверь.

— Что вы собираетесь делать? — спросил озадаченный Дмитрий Сергеевич.

— Спать, — она взяла с тумбочки таблетки и проглотила.

— Не понял. В смысле, спать? — не отступал он.

— Вам все объяснят. Если не возражаете, я бы хотела остаться одна. Мне надо

настроиться.

Дмитрий Сергеевич кивнул, но уходить не спешил. Поправил одеяло на пациенте, посмотрел показатели на приборах, пощупал пульс и нехотя направился к выходу.

— Напомните, как его зовут? — окликнула Ярослава.

— Бирро Константин Львович, — с готовностью ответил он и остановился, но Ярослава замахала рукой и, пришлось выйти.

Сквозь белые металлические жалюзи просачивалось солнце. Она подошла к окну и выглянула на улицу. Вдали клубился дым из трубы котельной, по дороге сновали редкие машины, покрытые инеем прохожие, спешили по делам.

Снотворное начинало действовать. Веки отяжелели, дыхание стало глубоким и спокойным. Ярослава легла на кровать, вытянула руку и положила на ладонь Константина.

— Скоро увидимся, — сказала она и закрыла глаза.

Илья набрал в ладони холодную воду и со звуком выпил. Желудок неприятно сжался, грозясь всё выплеснуть наружу. Он громко рыгнул и, шлепая босыми ногами, направился в родительскую спальню за аптечкой. Упаковка с аспирином оказалась пуста, поэтому сжевал семь таблеток активированного угля, опустошил чайник и решил сходить до аптеки.

Он натянул отцовскую ушанку, надел дубленку, обмотался шарфом и вышел на улицу. Под ногами хрустел снег, глаза слезились от солнечного света. Свежий морозный воздух отрезвлял. Илья снял варежку и снова набрал номер Ярославы. Телефон был выключен. Зло выругавшись, он забежал в аптеку.

В аптеке никого не было. Женщина- фармацевт расставляла препараты на полках.

— Дайте обезболивающее. Голова болит, — выпалил он в окошко.

Женщина отпрянула от терпкого запаха перегара, затем положила перед ним красную упаковку и назвала цену. Илья расплатился и сразу же разжевал горькую таблетку. Так она подействует быстрее. В магазинчике на первом этаже своего дома купил две бутылки минеральной воды и поднялся в квартиру.

Через час головная боль отступила, и в животе громко заурчало. Илья вылез из-под одеяла и побрел на кухню. Он выложил на поднос съестное из холодильника, вернулся в комнату и устроился на кровати. Набивая полный рот и с трудом разжевывая хлеб с сырокопченой колбасой, он прокручивал в голове ночное возвращение домой.

В дверях стоял отец. Голубая майка обтягивала толстый живот, синее поношенное трико топорщилось на коленях, в руках пульт от телевизора. Илья силился встать прямо, но неведомая сила упорно толкала его вправо.

— Ты на кого похож? — спросил отец. Его голос, казался оглушительным в ночной тишине панельного дома.

Илья осмотрел себя: старая дубленка застегнута на все пуговицы, ботинки в снегу, но с утра намазаны кремом, вязаная шапка на голове. Он пожал плечами и пьяным голосом ответил:

— На себя. А что?

Отец бережно положил пульт на полку с ключами и схватил Илью за ворот дубленки.

— Ты где был, скотина? Опять влипнешь, отмазывать не буду, так и знай. Тебе мало двух условных, реальный срок хочешь? — зло прошипел он и резко отпустил. Илья не удержался и упал на этажерку с обувью. На грохот из комнаты выбежала мама. Она с опаской посмотрела на мужа и бросилась поднимать сына.

— Не надо. Я сам, — запротестовал Илья и оттолкнул руку матери. Он пытался встать, опираясь о стену, но запутывался в обуви и снова падал.

— Уйди от него, — велел отец и обратился к Илье. — А ты бегом в кровать. Завтра поговорим.

Завтра наступило. И хотя Илья давно вырос, и отец его больше не бил, страх, живущий глубоко в груди, проснулся и выпустил острые колючки. Много раз он представлял себе, как отомстит отцу за побои в детстве. Как отвезет его на заброшенный завод и избьет куском арматуры. Или привяжет к дереву зимой и оставит замерзать. Или зальет ему пьяному в горло семидесятипроцентный уксус. Картины мести успокаивали и придавали силы. «Придет время, и он пожалеет. За каждый шлепок, за каждый подзатыльник, за каждый удар

ремнем и кулаком. Он заплатит за боль и унижение».

Мысли об отце сменились воспоминаниями о Ярославе. Высокая, стройная, с длинными русыми волосами она стояла на набережной и смотрела на проплывающие мимо катера и лодки. Желая покрасоваться перед друзьями, Илья подбежал, поднял ее на руки и сделал вид, будто собирается бросить в реку.

— Русалкам на земле не место, — пошутил он и подмигнул перепуганной девушке. Возмущенная наглой выходкой, Ярослава вlepила пощечину, спрыгнула с рук и быстро зашагала по дороге. Илья стоял и смотрел ей вслед, не обращая внимания на развеселившихся друзей. С того момента как он встретился с ней глазами, мир сузился до удаляющейся фигуры в бежевом плаще.

Теперь, сидя на своей подростковой кровати в родительской квартире, ему нестерпимо захотелось уткнуться носом в ее волосы и крепко обнять, обхватив руками и ногами. Он взял подушку и с силой прижал к груди, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. Добрая, милая, нежная, заботливая — идеальная. Илье было стыдно за свое поведение, за грубые слова и за тот поступок. Он схватил телефон и снова набрал номер телефона Ярославы. Вместо гудков послышался голос автоответчика:

— Телефон абонента выключен.

Дмитрий Сергеевич стоял за дверью палаты и прислушивался. Еле слышно скрипнула кровать, и наступила тишина. Затаив дыхание, он взялся за ручку двери.

— Идите и займитесь делом, — раздался голос за спиной, и он подпрыгнул от неожиданности. Медсестра стояла, уперев руки в бока, и строго смотрела на него. Дмитрий Сергеевич хотел возразить, но тут на посту зазвонил телефон.

— Алло, Дима, ты? — раздался хриплый голос охранника. — Здесь к тебе пришли. Спустись.

Дмитрий Сергеевич решил не дожидаться лифта и спуститься по лестнице. Вышел на лестничную площадку и втянул носом морозный воздух. На окнах, покрытых толстым слоем инея, сверкало солнце. Его передернуло от холода, и он, перепрыгивая через ступени, спустился на первый этаж и с силой захлопнул за собой дверь. Охранник взглядом показал на мужчину с чемоданом в руке, стоящего у стенда с информацией о туберкулезе. Мужчина внимательно изучал фотографии и читал описания к ним.

— Здравствуйте, — подал он голос, отдышавшись. — Вы Евгений?

Посетитель обернулся и, прежде чем ответить, с интересом рассмотрел невысокого грузного врача. Дмитрий Сергеевич невольно выпрямился и втянул живот.

— Здравствуйте, — поздоровался он и протянул руку. — Всё верно. Где мы можем поговорить?

— На скамейку? — он показал на длинную деревянную скамью вдоль стены, на которой сидели пожилая пара и молодой человек с перебинтованной рукой.

— Нет, не подходит. Это конфиденциальный разговор.

— Ну, тогда кабинет массажиста, — Дмитрий Сергеевич направился к охраннику. — Василий Палыч, дайте ключ от двенадцатого.

Он отпер дверь и пригласил гостя. Кабинет массажиста был разделен ширмой на две части. Сразу за дверью стоял белый массажный стол и тумбочка с различными флаконами. За ширмой были только два стула и вешалка.

Евгений прошел за ширму, поставил чемодан на пол, разделся и повесил пальто на вешалку. Дмитрий Сергеевич с завистью отметил стильный темно-синий пиджак, золотой браслет и обручальное кольцо. Евгений сел на стул и указал врачу на второй.

— Валерий Борисович отзывался о вас как о порядочном человеке и высококлассном специалисте. Посоветовавшись, мы решили ввести вас в курс дела. Сами знаете, больных нельзя запланировать. Валерий Борисович первый раз за три года уехал в отпуск, и, чтобы не выдергивать его из заслуженного отдыха, мы решили подготовить ему замену. Прежде чем, я изложу суть дела, вам необходимо прочитать и подписать договор.

Евгений открыл чемодан, вытащил документ, состоящий из нескольких листов, и протянул Дмитрию Сергеевичу. Тот бережно взял и прочел надпись сверху: «Договор о неразглашении конфиденциальной информации». Он пробежал глазами текст до пункта, выделенного жирным шрифтом.

— Что? Пять миллионов? — воскликнул он, тыча пальцем в договор. — С ума сойти! У меня нет таких денег.

Дмитрий Сергеевич, так живо представлявший себе, как взлетит количество просмотров и подписчиков, после того как он разместит пост о Ярославе, почувствовал себя обманутым.

Словно посадили на цепь или заперли в клетке.

— Согласен, штраф большой. Поэтому в ваших интересах держать язык за зубами, — кивнул Евгений и протянул ручку.

— А если я не подпишу?

— Хорошо. Мы подыщем другую кандидатуру, — невозмутимо ответил он.

Дмитрий Сергеевич озадачено смотрел то на договор, то на Евгения, затем робко спросил:

— У меня есть время подумать?

— К сожалению, времени нет. Я так полагаю, Ярослава уже работает. Если вы не подпишете, то в палату вас больше не пустят. Тамара Ивановна справится сама. А мы займемся поисками.

«Что он так на меня давит?» — раздраженно подумал он и вытер потные ладони о халат. Затем вскочил и подошел к окну, пытаясь скрыть волнение.

«Пять миллионов. Но если я буду хранить тайну, то ничего платить не придется». Он перевернул страницу и обнаружил следующий выделенный пункт: «Фонд обязуется выплачивать ежемесячное вознаграждение в размере 50 000 (пятидесяти тысяч) рублей».

— Вознаграждение? — заинтересовался он.

— Конечно. За любой труд надо платить, — Евгений сидел нога на ногу и улыбался. — Думаю, никому не помешает такая надбавка к зарплате. В ваши обязанности будет входить лишь строжайшая конфиденциальность и медицинское сопровождение пациента и Ярославы. К тому же выплата — ежемесячная, а работать вы будете только в отсутствие Валерия Борисовича.

Настроение Дмитрия Сергеевича заметно улучшилось. Он снова сел на стул и бегло прочитал договор до конца. Затем достал из нагрудного кармана ручку, заполнил паспортные данные и поставил подпись.

— Отлично! — удовлетворенно произнес Евгений и спрятал договор в чемодан. — Как вы заметили, договор заключен между вами и фондом «К свету». Фонд основал миллионер Павловский. Вы, вероятно, слышали о нем.

— Это тот Павловский, который в гонках участвует?

— Да, только гонки уже в прошлом. После аварии Игорь Генрихович больше не увлекается гонками.

— Читал про аварию. Он вылетел с трассы и разбился о дерево. Говорили, что впал в кому.

— Да, он был в коме, пока не вмешалась Ярослава.

— Расскажите о ней подробнее, — воодушевился Дмитрий Сергеевич и попытался устроился поудобнее на жестком стуле.

— Орлова Ярослава Михайловна. В этом году ей исполнилось двадцать пять лет. Уроженка города Москва, — сухо начал Евгений, но затем мечтательно улыбнулся и продолжил. — Уникальный человек и потрясающая девушка. После того, как Игорь Генрихович вышел из комы и подлечился, дал указание своим юристам создать фонд, который будет обеспечивать Ярославу и сопровождать ее деятельность.

— Можно конкретнее о ее деятельности?

— Она проникает в сознание человека в коме. Через какое-то время человек просыпается, и вместе с ним Ярослава.

— Вы меня разыгрываете, — махнул рукой Дмитрий Сергеевич и улыбнулся.

— Нет, абсолютная правда, — возразил Евгений. — Я не зря сказал, что она уникальная. У нее есть способность или, если хотите, дар погружаться в сознание другого человека.

— Что значит — погружаться в сознание? Это невозможно, — раздраженно парировал Дмитрий Сергеевич и снова вскочил со стула. — И вообще, мне кажется, что это какая-то шутка. Про ваш фонд первый раз слышу. Про Ярославу в интернете — ни слова. Может, Валерий Борисович решил подшутить надо мной и нанял вас обоих?

— Успокойтесь. Это не шутка. Сознаюсь, я тоже первое время сомневался и думал, что она аферистка. Трудно поверить в необъяснимое. Но еще труднее, поверив, держать в тайне.

Глава 6

Ярослава лежала с закрытыми глазами и пыталась уловить момент перехода из реальной жизни в мир, в котором застрял Константин. Как всегда, перед погружением терзали вопросы и мешали сосредоточиться. Как ее примет Константин? Сколько обид, разочарований и боли накопилось в его душе за долгую жизнь? Сможет ли она помочь или останется в заточении в чужом мире?

Предыдущее погружение было самым быстрым и длилось около получаса. Восемилетний Сережа сразу ей доверился и раскрылся. По опыту Ярослава понимала, что с пятидесятитрехлетним мужчиной будет намного сложнее и дольше. Ей придется вытащить наружу все то, что пряталось и забывалось годами. Заставить покаяться и повиниться в том, в чем даже себе признаться не мог.

Сон медленно опутывал. Чувства притупились, звуки исчезли. «Начинается» — подумала она и провалилась в черноту.

Илья сидел на диване и переключал каналы, не глядя на экран. Он прокручивал в голове их последнюю встречу.

В ту ночь он не мог уснуть. Мысли и воспоминания проносились в голове нескончаемым нудным фильмом. Он решил еще раз встретиться с Ярославой и все объяснить. Для смелости выпил два стакана водки из отцовских запасов и, чтобы отец не заметил, долил в бутылку воды. Затем вызвал такси и приехал к ее дому.

— Почему ты не хочешь выслушать? — заорал он дурным голосом, как только Ярослава распахнула дверь. Она окинула его холодным взглядом и принялась перечислять, загибая пальцы:

— Я не хочу тебя видеть. Не хочу слышать. Не хочу ничего про тебя знать. С меня хватит.

— Это ты виновата! Если бы ты не пропадала неизвестно где и неизвестно с кем, то ничего бы не было.

Спокойствие Ярославы еще больше разжигало в нем злость, смешанную с обидой и отчаянием. Соседская дверь приоткрылась, и выглянула Надя, домохозяйка с тремя детьми.

— Ярослава, полицию вызвать?

— Нет, сами разберемся, — сухо ответила она. Надя кивнула и исчезла за дверью.

— Слушай меня внимательно, — Ярослава подошла вплотную и понизила голос. — Ты избил моего двоюродного брата. Тебе очень повезло, что он не получил серьезных травм. Иначе мы бы обратились в полицию. А ты знаешь, что с тобой будет. Даже отец-подполковник больше не сможет прикрывать и просить условный срок.

Она развернулась и захлопнула дверь перед его носом. Растерянный Илья остался стоять в подъезде. Ярослава, его милая, добрая, чуткая девочка стала чужой. К тому же угрожала.

Из воспоминаний его выдернул голос ведущего программы «Ясное сознание».

— У нас в гостях профессор Кулик Павел Федорович. Выдающийся ученый, известный филантроп и общественный деятель. Павел Федорович несколько раз был приглашен в нашу студию как эксперт по психиатрии. Сегодня он пришел к нам за помощью.

Раздались аплодисменты, и на экране возник сухопарый старичок с копной вьющихся седых волос.

— Здравствуйте, господин ведущий, дорогие зрители и телезрители, — поздоровался он. Тембр голоса оказался на удивление высоким, а речь хорошо поставленной. — Многие знают, что я три десятка лет занимаюсь изучением человеческого мозга. Мы с командой сделали много открытий и получили несколько престижных наград. Я часто говорю и, кстати, свято в это верю, что возможности мозга безграничны. Мы исследовали мозг ребенка, который за три дня мог выучить любой язык. Проводили анализы деятельности мозга мужчины, который умножает в уме шестизначные числа. Даже наблюдали за 90-летней женщиной, помнящей каждый день своей жизни. Если ей дать задание описать 12 мая 1985 года, она расскажет, что ела на завтрак, с кем разговаривала, как была одета и что прочла перед сном. Мы работаем в исследовательском институте, оборудованном новейшими технологиями и сверхскоростными компьютерами. В моей команде умные, образованные и прогрессивные люди. Единственное, чего не хватает, материала для изучения. Поэтому, обращаюсь к вам, дорогие мои. Если вы считаете, что обладаете какими-

то экстраординарными способностями, умеете читать мысли или предвидеть будущее, то звоните по телефону на экране. Когда мы научимся управлять своим мозгом, то станем сверхлюдьми!

Снова раздались аплодисменты, но Илья уже не смотрел на телевизор. Он судорожно искал ручку. Отчаявшись найти, схватил телефон и сфотографировал номер, пока он не исчез с экрана

Ярослава прислушалась. Тишину нарушало лишь приглушенное жужжание приборов. Она пошевелилась и поняла, что уже не лежит, а стоит на чем-то твердом. Втянула носом воздух — сухой и горячий. Она задержала дыхание, будто намеревалась прыгнуть с трехметровой вышки, и открыла глаза. Тусклый белый свет проникал сквозь мутное небо и освещал безжизненную равнину с потрескавшейся кирпично-красной землей и редкой чахлой травой. Вдали, в голубой дымке, виднелись раздробленные горы с плоскими верхушками и пролегающие между ними глубокие ущелья. В десяти метрах от нее стоял мужчина. Он запрокинул голову и смотрел вверх, будто что-то высматривал.

Ярослава незамеченной подошла к нему и тронула за плечо. Мужчина от неожиданности резко обернулся, не удержался и упал.

— Ты кто? Ангел? — хриплым голосом спросил он, рассматривая девушку в белом. Реакция людей на появление Ярославы всегда была разная, кто-то считал ее галлюцинацией и старался делать вид, будто не видит. Некоторые в испуге убегали прочь. Кто-то радовался тому, что наступил конец. Еще были те, кто с облегчением выдыхал, ведь за ними пришла девушка ангельской внешности, а не чёрт с рогатиной.

— Если ангел, то пока еще земной. Давайте руку, помогу, — улыбаясь, ответила Ярослава и протянула руку. Константин недоверчиво посмотрел на нее, повернулся и бодро вскочил без помощи.

— Я узнал ваш голос. Вы разговаривали. Там, — он указал пальцем вверх. — Я слышу всех, кто приходит ко мне. Но как вы сюда попали?

— Пришла за вами. Хочу помочь выбраться отсюда, — ответила она и обвела взглядом безжизненное пространство.

— Правда? Но как? — оживился Константин.

— Хочу сразу предупредить — будет трудно. Это очень сложный путь. Вы должны быть искренны со мной и с собой. От этого зависят наши жизни. Я попала сюда по собственной воле, но выбраться смогу только вместе с вами.

— Говорите, что делать? — в нетерпении проговорил он. — Я кричал, но никто меня не слышал.

Ярослава порадовалась тому, что Константин всерьез воспринял ее слова и хочет вернуться в реальность.

— Великий китайский мыслитель Чжуан-Цзы сказал: случайности не случайны. То, что вы оказались запертым здесь, в вашем сознании — это не случайность, а, скорее, благо. Вам выпал шанс прожить остаток жизни по-другому. Стать лучше. Осознать и исправить ошибки, — Ярослава говорила тихо, но твердо и уверенно. — Другого выхода нет.

— Я готов! Что делать? — воскликнул он, схватил Ярославу за руки и прижал их к своей груди. — Я очень хочу вернуться. У меня семья, сын. Я им нужен.

Ярослава мягко высвободилась, выдохнула и всё тем же голосом сказала:

— Вы должны признаться в неблаговидных поступках. В православии называется: исповедаться.

— Исповедаться? — недоуменно произнес он.

— Да, — кивнула она. — Расскажите о тех словах и поступках, которые считаете неправильными. То, что вас угнетает или тревожит. Признайтесь в своих грехах.

Константин отпрянул, будто обжегся, и попятился. Ярослава разочаровано помотала головой. Опасения оказались не напрасными.

— Нет у меня грехов, — заявил он упрямо и сложил руки на груди. — Я прожил достойную жизнь. А если когда-то кого-то обидел, то непреднамеренно.

— Я понимаю, что это трудно, — примирительно сказала она. — Давайте познакомимся. Меня зовут Ярослава. А вас?

— Вы прекрасно знаете, как меня зовут. Я слышал ваш разговор с врачом, — огрызнулся Константин. — Лучше скажите, как сюда попали?

Ярослава улыбнулась. То, что Константин не убегает и не замыкается, а продолжает с ней общаться — хороший знак. Разговорить можно только разговорами.

— Сейчас лежу рядом с вами, на соседней кровати. Моя ладонь в вашей руке.

Константин удивленно приподнял бровь, но ничего не сказал.

— Я проникла в ваше сознание, а выбраться смогу, только когда вы очнетесь. Для того, чтобы выйти из комы, вам надо переосмыслить свою жизнь. Это тяжело. Бывает стыдно и страшно. Иногда даже противно, но другого пути нет.

Она выжидательно посмотрела на растерянного Константина. Тишину нарушали лишь звуки приборов, доносившиеся с палаты. Он огляделся, будто искал кого-то. Затем махнул рукой и сказал:

— Допустим, вы говорите правду. Но как можно раскрыть душу перед посторонним человеком? Я не готов. К тому же надо подумать, вспомнить, взвесить. Дайте мне хотя бы пару дней.

— Я не могу выйти отсюда сама, только вместе с вами, — терпеливо повторила она. — И пары дней у нас нет. Я могу умереть.

Дмитрий Сергеевич под предлогом жажды, вышел из кабинета массажиста и устало вздохнул. Ему хотелось остаться наедине и подумать.

Он поплелся до кофемашины, засунул сторублевую купюру и нажал на кнопку с надписью «Латте». Затем обхватил себя руками и пожалел, что под халат не надел теплый свитер. Механизм внутри заработал, на мониторе появилась дорожка, которая показывала готовность напитка. Дмитрий Сергеевич уставился на нее и вспомнил с чего началась эта неразбериха. Главврач Валерий Борисович позвонил в шесть утра.

— Алё, Димка, ты на работе? — раздался взволнованный голос.

— Здравствуйте, Валерий Борисович. Да, на дежурстве. А что?

— Нужна твоя помощь.

Дмитрий Сергеевич прижал телефон к уху, чтобы не упустить ни слова. Ему польстило, что сам главный врач больницы обращается к нему за помощью.

— Слушаю, Валерий Борисович. Что-то случилось?

— Да, случилось. Мне написала Тамара Ивановна, что вчера больного с кардиоцентра к нам доставили.

— Всё верно. Уже вторую неделю в коме. Поместили в восьмую палату. Показатели стабильные, я контролирую.

— Вторую неделю! — ужаснулся он. Дмитрий Сергеевич удивился такой реакции. «Какая разница, где лежать в коме?» — подумал, но ничего не сказал. Тем временем, Валерий Борисович шумно выдохнул и спокойно продолжил:

— Дима, ты должен пообещать, что будешь держать язык за зубами и никому ничего не расскажешь.

Дмитрий Сергеевич хотел пошутить, но сдержался и коротко ответил:

— Обещаю.

— Дело такое, — он замолчал, но вскоре продолжил, понизив голос. — У меня есть человек, который выводит из комы. Ее зовут Ярослава.

— Выводит из комы? — переспросил Дмитрий Сергеевич. — Как?

— Пока не могу с тобой это обсуждать. Ярослава работает с фондом «К свету». Представитель фонда Евгений все объяснит. Кстати, Тамара Ивановна в курсе. Если что, она выручит. Удачи!

На этом разговор закончился. Дмитрий Сергеевич подошел к Тамаре Ивановне с расспросами, но она отказалась обсуждать Ярославу и велела дожидаться того самого Евгения.

«Что происходит? — недоумевал он. — Вывести из комы невозможно».

Однако ничего другого не оставалось, кроме как терпеливо ждать объяснения.

Кофемашина перестала жужжать, и из отсека выплыл бумажный стаканчик. Дмитрий Сергеевич аккуратно извлек его и отхлебнул горячий напиток. Голодный желудок с благодарностью принял приторно-сладкую жидкость. Он забрал сдачу и, стараясь не расплескать, вернулся в кабинет.

— Может, будете кофе? — предложил он Евгению, но тот отрицательно помотал головой.

— Нет, не пью такого. У вас еще остались вопросы?

— Конечно. Что она делает в их сознании? Каким образом человек, находящийся в коме, просыпается? Объясните мне, как это происходит.

— Я не знаю. Только после каждого погружения пациенты умоляют не рассказывать о том, что было. Хотя это совершенно напрасно. Ярослав и так никогда это не обсуждает.

Евгений открыл чемодан, достал конверт и протянул его Дмитрию.

— Это ваша первая премия. Не провожайте меня.

Они обменялись рукопожатиями. Евгений надел дубленку и вышел из кабинета. Дмитрий Сергеевич осторожно заглянул в конверт и быстро убрал в карман халата. Красные новенькие купюры лежали аккуратной стопкой. Ощущение нереальности происходящего стала пугать. Он выскочил из кабинета, вернул ключ охраннику и побежал вверх по лестнице в свое отделение, к своим пациентам, к Ярославе.

Илья сидел на мягком диванчике в белоснежной приемной профессора. На позолоченной дощечке, прикрученной к двери, каллиграфическими буквами было написано: Кулик Павел Федорович, профессор психиатрии, заведующий НИИ психологии и парапсихологии имени С. В. Варавина.

После выступления профессора по телевизору Илья тут же набрал номер, указанный на экране.

— Алло, слушаю, — раздался бас. Илья удивился, перепроверил, правильно ли набрал номер, и робко спросил:

— Можно к телефону профессора?

— Говорите, я слушаю, — в нетерпении повторил голос. Илья сглотнул и сбивчиво рассказал о своих догадках насчет Ярославы. Профессор выслушал и велел «незамедлительно явиться». Илья записал адрес, оделся и выбежал из квартиры. «Надо будет попросить денег за информацию», — думал он, приплясывая от холода на остановке.

Отдел НИИ, которым руководил Кулик, располагался в промышленной зоне, в одном из зданий закрытого сталелитейного завода. На входе его встретила секретарь, тучная женщина средних лет с ярко-красными губами.

— Профессора еще нет. Но он звонил и попросил его подождать, — протараторила она и указала диванчик.

Время тянулось медленно. Секретарь предложила кофе, но Илья отказался и схватил журнал *Psycho* с круглого стеклянного стола. Он прочел название статей, изучил редкие фотографии среди столбцов плотного текста и вернул журнал на место. С каждой минутой ожидания решимость улетучивалась, уступая место страху быть высмеянным. Илья не раз пытался найти объяснение поведению Ярославы, но вскоре сдался и начал гнать эти мысли.

«Подожду еще десять минут и уйду», — решил он и уставился на большие круглые часы, висящие на стене. Красная стрелка планомерно вышагивала секунды, приближая время освобождения Ильи от неловкого объяснения. Однако через пять с половиной минут дверь распахнулась, и в приемную ввалился запыхавшийся профессор. Он скинул шубу, покрытую инеем, секретарю на стол, подскочил к Илье и протянул руку.

— Еще раз здравствуйте! Напомните ваше имя.

Илья аккуратно пожал сухую старческую руку и представился.

— Очень хорошо. А я Павел Федорович, — он расплылся в улыбке и обратился к секретарю. — Лидочка, вы угостили гостя?

— Пыталась, но...

— Я ничего не хочу, — быстро сказал Илья.

— Вот и славненько. Пройдемте в кабинет, — профессор открыл дверь и отошел, пропуская Илью вперед.

В кабинете царил полутьма. Плотные зеленые шторы едва пропускали солнечный свет. В воздухе витала терпкая смесь запахов, коктейль из табачного дыма, типографской краски и кофе. Когда глаза привыкли, Илья смог рассмотреть обстановку. У окна располагался массивный деревянный стол, заваленный бумагами, журналами и книгами. Слева вдоль стен стояли этажерки, забитые папками, книгами и стопками исписанных листов. Справа длинный стол с компьютером и различной офисной техникой.

— Присаживайтесь, — профессор указал на ряд стульев возле двери. Илья убрал шапку в карман дубленки, опустился на крайний стул и в ожидании замер. Павел Федорович прикатил кожаное кресло, сел напротив, раскрыл блокнот и приготовился писать.

— Слушаю.

Илья закашлялся, нестерпимо захотелось пить. Павел Федорович будто прочитал его мысли, открыл дверь и крикнул:

— Лидочка, воды!

Обеспокоенная Лида, стуча каблуками, вбежала в кабинет со стаканом. Илья поблагодарил и мигом осушил его. Секретарь забрала стакан и скрылась за дверью. Профессор улыбнулся и вопросительно уставился.

— Месяц назад мы с Ярославой расстались, — начал Илья. Он сказал «расстались», но, по правде, Ярослава его бросила. Слова давались с трудом, было что-то настораживающее в этом худом старом профессоре. Однако он не хотел отступать от задуманного. — Не знаю точно, но мне кажется, что у нее есть способности. Ненормальные или как они там называются.

— Экстраординарные, — подсказал Павел Федорович и щелкнул ручкой. — Расскажите подробнее.

— Пару раз она пересказывала мой сон. Понимаете? Мой сон.

Профессор прищурился и немного наклонился вперед, обратившись в слух.

— Однажды мне приснилось, что за мной гонится моя мертвая бабушка, — сказал он и уставился на стол. — Я убегал, прятался, но она меня поймала. Проснулся весь в поту, а Ярослава сидела рядом, гладила по голове и говорила: «Это только сон. Успокойся, она не придет за тобой. Мертвые не просыпаются». Позже, днем я спросил об этом. Она улыбнулась и сказала, что подсмотрела мой сон.

Илья остановился и взглянул на профессора, который, поджав губы, что-то записывал в блокнот. Профессор поднял голову и кивнул.

— Второй раз это случилось незадолго до того, как мы расстались. Приснилось, будто я душу кого-то. Душу голыми руками, слышу хрип и, мне это нравится. В тот день Ярослава сказала, что начинает меня бояться.

Илья решил умолчать о том, что во сне он душил как раз Ярославу. Тогда сон вызвал у него ужас, но сейчас, когда она так плохо с ним поступила, сон начал казаться вполне реальным.

— Еще что-нибудь? — подал голос профессор.

— Да, только не знаю, имеет ли это отношение ко снам, — Илья оттянул ворот колючего свитера. В кабинете было жарко. — Несколько раз ей звонили. После звонка она собирала вещи и уезжала.

— Куда уезжала?

— Она не объясняла, но я проследил. Оказалось, в нашу районную больницу.

— Может, она доктор? — предположил Павел Федорович, но Илья замотал головой.

— Ярослава заочно окончила какой-то столичный институт. Вроде на психолога, но не уверен. Не интересовался.

Павел Федорович захлопнул блокнот.

— Думаю, в больнице нужен психолог.

— Да, но, — Илья понизил голос. — Она оттуда возвращается уставшая и все время торчит в постели. Как-то раз она уехала вечером, а вернулась только на следующий день

после обеда. Домой ее привезли родители. А она с трудом передвигала ноги. Мать попросила меня уйти.

Профессор раскрыл блокнот, сделал очередную запись и кивнул.

— Продолжайте.

— Она позвонила мне через два дня, попросила прощения за то, что мать меня выгнала и позвала обратно.

— И вы ее не спросили? — удивился профессор.

— Конечно, спросил, — возмутился Илья. — Она сказала, что с ней такое случается. Болезнь какая-то.

— Понятно, — протянул он. — Еще что-нибудь?

Илья силился вспомнить, но перед глазами всплывали только их ссоры.

— Мне нужны ее координаты, — вырвал его из раздумий Павел Федорович. — Полное имя, номер телефона и адрес.

— Орлова Ярослава. Живет в однокомнатной квартире на Весенней. Дом кирпичный, двухэтажный. Он там один такой. Первый подъезд, второй этаж, дверь слева. Номер вроде четыре, но не уверен. На двери не висит, — отчеканил он и продиктовал номер телефона.

Профессор записал все данные. Затем взял телефон и набрал номер Ярославы. Автоответчик ответил, что телефон выключен.

— Надо ехать, — вскочил он, но взглянув на наручные часы, разочаровано протянул. — Хотя, сейчас время рабочее. Кстати, где она работает?

— Нигде не работает, — буркнул Илья. — А деньги всегда есть.

«Не то, что я. Стою по десять часов на кассе, драю туалеты, полы и получаю копейки», — подумал он, и в груди вновь колыхнулась зависть.

— Кто же ее содержит? Родители? — предположил профессор.

— Нет, не думаю. Денег у нее больше, чем у родителей. Постоянно им дорогие подарки делала. То серьги золотые, то путевки на курорты.

— Интересно, — задумчиво протянул профессор. — Может, богатый любовник?

— Может и любовник, — прошипел Илья и вскочил со стула. — Пытался поймать. Не получилось.

Раскрасневшийся от жары Илья почувствовал, как по спине текут капельки пота и, пожалел, что не снял дубленку. Профессор успокаивающе похлопал его по плечу и открыл дверь.

— Спасибо вам за помощь, — пробасил Павел Федорович. — Вы правильно сделали что пришли. Похоже, она действительно что-то скрывает. Мы попытаемся с ней связаться и все выяснить. Думаю, будет лучше, если вы никому не скажете, что были здесь. Пусть останется в секрете.

Профессор проводил Илью до выхода, пожал руку, еще раз напомнил о том, что не следует никому говорить об их встрече и быстро вернулся в кабинет. Илья посмотрел ему вслед, вытер стекающий с виска пот и вышел на улицу.

«Надо было сначала денег попросить за информацию, а потом рассказывать, — ругал он себя, на ходу застегивая дубленку. — Хотя старый козел мог бы и предложить. Ну ничего, может, хоть Ярославу выведет на чистую воду».

Через пару минут из-за двери кабинета выглянул профессор и тихо спросил:

— Ушел?

Секретарь Лида оторвалась от пасьянса и устало кивнула.

— Хорошо, — он вышел из кабинета, по-хозяйски окинул взглядом приемную и недовольно пробурчал. — Песка сколько занес. Лидушка, вызови-ка ко мне Ванюшу. Скажи: срочно.

Секретарь вытащила из ящика стола телефонную книгу, нашла номер телефона директора охранного предприятия «Гранат» и позвонила.

— Алло, Иван Сергеевич. Вас срочно вызывает Павел Федорович. Повторяю: срочно. Профессор кивнул и скрылся в кабинете.

Ярослава разочарованно выдохнула, когда Константин отвернулся в сторону каньона и гордо вскинул подбородок. Она поняла, что он из тех людей, которые находят оправдание любому своему поступку и не признают ошибок.

— Ярослава, это так опасно, — всхлипывала мама, глядя ее по руке. — Обещай мне, что больше никогда не пойдешь на это. Обещай!

Она сорвалась на крик и тут же разрыдалась. Этот разговор случился после комы, в которой Ярослава пробыла почти сутки.

— Ты наш единственный ребенок. Как ты можешь с нами так поступать? Мне страшно представить, что ты не проснешься, — причитала она.

Отец сидел рядом, вытирал глаза и хлюпал носом. Ярослава с трудом пила сладкий чай через трубочку. Несмотря на упадок сил, боль во всем теле и повышенное давление, она была счастлива. На соседней кровати лежал молодой парень, опутанный проводами, и не сводил с нее глаз. Губы беззвучно шептали: спасибо, спасибо, спасибо.

Из воспоминаний ее выдернул голос Константина:

— Ну, ладно, — махнул он рукой и повернулся к ней. — Допустим, я вам верю и вы, действительно, можете помочь. Но мне трудно, понимаете? Мне трудно раскрывать душу перед чужим человеком.

Он принялся перекатываться с пятки на носок и в нетерпении уставился на Ярославу.

— Отлично! — воскликнула она и хлопнула в ладоши. — Начинаем работать. Думаю, вам интересно будет узнать немного обо мне. Давайте пройдемся?

Константин кивнул, и они зашагали по сухой красной земле в сторону каньона.

— Дело в том, что я с детства могу проникать в сознание другого человека во сне. Я это называю «хождение». Раньше получалось нечаянно. Я не выбирала, в чье сознание мне заглянуть, поэтому попадала во сны не только родителей, но и соседей. Сон взрослого человека не то, что снится ребенку. Особенно сны алкоголика, живущего под нами. Они меня так сильно пугали, что по вечерам отказывалась ложиться спать. Родители продали квартиру, и мы переехали в пригород, в деревянный домик. Только после этого я перестала бояться.

Константин с сочувствием посмотрел на нее и помотал головой.

— Со временем я научилась контролировать «хождение». Теперь я сама выбираю, чей сон подсмотреть, — она лукаво улыбнулась.

— То есть кома — это сон? Мы во сне?

— Не совсем. Это тоже вымысел, но совсем другой. Я бы назвала кому — лабиринтом. Мы можем попасть в тупик, а можем быстро найти выход. Для этого надо работать. И работать придется вам.

Константин задумчиво потер переносицу, пожал плечами и неуверенно сказал:

— Ну давайте попробуем. Что надо делать?

Ярослава улыбнулась, похвалила его и напомнила об условиях.

— Это может быть бесчестный поступок или что-то противозаконное. Возможно, вы обидели кого-то, и вам от этого беспокойно на душе.

Константин мотал головой, отрицая все предположения Ярославы. Она поняла, что рано радовалась, и надо действовать решительнее.

— Вы должны понять, что теперь и моя жизнь в ваших руках. Я не могу сама выйти из комы. Пока я здесь, мое тело теряет силы и здоровье. Возьмите себя в руки и помогите мне помочь вам.

Ярослава вплотную подошла к нему и молитвенно сложила руки. Константин мельком взглянул на нее, закрыл лицо руками и заплакал. Она не стала успокаивать и дала мужчине волю порыдать.

— Три дня назад приходил сын, — начал он, когда немного успокоился. — Рассказал, как они с мамой живут. Похвастался новым велосипедом, который мы с женой ему на день рождения купили. Уходя, сказал: папа, я тебя очень люблю и жду. Пожалуйста, возвращайся. Велосипед без тебя не буду распаковывать.

Константин всхлипнул, вытер слезы и продолжил:

— Я кричал как сумасшедший, но он меня не слышал. Никто не слышит.

Ярослава положила руку ему на плечо:

— Вы вернетесь к сыну, не сомневайтесь.

Дмитрий Сергеевич поднялся на лифте в отделение интенсивной терапии. Тамара Ивановна сидела на посту и заполняла таблицу показателей в истории болезни Константина.

— Вы подписали договор? — строго спросила она и подняла голову.

— Да, — под пристальным взглядом пожилой медсестры Дмитрий Сергеевич почувствовал себя оправдывающимся школьником.

— Тогда идите и проверьте их, — велела она. Дмитрий Сергеевич кивнул и поплелся по коридору. «С каких пор медсестры стали надо мной командовать?» — с удивлением подумал он и зашел в палату.

Ярослава лежала на боку, и ее рука покоилась в руке Константина. Дмитрий Сергеевич наклонился над ней и прислушался. Дыхание глубокое и ровное. Посчитал пульс — в норме. Константин, по показателям приборов, находился в стабильном состоянии. Дмитрию Сергеевичу вновь показалось, что происходящее похоже на розыгрыш. Он достал из кармана конверт, вынул одну купюру и внимательно изучил ее: на ощупь похожа на настоящую, посмотрел на свет: водяные знаки и микроотверстия на месте. «Настоящая. Неужели все это правда?».

Он сел на стул у окна, вытянул ноги и вздохнул. Усталость навалилась тяжелым одеялом и накрыла с головой. Суточное дежурство прошло в нескончаемом потоке больных, которые как будто специально ждали, когда Дмитрий Сергеевич останется один. Главврач улетел, коллега заболел, а морозы только крепчали.

Глава 13

Павел Федорович открыл деревянную расписную коробку и вытащил сигару. Вскоре весь кабинет наполнил пряный аромат табачных листьев. В дверь постучали.

— Павел Федорович, вызывал, — в дверь протиснулся высокий плечистый мужчина с черной окладистой бородой.

— Вызывал, Ванюша. Присаживайся.

Профессор включил настольный светильник с зеленым плафоном. В густой пелене дыма гость был похож на медведя, и Павел Федорович усмехнулся. Эмблемой охранного предприятия «Гранат» был вовсе не гранат, а медведь, покрытый густой черной шерстью. Точь-в-точь как сам директор.

— Надо выяснить про одного человека.

Он протянул блокнот с данными Ярославы. Иван вытащил телефон и сфотографировал страницу.

— Будет сделано. А зачем вызывал-то?

— Помнишь, лет пять назад был у нас парнишка, который умел читать мысли.

Иван тяжело вздохнул, любовно провел рукой по бороде и пробубнил:

— Сколько раз еще извиняться? Ну, перестарался я. Не рассчитал силы. Ты же сам видел, он как бесёнок скакал и брыкался.

— Да я не про это, — махнул рукой Павел Федорович. — Что было, то было. Назад не веротишь. По уверениям одного молодого, но гаденького человека, его бывшая девушка видит чужие сны. Вот эта самая Ярослава.

— Сны? — Иван недоверчиво посмотрел на профессора. — Тебе подойдет?

— Конечно! Получается, что она тоже может проникать в чужую голову.

Иван пожал плечами и закашлялся, задыхаясь от дыма, который профессор даже не замечал.

— Что делать-то надо?

— Пока ничего. Поищи информацию о ней и доложи. Попробую договориться. А если не получится, тогда ты подключишься.

Иван кивнул и, не прощаясь, выскочил из кабинета. В приемной он вздохнул полной грудью и потер слезящиеся глаза. Лида понимающе улыбалась и показала на кондиционер.

— Если бы не этот чудо-прибор, пришлось бы увольняться.

Иван оделся, попрощался и ушел.

— Лидочка, принеси кофе и бутерброды! — крикнул из-за двери Павел Федорович.

Секретарь Лида вскочила и поцокала на небольшую кухню.

— Что делать? Я готов, — решительно сказал Константин и вытер слезы.

— вспомните и расскажите то, чем не можете гордиться. Если вы попадете в точку, то мы сразу это увидим.

— Что значит попасть в точку?

— Это значит, что если вы в драке кому-то разбили нос и считаете, что так ему и надо, то это мимо. Если вы считаете, что он этого не заслуживал и корите себя за этот поступок, то в точку. Понятно?

— Хорошо, попробую, — неуверенно сказал он и задумался. Ярослава отошла, чтобы дать ему время собраться с мыслями, и посмотрела вдаль, на горы. Мутное желтое небо и кирпично-красные горы имели удручающий вид. Она усмехнулась: «Бывало и похуже».

— Я знаю, о чем говорить, — тихо произнес Константин. — Мне стыдно, но я расскажу. Ярослава подошла и встала напротив.

— У меня был друг Володя. Мы жили в соседних домах и дружили с первого класса. В девятых решили открыть предприятие по ремонту бытовой техники и взяли кредит в банке, — она видела, с каким трудом давалось признание, и ликовала: Константин выбрал правильное воспоминание.

— Я думал, что смогу выиграть больше и пошел в казино. За ночь спустил всё до копейки. Сам не знаю, как так получилось... Утром вызвал милицию и заявил, что нас ограбили. Замки были целые, а ключи были у меня и у Володи. Прокурор прицепился к этому и не стал больше ничего предпринимать, а я смолчал. Володю посадили на четыре года.

Вдруг вокруг всё закружилось, будто они очутились в центре разноцветного торнадо. Константин испуганно вскрикнул, но, взглянув на Ярославу, успокоился. Она радостно улыбалась.

Через несколько секунд всё прекратилось, и они очутились посреди улицы. Прямо над головой светило солнце, на голых березах чирикали птицы, в воздухе пахло весной. Асфальтная дорога зияла ямами, полными грязной воды. По обеим сторонам дороги стояли старые пятиэтажные дома.

— Где это мы? — спросил Константин.

— Я не знаю. Это ведь ваше воображение, — усмехнулась она. — Надо идти.

— Куда? Я здесь никогда не был, — возмутился он и брезгливо поморщился, глядя на переполненные мусорные баки, возле которых прогуливались серые вороны в поисках съестного.

— Идите. Доверьтесь себе, — напутствовала Ярослава и легонько толкнула.

Константин пожал плечами и нехотя побрел по дороге. «Похоже, он забыл, что находится в воображаемом мире», — подумала она и улыбнулась, наблюдая как Константин старательно обходит лужи и перепрыгивает собачье дерьмо.

Он остановился возле третьего дома слева и посмотрел навверх. Грязные темные окна смотрели враждебно, облупившиеся и потрескавшиеся стены грозили обвалом. Ярослава чуть не налетела на него, наслаждаясь прохладным весенним ветерком и пением птиц.

— Я не понимаю, что надо делать, — пожаловался он и пнул пустую консервную банку из-под шпрот.

— Идите, — повторила Ярослава. — Володя вас ждет.

Вдруг дверь подъезда со скрипом открылась. Константин осторожно заглянул в подъезд и поморщился. В нос ударил запах кошачьей мочи и сырости. Ярослава прошла вперед, схватила его за руку и потянула:

— У нас не так много времени. Надо торопиться.

Константин покорно последовал за ней. Под ногами хрустела шелуха от семечек и прочий мелкий сор. С покореженных почтовых ящиков, прикрепленных к стене, свисали счета и рекламные брошюры. Грязно-зеленые стены испещряли нецензурные надписи и неумелые граффити.

На третьем этаже им навстречу открылась дверь одной из квартир. Ярослава подтолкнула Константина к двери и тихо сказала:

— Вам сюда.

Он на цыпочках подошел к квартире и прислушался.

— Есть кто дома? — несмело спросил он. Тишина.

Константин с мольбой посмотрел на Ярославу, но та была непреклонна и повелительным жестом указала на квартиру.

В однушке царил полутьма. От стойкого запаха перегара и сигаретного дыма у Константина перехватило дыхание. Он заглянул в комнату. Единственное окно было занавешено полинявшей шторой, справа стоял старый продавленный диван, напротив лаковый шифоньер. Константин прошел дальше по коридору, свернул налево и очутился на кухне. За столом, привалившись к стене, сидел худой мужчина с красным лицом и что-то невнятно бормотал.

— Володя, это ты? — спросил Константин.

Мужчина пошевелился и открыл глаза. Он старательно рассмотрел гостя мутными с красными прожилками глазами и хрипло спросил.

— Костя?

— Да. Это я.

Константин подошел к столу и сел напротив на кривой табурет. В спившемся старике было сложно узнать того красивого сильного жизнерадостного мужчину, каким он был раньше. Только волевой подбородок с ямочкой и небесно-голубые глаза остались прежними. События, которые были много лет тому назад, вновь всплыли в памяти. Константин вдруг осознал, что пожертвовал другом ради своего спокойствия.

— Володя, почему ты здесь? Что с тобой случилось? — подал он голос.

Друг криво усмехнулся, глубоко вздохнул, и прохрипел:

— Плохо мне, Костя. Сломался я, не починить.

— Но как же так? Ты ведь такой головастый и руки золотые.

Володя облокотился на стол и засунул в рот недокуренную сигарету.

— Прикуришь? А то спички куда-то запропастились.

— Не курю, — еле слышно сказал Константин.

— Ну, тогда и я не курю, — он положил окурочек в переполненную пепельницу. — План у меня был. Жизненный план. Ступенька за ступенькой. Школа, техникум, армия, семья. Но вот доска гнилая попалась, и провалился. А выбраться не сумел.

Володя смахнул крошки хлеба со стола и принялся вертеть в руках пустой граненый стакан. Константину нестерпимо захотелось на улицу, на свежий воздух. Он вскочил с табуретки и выбежал из квартиры.

Ярослава стояла на улице с закрытыми глазами, подставив лицо теплому солнцу.

— Боже, как же он опустился! А ведь какой был. Пойдемте скорее отсюда, — он схватил Ярославу за руку и попытался увести от дома. Но она высвободилась и твердо сказала:

— Вы должны вернуться.

— Зачем? Что мне там делать? Я уже все осознал. Не хочу видеть его в таком состоянии.

Константин зашагал прочь от дома, в сторону мусорных баков.

— Как выйти отсюда? — бросил он через плечо. Ярослава побежала следом и схватила его за руку.

— Мы не сможем выйти и останемся в этой разрухе до тех пор, пока вы сделаете то, что должны. Вы искалечили жизнь человеку. Вернитесь и покайтесь! — Ярослава почти кричала, дергая его за руку.

Он не ожидал такого напора и с минуту стоял в оцепенении. Затем кивнул и с удрученным видом поплелся обратно. Володя спал, прислонившись к стене.

— Володька.

— М-м-м, — промычал он в ответ и приоткрыл глаза.

— Я должен кое-что тебе сказать, — слова давались с трудом. — Гнилая ступенька — это я.

— Не говори ерунды. Ты-то здесь причем? — отмахнулся Володя.

— Я деньги украл! — выпалил Константин. Володя уставился голубыми глазами на неприбранный стол и замер.

— Скажи что-нибудь, — не выдержал напряжения Константин. Друг пожал плечами, замотал головой и тихо ответил:

— Не верю. Ты не мог.

— Я проиграл деньги в казино. Признаться было стыдно, и сказал, что украли. Я не думал, что тебя посадят. Прости меня. Прости!

Константин ударил себя кулаком по груди и всхлипнул, с трудом сдерживая слезы. Он вспомнил всё, каждую деталь: приход участкового, допрос и глаза Володи на суде. Пожилой судья огласил приговор, окинул присутствующих безразличным взглядом, развернулся и ушел. Мать Володи бросилась к решетке и принялась дергать прутья.

— Выпустите его. Выпустите! Он не вор. Он никогда чужого не брал и не возьмет. Сыночек, выходи!

Конвоиры грубо оторвали ее от решетки и вывели на улицу. Володя переводил недоуменный взгляд с рыдающей невесты на Константина и обратно.

— Как же так? — тихо спросил он, когда на его руках защелкнулись наручники. — Как же так?

Константин закрыл глаза и помотал головой, пытаясь избавиться от воспоминаний. Но перед ним сидел Володя. Сломанный Володя. Живое подтверждение его ничтожества и страха.

Тем временем, Володя тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, что ты вернулся. Я испугался, что снова остался один.

Константин бросился к другу и прижал его голову к своей груди. Слезы стекали по щекам и пропитывали рубашку.

— Володька, ты не один. Я обязательно найду тебя и помогу. Мы снова будем вместе.

Буду просить прощения, пока ты не простишь.

Володя отодвинулся и посмотрел совершенно трезвым взглядом:

— Найди меня. Мне плохо.

Вокруг все закружилось, смешалось в разноцветном круговороте и исчезло. Константин очутился на сухой красной земле рядом с Ярославой.

Илья решил наведаться на работу, хотя сегодня была не его смена. При входе в нос ударил знакомый запах: смесь хлорки и подгоревшего дешевого масла. Несколько гостей жевали вялые листья салата, слипшуюся лапшу с перемороженными креветками, сухую пиццу и запивали растворимым кофе или пакетированным чаем. Заведение находилось в спальном районе, там, где не принято есть в кафе, если живешь где-то рядом. Две официантки сидели у барной стойки, уткнувшись в экраны телефонов.

— Привет. Где Никита? — спросил он и опустился на соседний стул.

— Привет. На кухне. Валька опять пьяная пришла, — отозвалась одна из официанток, не поднимая головы.

Илья обошел барную стойку и прошел на кухню. Повар Валя спала на широком подоконнике и громко храпела. Грязный передник едва прикрывал ее большой дряблый живот. Никита мельком взглянул на него и продолжил мыть посуду, изредка помешивая варево в кастрюле. Илья скинул дубленку и открыл дверцу холодильника:

— Салат вчерашний?

— Конечно. Сегодня еле на бровях приползла. Сам всех накормил.

Илья достал пластмассовый таз с салатом, взял ложку и принялся есть. Маринованные огурцы аппетитно хрустели на зубах.

— Сегодня ходил в одно место. Институт какой-то, — сказал Илья, но Никита прыснул и вставил:

— В институт ходил? Ты хоть знаешь, что это слово значит?

— Заткнись! — рявкнул Илья и стукнул друга ложкой по плечу. — Слушай дальше. Там занимаются ненормальными людьми.

— Психушка, что ли?

— Сам ты психушка! Короче, сдал я Славу. Профессор очень заинтересовался. В блокнотик всё записал. Сказал, займется.

— Может, не надо было левых людей вмешивать? — насторожился Никита.

— Ты же сам говорил, чтобы я не прощал, — возмутился Илья.

— Мало ли, что я пьяный мог сказать. Хорошо хоть мозгов хватило в институт пойти, а не к уголовникам. Отстань ты от нее.

— Не могу забыть...И жить без нее не могу.

Он снова занялся обветрившимся салатом. Вскоре официантки друг за другом принесли заказы, и друзья принялись готовить. Неискушенные гости не заметили разницы

— Я в лабораторию, — сказал Павел Федорович Лиде и вышел на улицу. Время было обеденное, и мороз немного ослаб.

В том же здании завода, только на цокольном этаже, находились три лаборатории и две комнаты отдыха. Сейчас все помещения были пусты, а пять сотрудников института сидели дома и ждали звонка. Уже второй месяц к ним никто не обращался, хоть профессор каждую неделю участвовал в программе «Ясное сознание». Последним был мужчина, утверждавший, что видит души умерших. Он оказался аферистом и признался в обмане через три недели дорогостоящих исследований и только после встречи с директором «Граната» Иваном Сергеевичем. Сейчас во всех помещениях было холодно. В целях экономии обогреватели отключили.

Павел Федорович отпер тяжелую железную дверь, включил свет и осмотрелся. Светлоголубые стены и белый свет потолочных ламп еще сильнее охладили помещение. Он заглянул во все кабинеты и включил обогреватели. Согласится Ярослава или нет, она всё равно окажется здесь. После неудачного побега того парнишки, Кирилла, пришлось установить на дверь специальный замок, реагирующий только на отпечаток пальца. Пять сотрудников, а также Павел Федорович, Лида и Иван были внесены в память устройства и без труда перемещались. Посторонний человек не мог войти или выйти.

Профессор опустил в кресло у монитора в первой лаборатории и глубоко вздохнул. Смерть Кирилла вызывала не сочувствие, а жалость. И жалел Павел Федорович себя. «Так близко подобрался. Надо было сильнее поднажать», — подумал он и хлопнул себя по колену. Сирота Кирилл, маленький, худенький юноша, попал к ним прямоком из детского дома. Два месяца Павел Федорович не отходил от него, подвергая его мозг различным воздействиям.

— Человек рождается стерильным. В нем со временем поселяются колонии различных микробов. Мозг такой же. Сначала стерильный. Потом, в процессе роста он учится. В утробе матери ребенок слышит звуки ее сердца и голоса, чувствует вкус пряной еды. Его мозг сохранил эти знания в своих закромах. Помните, как на экзамене всплывал ответ на незнакомый вопрос? Наш мозг помнит абсолютно всё. Человеческий мозг — это организм в организме. Мозг, как паразит, пользуется телом и управляет нашими действиями для достижения своих целей, — эту речь он произносил на форуме молодых ученых. — С помощью людей, обладающих экстраординарными или, по-другому, сверхспособностями мы можем научить этому свой мозг.

Его речь произвела большой ажиотаж. После выступления к нему потянулась вереница любопытствующих и журналистов.

— Скажите, а каким образом вы будете извлекать информацию из своих подопытных? — пихнула микрофон в лицо активная журналистка в полосатом свитере. — И не противоречат ли ваши действия Женевской конвенции о защите прав человека?

Павел Федорович улыбался в камеру и продвигался к выходу сквозь толпу.

— Не превратите ли вы людей в подопытных крыс? — журналистка в полосатом свитере не отставала, буквально наступая профессору на пятки. — Можно ли поговорить с кем-нибудь, кто благополучно вышел из вашей лаборатории?

Директор «Граната» Иван отеснил настырную женщину и захлопнул за профессором

дверь машины. Но журналистка не собиралась сдаваться.

— Вы всегда рядом с профессором Куликом. Можете нашим телезрителям сказать пару слов о деятельности сомнительного НИИ?

Иван помотал головой, улыбнулся сопровождающей ее камере и резко открыл дверь машины. Женщина охнула и повалилась на асфальт от сильного удара дверью. Иван сел за руль и быстро уехал.

Профессор остановил взгляд на входном отверстии вентиляции, закрытой решеткой. Худенькому Кириллу не составило труда забраться в воздуховод и проползти до улицы. Он не учел одного — шум. Листовой металл грохотал под коленками. Иван поймал его уже на улице. Но не учел, что обессиленный юноша оказался хрупким, и надавил сильнее, чем требовалось. Павел Федорович внимательно рассмотрел синюшную шею Кирилла и пожурил своего друга.

— Как же так, Ванюша. Ты же ему шею сломал.

Куда Иван дел труп профессор не спрашивал. Ему было не интересно. Он горевал, сидя в баре, высказываясь равнодушному бармену.

— Это был мой любимый проект. Я почти разобрался. Осталось понять, как извлечь и передать. Мне бы еще годик- другой.

Он выпил залпом четвертый бокал и, шатаясь, побрел к выходу. Две недели он не выходил из дома и не отвечал на звонки. Только курьер через день приносил еду и выпивку. Из затянувшегося запоя его выдернул Иван, подкинувший идею.

— Павел Федорович, конец света не наступил. Сыщешь еще кого-нибудь. Приведи себя в порядок, а я договорюсь на телевидении. Помелькаешь то там, то сям. Народ тебя запомнит, полюбит. А потом дашь объявление: ищу веселых и находчивых экстрасенсов.

Он не сдержался и расхохотался. Профессор ухватился за эту идею и развил бурную деятельность: писал статьи в журналы, присутствовал в телевизионных программах, участвовал в беседах на радио. За несколько месяцев работы накопился целый список людей, считающих себя экстрасенсами, чародеями, магами или ведунами. Но при проверке оказалось, что большая часть обманывала, несколько человек имели серьезные умственные отклонения и только двое обладали способностями. Один с помощью руки облегчал боль, а второй безошибочно предсказывал будущее на картах. Павел Федорович провел несколько предварительных исследований и понял, что они не подходят.

Профессор отогнал воспоминания, вытер рукавом отпечаток пальца со стерильно чистой поверхности стола и направился к выходу. Тепло от обогревателей невидимыми волнами расходилось по комнатам.

Прохладный весенний ветерок сменился сухим горячим воздухом. Ярослава открыла глаза и улыбнулась, Константин справился. Она подошла и прикоснулась к его плечу:

— Как вы?

Константин поднял голову и вытер слезы тыльной стороной ладони.

— Что это было? Неужели я встречался с Володей?

— Нет, мы до сих пор в коме. Володя может жить совершенно в других условиях и быть вполне успешным человеком. Но ваше сознание выдумало мир, в котором должен находиться Володя, после того, что вы с ним сделали.

Константин облегченно выдохнул и опустился на землю.

— Как хорошо. Я очень рад.

— Но, — строго сказала Ярослава. — Володя, действительно, может нуждаться в помощи.

Константин закивал.

— Вы правы. Я найду его. Обязательно найду. Ведь я обещал.

Ярослава не стала напоминать, что произошедшее было фантазией и он дал обещание себе самому. Она опустилась рядом, и вдруг над головой послышался голос Тамары Ивановны.

— Ярослава, я тебя укрыла пледом. Надеюсь, у вас всё получается. Константин Львович, слушайте эту девочку и делайте, как велит. Она поможет.

Константин недоуменно уставился на Ярославу.

— Почему мы не проснулись? Я что-то неправильно сделал?

Ярослава встала и отряхнула белый костюм от красной пыли.

— Вы правильно сделали. А не проснулись мы потому, что этот случай не единственный груз на вашей душе. Давайте работать дальше.

Константин кивнул, вскочил на ноги, и они снова зашагали по безжизненной красной пустыне в сторону гор.

— А где мы находимся? — Ярослава подобрала с земли камешек и принялась катать его в руке. Камешек раскрошился, превратившись в песок.

— Это Аризона. В прошлом месяце с семьей летали к другу в Финикс. Приезжали посмотреть Гранд-Каньон.

— Почему вам не понравился парк?

— Откуда вы знаете, что не понравился?

Ярослава усмехнулась.

— Иначе вы бы здесь не оказались. У каждого свой ад. Я уже побывала на кладбищах, в заброшенном здании, в больнице, в лесу и даже в торговом центре.

— Вы серьезно? В торговом центре?

— Да, это был восьмилетний мальчик. Он когда-то потерялся в торговом центре и с тех пор боялся туда ходить.

Константин понимающе кивнул и провел рукой по волосам.

— Я его понимаю. Вы правы, мне не понравился каньон. Словно край земли. Лучше расскажите о своем прекрасном даре.

Ярослава посмотрела вдаль, на подернутые легкой дымкой вершины гор и чуть заметно

улыбнулась. Свой прекрасный дар она с радостью отдала бы другому. Притом, с доплатой.

— Раньше, лет пять назад, я бы поправила вас и назвала свой дар ужасным или даже проклятьем. Но после того, как нашла ему применение, больше так не думаю. Это дар. Прекрасный божественный дар. С его помощью я вернула к жизни двадцать шесть человек. Надеюсь, вы будете двадцать седьмым.

— Можете не сомневаться. Я буду двадцать седьмым, — жарко уверил Константин и стукнул себя кулаком по груди. Ярослава с печальной улыбкой посмотрела на него и продолжила:

— До того, как научилась контролировать «хождение», боялась, что сойду с ума. Люди редко помнят сны, в отличие от меня. Я помню все, что видела: нечеткие пугающие образы, страшные лица, резкие падения, мертвых или тонущих в болоте людей, жуткие аварии и катастрофы. Все это изматывало. Я старалась спать днем, а ночью бодрствовать.

Она замолчала и прижала руку ко рту, чтобы не заплакать. Никто по-настоящему не понимал ее страданий. Психологи советовали отвлечься от фантазий и переместиться в реальный мир. Они не верили, что это была правда. В последний раз она была у психолога в прошлом месяце:

— По-моему, вы инфантильны и таким образом убегаете от жизненных трудностей. Вам уже двадцать пять лет, но у вас нет ни работы, ни семьи. Вы застряли в детстве и не хотите взрослеть. Вам так удобно. Изображаете жертву, чтобы вас жалели. Поймите, это путь в никуда.

— Спасибо, — кротко ответила Ярослава и улыбнулась. — Если можно, то я оплачу картой.

— Я еще не все сказал, — продолжал психолог, тучный лысый мужчина. Ярослава была у него на приеме лишь раз и, по отзывам, он должен был быть очень хорошим специалистом. Должен был быть, но не был.

— Не думаю, что вы сможете мне помочь, — твердо сказала она и встала. — Прощайте. Надеюсь, мы больше не увидимся.

Родители всячески поддерживали, пытались разнообразить ее жизнь путешествиями. Однако куда бы они ни поехали, везде были люди. И все они видели сны. Ярослава поняла, что только человек, находящийся в коме, сможет ее понять, и ждала звонка Валерия Борисовича, как повод выговориться.

Дмитрий Сергеевич вздрогнул от прикосновения к плечу.

— Я что, заснул? — Тамара Ивановна стояла над ним и утвердительно кивнула.

— Спать нельзя. Я не волнуюсь за Бирро. Он и так в коме. А вот Ярославке нельзя долго находиться в «погружении». Тем более без присмотра.

— Погружение? Что за терминология такая? — раздраженно произнес он, потянулся и почувствовал как болит онемевшая шея.

Тамара Ивановна развернулась и вышла из палаты, не удостоив врача ответом. Он взглянул на наручные часы и удивился, что проспал целый час. «Вторые сутки без сна, — подумал он. — Надо хотя бы поесть».

Дмитрий Сергеевич прислушался к равномерному дыханию Ярославки, проверил пульс и вышел из палаты. Тамара Ивановна сидела на посту и заполняла журнал.

— Сколько это продлится? — Дмитрий Сергеевич кивнул в сторону палаты.

— Не знаю. Всегда по-разному.

— Вы можете подробнее объяснить, что там происходит?

Тамара Ивановна закрыла журнал и убрала его в ящик стола.

— Слава Богу, я не была в коме и не могу знать, что там происходит. Но после пробуждения все. Повторяю, все без исключения благодарят Ярославу.

— Неужели никто никогда не рассказывал, что произошло? Не верю! — вспыхнул Дмитрий Сергеевич. — И вообще, все это пахнет розыгрышем. А я всю ночь работал, даже на полчаса не сомкнул глаз. Поэтому сейчас вам лучше признаться, пока я совсем не разозлился и не пошел вразнос.

Он раскраснелся и сжал губы, пристально глядя на медсестру. Но та выдержала взгляд и спокойно ответила:

— После пробуждения они подписывают документ о неразглашении. А вам, Дима, я бы посоветовала не повышать на меня голос. А то.

Она не договорила, сделала страшное лицо и провела большим пальцем по горлу. Дмитрий Сергеевич прыснул и поплелся в сторону лифта, надеясь, что в столовой осталось что-нибудь из съестного.

Павел Федорович каждые полчаса пытался дозвониться до Ярославы, но автоответчик неумолимо повторял: телефон абонента выключен. В конце концов он не выдержал и позвонил Ивану.

— Ванюша, ну что? Какие новости? — устало проговорил он и принялся массировать разболевшуюся коленку.

— Пока никаких. Другие дела решал, — спокойно ответил Иван. На заднем фоне играла музыка, слышались веселые голоса и смех.

— Не понял, — профессор выпрямился в кресле и перешел на крик. — Прошло два часа, а ты до сих пор не выяснил?!

Иван ответил не сразу, было слышно, как он удаляется от шумной компании. Вскоре тихим извиняющимся тоном ответил:

— Я перезвоню вам в течение получаса и всё подробно расскажу. У дочки сегодня день рождения. Не хотел пропустить, все-таки десять лет. Юбилей.

Профессор кинул телефон на стол так, что тот провалился между стопками книг и журналов.

— Лида, иди сюда!

Он подождал, прислушался, но каблучков секретаря не было слышно.

— Лида! — еще громче крикнул профессор. Но и на этот раз Лида не вбежала в кабинет.

— Это что, саботаж? — он встал и направился к двери, прихрамывая из-за больной коленки. Лиды на месте не оказалось. Он заглянул на кухню, в раздевалку и даже в туалет. Ни души.

Вдруг входная дверь резко открылась, и влетела раскрасневшаяся от мороза Лида.

— Ты где была в рабочее время? — напустился на нее профессор. — Один на празднике гуляет вместо работы. Вторая шляется неизвестно где. Уволю всех!

Испуганная Лида показала на пакет, который держала в руках.

— Вы же сами велели обед купить, — тихо сказала она. — Вот, принесла пюре с куриными котлетами и пирожки с повидлом.

Профессор выдохнул и поплелся обратно в кабинет. Возле двери, не оборачиваясь, бросил:

— Подогрей и принеси.

Лида скинула верхнюю одежду и побежала на кухню. Пока пюре с котлетами крутилось в микроволновой печи, она вытирала слезы, набежавшие от обиды. У одинокой бездетной Лиды не было ничего дороже работы. Она первой приходила в НИИ, а уходила последней. Организация встреч, уход за престарелым профессором, ответ на телефонные звонки и даже пасьянс на компьютере составляли неотъемлемую часть жизни Лиды. Угроза увольнением сильно поколебала ее хрупкую нервную систему.

Павел Федорович сел в кресло и почувствовал, как сжалось сердце и к горлу подступил ком обиды. Из глаз потекли слезы.

— Эх, Лида-Лида.

Он со стоном встал и поплелся на кухню.

— Лидочка, прости меня, пожалуйста. Я не хотел тебя обидеть. Если честно, то очень

испугался, что ты ушла навсегда. А я без тебя не могу.

Лида исподлобья посмотрела на виноватого профессора и счастливо улыбнулась.

— Обед сейчас принесу.

Павел Федорович улыбнулся в ответ и вернулся в кабинет.

— И зачем я это сделал, старый дурак! — хлопнул он рукой по столу. В сотый раз он винил себя за необдуманый поступок, за который теперь расплачивался. Несколько лет назад к пришла за помощью девушка. На первый взгляд она была просто сильным эмпатом: чувствовала эмоции других людей и глубоко сопереживала. Но эта особенность мешала ей жить и истощала нервную систему.

— Я не могу спокойно выйти из дома. Радостных и счастливых людей гораздо меньше, чем страдающих и обиженных. Домой прихожу вся в слезах. Мне советовали не обращать внимания и не вглядываться в лица, но дело не в этом. Я всем телом чувствую эмоции мимо проходящего человека, даже если не вижу его.

Исследования показали, что ритмы ее мозга отличаются от ритмов мозга обычного человека. Она однозначно обладала сверхспособностью. Прибор, созданный на основе электроэнцефалографа, считал эти ритмы, расшифровал и сохранил. Профессор признался девушке, что не сможет избавить ее от повышенной эмпатии, и выплатил большую компенсацию за возможность исследовать ее мозг.

Вместе со своей командой Павел Федорович сконструировал передатчик, который воздействовал на мозг человека изученными ритмами. Мозг запоминал и мог воспроизводить полученные данные. Профессор сам выступил в роли подопытного. Ему надели на голову силиконовый колпак со множеством мельчайших датчиков и подключили к прибору. Сначала он ничего не почувствовал и успел огорчиться, думая, что прибор неисправен. Мысли о том, что невозможно научить мозг излучать другие ритмы, не было. Он свято верил в непогрешимость своей теории. Через полчаса, когда он уже хотел стянуть колпак с головы, послышалось слабое жужжание. Павел Федорович ошарашенными глазами замахал рукой, чтобы сотрудники не смели выключать прибор. Через пять минут жужжание сменилось пульсацией, а затем чувством распираания. Профессор даже потрогал голову, потому что было ощущение, что череп расширился. Конечно, с черепом было все в порядке. Прошло ровно три минуты, и все ощущения пропали. Он подождал еще немного и снял колпак.

— Павел Федорович, как вы? — осторожно спросил старший научный сотрудник Семен и дотронулся до его плеча. Профессор медленно открыл глаза и прислушался к себе.

— Пока не знаю, — хрипло ответил он и вдруг почувствовал облегчение, а губы непроизвольно расползлись в улыбке. Он повернул голову и увидел Лиду, стоящую в коридоре, за стеклянной стеной. Она улыбалась. В то же время он почувствовал, как сердце начало биться быстрее и появилось беспокойство.

— Дайте руку, давление померяю. А то вы какой-то бледный, — сказал Семен и потянулся к тонометру, лежащему на столе.

— Со мной всё хорошо, — уверил профессор, но все же вытянул руку. Тонометр показал, что давление в норме. Семен выдохнул и кивнул. Беспокойство, которое ощущал Павел Федорович, пропало.

— Сработало, — изумленно прошептал он, схватил Семена за руку и повторил. — Сработало.

— Что? Что вы чувствуете?

— Ты беспокоился обо мне?

— Конечно, — с жаром сказал Семен. — Я вообще то сразу был против того, чтобы вы надевали колпак.

— Я почувствовал твое беспокойство, — прошептал профессор и указал на Лиду. — И ее радость, когда открыл глаза. Знаю, Лидочка тоже волновалась.

Семен расплылся в улыбке и схватил профессора за плечи.

— Значит, передатчик работает?

— Да, Сёма, работает.

Из приятного воспоминания выдернул телефонный звонок. Марш Верди звучал где-то под грудой макулатуры. Павел Федорович, чертыхаясь, разгребал завал на столе, когда в кабинет зашла Лида с подносом. Она ахнула и присоединилась к поискам.

— Алло! Алло! — прокричал Павел Федорович в трубку.

— Я не глухой, — слышался голос Ивана, — С вами все хорошо?

— Прости, да, хорошо, — профессор опустился в кресло и выдохнул. — Новости?

— Мои ребята подготовили доклад. Вам прочитать или отправить?

— Отправляй, — Павел Федорович сбросил звонок и кивнул Лиде. — Иди, принимай факс. Сейчас Ванюша позвонит.

Гранд-Каньон раскинулся во всей красе. Впереди, между скалами, серебрилась змейка реки Колорадо. Воздух стал свежее. Ярослава коснулась плеча Константина, задумчиво глядящего вдаль.

— Как вы?

— Хорошо, — кивнул он. — Мне стало лучше. Спокойнее.

— Надо торопиться. Неизвестно, сколько времени займет наше путешествие.

— Я знаю, о чем говорить, — он вздохнул и подобрал с земли сухую травинку. — У меня есть младший брат Боря. В детстве он был пухленьким, поэтому называли его Бубликом.

Константин замолчал и пнул камешек, который не покатился, а начал прыгать, как мяч.

— Продолжайте, — поторопила Ярослава.

— Он умственно отсталый. Пока родители были живы, заботились о нём. Но после их смерти я отдал его в специализированное учреждение. В интернат для таких же как он. Но вы не подумайте ничего плохого, — всполошился он и принялся оправдываться. — Там хорошо. Прямо как в дорогом санатории. Кормят вкусно, процедуры разные, бассейн. Я думаю, ему там нравится. Единственное отличие, оттуда не выйти. Охрана, высокие заборы, пропускной режим и все такое.

Ярослава посмотрела на раскрасневшегося Константина, который нервно крутил пуговицу на рубашке. Теперь ее жизнь и здоровье зависели от него, но она решила не давить и терпеливо ждала продолжения.

— Может, я просто убедил себя, что в интернате хорошо? — спросил Константин, но Ярослава поняла, что обращается он не к ней, а к самому себе. — Как-то одна санитарка сказала мне, что Боря каждый день стоит у окна и смотрит на ворота. Ждет меня. Я навещался в интернат раз в месяц. Он всегда бежал мне навстречу, обнимал и все время держался за руку.

Константин остановился, обхватил себя руками и, ссутулившись, продолжил:

— А я перекидывался с медперсоналом парой слов о его самочувствии и быстро уезжал обратно. Возвращался к своей счастливой жизни. А Боря оставался там, взаперти и снова ждал у окна моего приезда... Он так любит меня, а я его бросил.

Пейзаж закружился в разноцветном вихре. А когда он рассеялся, жаркое летнее солнце на мгновение ослепило их. Ярослава огляделась. Они стояли посреди небольшой благоухающей поляны, окруженной частоколом молодых березок. Слева виднелось продолговатое озеро. Ярослава приставила руку ко лбу, спасаясь от солнца, и увидела бледно-розовые кувшинки, плавающие вдоль берега.

— Я знаю, где мы! — воскликнул Константин и Ярослава вздрогнула от неожиданности. — Вон там за деревьями бабушкин дом... Лет тридцать здесь не был.

Вдали, между кронами деревьев, выглядывала серая крыша дома и кирпичная труба. Вдруг в озеро что-то плюхнулось. Они вышли из березового круга и увидели в камышах мальчика в полосатой майке до колен. Мальчик выковыривал камешки с берега и бросал их в воду. Ярослава подтолкнула опешившего Константина и пошла следом. Мальчик обернулся и помахал рукой.

— Костя, посмотри, я почти до середины добросил. Попробуй ты.

Константин подошел, опустился на корточки и взял камень с маленькой ладошки.

— Здравствуй, Бублик.

— Костя, ну ты чего! Бросай скорее, а то мои круги пропадут, и мы не будем знать кто дальше бросил.

Константин легонько подбросил камень, и он упал в воду возле берега. Боря залился счастливым смехом. Ярослава улыбнулась, наблюдая, с какой нежностью Константин притянул брата к себе, крепко обнял и поцеловал в щеку.

— Где ты был? Мне было страшно, — пожаловался Боря. — Мы же хотели землянику собрать.

Константин вопросительно посмотрел на Ярославу. Та кивнула.

— Конечно, пойдем собирать землянику.

Он поднял Борю на руки и побрел по густой траве наверх, к поляне. Ярослава опустила руку в прохладную воду озера и порадовалась тому, что сознание Константина до мельчайших подробностей воспроизвело этот мир. Правда, вдали вместо леса и неба виднелись нечеткие образы, словно разозлившийся художник размазал неудавшийся рисунок по холсту. С цветка слетела бабочка и опустилась на плечо. Вблизи бабочка тоже была нечеткой и угадывалась лишь по большим ярким крыльям. Ярослава легонько подула, и бабочка улетела, постепенно растворяясь вдали.

Погрузившись в кому, она переставала чувствовать свое тело, но отлично знала, чем может обернуться для здоровья долго нахождение в сознании Константина. Поэтому провела влажной рукой по лицу, вздохнула с грустью и зашагала к поляне.

Братья собирали в ладони ягоды и кормили друг друга. Ярослава с удивлением обнаружила, что Константин, забыв о прожитых годах и жизненном опыте, превратился в беззаботного ребенка, играющего с младшим братом. Они часто обнимались, корчили рожи и заливисто смеялись.

— Смотри, что нашел! — крикнул Боря и показал небольшой подосиновик. — Давай на костре пожарим?

Он прижал руку с грибом к груди и вприпрыжку поскакал по траве.

— Просто пожелайте, — подсказала Ярослава, когда увидела, что Константин принялся шарить по карманам в поисках зажигалки.

— Хочу костер, — несмело произнес он. Тут же перед ним появился костер с догорающими углями.

— Так я могу что угодно пожелать? — воодушевился Константин и в нетерпении потер руки.

— Можете, но мы здесь не для этого, — осадил его пыл Ярослава и кивнула на прыгающего Борю с грибом в руке. — Думаю, вы уже знаете, что делать.

Константин кивнул и с грустью посмотрел на брата. Потухший взгляд и опущенные уголки рта сразу вернули ему прожитые годы. Жаренный гриб они по-братски поделили и съели.

— Я бы сейчас бабушкин тазик из-под варенья облизал, — мечтательно произнес Боря. Они сидели на корточках у огня и ковырялись ветками в костре.

— А я бы печеньку маслом намазал, а сверху сахаром посыпал, — Константин погладил себя по животу и подмигнул брату. — И редиской похрустел.

— О! Это ты хорошо придумал. Я тоже редиску хочу, — восхитился Боря, но тут же погрустнел и рассеянно проговорил. — Пора домой, бабушка будет волноваться.

Братья еще раз крепко обнялись, и Ярослава услышала, как Боря громким шепотом попросил:

— Не оставляй меня больше одного, ладно. Мне страшно.

— Не оставлю. Я обещаю, — заверил Константин и поцеловал ладошку брата, измазанную земляничным соком. Боря зевнул и устало побрел по тропинке, ведущей к дому.

Вихрь смешал деревья, поляну, небо и хрупкую фигуру мальчика в разноцветное полотно и перенес их на кирпично-красную землю.

Дмитрий Сергеевич поковырял сухую гречку, укусил пересушенный ломоть свинины, запил все это роскошество несладким компотом и, окончательно разочаровавшись в обеде, поплелся к лифту, дожевывая хлеб. Больные и медработники сновали по коридору. Изредка кто-то здоровался. По привычке он засунул руку в карман и тут же отдернул, будто обжегся. Испуганно огляделся и заскочил в кабину лифта. Деньги. Новенькие купюры за молчание. Ему стало казаться, что за ним наблюдают.

«Это розыгрыш. Они следят за мной», — подумал он, вышел из лифта и решительно приблизился к посту. Однако Тамары Ивановны на месте не оказалось.

— Где ты ходишь? — напустилась та, едва он открыл дверь палаты. — У Ярославы давление подскочило.

Беспокойство опытной медсестры передалось ему. На мониторе электронного тонометра застыли цифры.

— Сто шестьдесят на сто двадцать? У нее гипертония.

— Спасибо, что подсказал, умник, — огрызнулась Тамара Ивановна, наклонилась над Константином и прокричала. — Ярослава, детка, поторопись! Тебе становится плохо!

Ошарашенный Дмитрий Сергеевич не придумал ничего лучше, как ущипнуть медсестру за руку.

— Ты чего? — удивилась она.

— Что вы здесь устроили? Что за клоунада?

— Сам ты клоунада. Ей становится плохо, когда она долго в коме. В прошлый раз мы за нее серьезно испугались.

Она взяла с подноса на подоконнике, шприц и велела:

— Освободи Ярославе плечо.

Дмитрий Сергеевич подошел к спящей девушке, расстегнул верхнюю пуговицу и в нерешительности замер, рассматривая выглянувшее кружево бюстгальтера. Тамара Ивановна шумно выдохнула, протянула ему шприц, отстегнула еще три пуговицы и освободила плечо.

— Делай.

Он взял с подноса заспиртованную салфетку и медленно ввел препарат в плечо Ярославы.

— А что вы набрали в шприц?

— Хорош врач, — хмыкнула Тамара Ивановна. — Сначала сделал, потом спросил... Следи за ней. У меня еще больные есть.

— Подождите, — сказал Дмитрий Сергеевич и преградил ей путь. — Поклянитесь, что это не розыгрыш.

Тамара Ивановна внимательно посмотрела и устало выдохнула. Молчание затянулось, и Дмитрий Сергеевич почувствовал себя неуютно.

— Дима, тебя никто не обманывает. Ты сам в этом убедишься, — она посмотрела на Ярославу и тихо добавила. — Если она там не застрянет.

Павел Федорович внимательно прочитал отчет о Ярославе, однако не нашел в нем ни намека на сверхспособности.

— Алло, Ванюша, что это ты мне отправил? — Иван ожидал такой реакции, потому что задал этот же вопрос своему заместителю. Но тот уверил, что на Ярославу Орлову больше ничего нет.

— Это все, что есть. Мои ребята работают добросовестно. Вы же знаете.

— Неужели опять мимо? — огорчился Павел Федорович.

— Не знаю, — признался Иван. — Надо проверить. Вы договорились о встрече?

— Телефон до сих пор выключен. Может, она дома?

— Нет. Соседка сказала, что утром куда-то уехала на такси. Олег следить остался.

Павел Федорович выключил телефон, аккуратно положил его на краешек стола, единственное свободное место, и зажег сигару. Густой ароматный дым закружился в кабинете и пополз к приоткрытой двери. Он услышал, как Лида вскочила с кресла, подбежала и с силой захлопнула дверь.

— Бесится, — усмехнулся он, откинулся в кресле и приблизил к глазам лист с данными Ярославы. Отчет состоял из нескольких частей: физические данные и заболевания, образование, родственники и друзья, социальные сети и упоминания в СМИ.

Первая часть не вызвала интереса: средний рост, нормальный вес, хронический тонзиллит, частые ангины и мигрень. В части «образование» значился столичный институт. Заочно отучилась на психолога.

Близкими родственниками значились только родители. Родных братьев и сестер у нее нет, а старшие родственники — умерли. В списке друзей в основном были одноклассники и соседи. Но ни с кем из них активно не общалась.

В одной из социальных сетей у нее был аккаунт. На стене страницы она изредка выкладывала фотографии забавных животных или красивые пейзажи. В СМИ упоминаний с Ярославе не было.

Павел Федорович смял лист, бросил в урну и приоткрыл шторы. Оранжевое солнце выглядывало из-за домов и отражалось от окон. «Через час скроется из виду, уступив место ярким точкам в безжизненной мгле бесконечного космоса, — подумал он и хмыкнул, — Интересно, это мои слова или я где-то услышал?»

Профессор раз за разом прокручивал в голове прочитанное и сопоставлял с рассказом Ильи. Во-первых, он говорил, что ей звонят из больницы. Но у Ярославы образование психолога. Может, она там консультирует больных или персонал? Во-вторых, мигренью страдают много молодых женщин. Это связано с гормонами. Он помассировал виски и покрутил головой. Что-то настораживало. «Мало информации. Нет упоминания в интернете. Нет близких друзей»

Павел Федорович схватил телефон и набрал номер Ивана.

— Я понял, — выпалил он, предварительно выпустив дым изо рта. — Отсутствие информации тоже о многом говорит. Нынешняя молодежь выставляет всю жизнь напоказ. Ничего не стесняются, обо всем говорят. А эта девушка прячется. Почему? Я почти уверен: она что-то скрывает. Кстати, как она выглядит?

— Я же вам на почту отправил фото. Не видели?

— Нет, еще не видел. Молодец! — похвалил профессор и бросился к компьютеру. — Уже включаю. Сейчас посмотрю. Но, похоже, мы не ошиблись.

На мониторе высветилось письмо от директора охранного предприятия «Гранат». Профессор открыл фотографию и улыбнулся. «Просто ангел».

Ярослава испуганно посмотрела на Константина. Слова Тамары Ивановны сильно обеспокоили ее.

— Что это значит? — спросил Константин.

— Надо поторопиться. Мне пора возвращаться. Пойдемте.

Она схватила его за руку и потянула в сторону каньона, который оказался ближе, чем раньше.

— Зачем?

— Так легче.

— Я не хочу туда идти. Высоты боюсь, — признался он. Но Ярослава сердито сдвинула брови и, резко вскинув руку, показала на каньон.

— Вам надо пройти этот путь, иначе мы не выберемся. Вспоминайте, что вы еще натворили!

Последняя фраза прозвучала грубо, но она и не думала извиняться. Ее жизнь и здоровье зависели от него. От чужого ей человека. Долгое пребывание в коме могло принести серьезные осложнения, и никто из них не знал, сколько ошибок и зла запрятано в глубинах его души.

Константин потупил взор, кивнул и зашагал в сторону пугающе глубоких ущелий. Ярослава подняла голову и посмотрела на мутное небо, на котором не было ни солнца, ни облаков, ни звезд. Оно было похоже на купол из плотной материи куда направили желтый свет лампы.

Она закрыла глаза, молитвенно сложила руки и тихо сказала:

— Пожалуйста, помоги ему.

Ярослава вдруг вспомнила, как также молилась за Илью, когда тот выходил из себя. В такие моменты он становился злым и грубым, прикрывая, словно броней, свою израненную душу. Чтобы убить в себе любовь к нему, она отгоняла счастливые воспоминания, но сейчас ей нужно было то, что придаст сил. Перед внутренним взором появилось их первое свидание в парке.

— Как ты нашел мой номер телефона?

— Признаюсь, было сложно, — он вытащил из кармана небольшую коробочку и протянул. — Это тебе.

Ярослава сначала опешила, затем замотала головой и отодвинула руку.

— Ты что? Не надо.

Он в голос рассмеялся и аккуратно поднял крышечку. Ярослава несмело заглянула, улыбнулась и вытащила брошь в виде букета из незабудок.

— Хотел подобрать к цвету глаз. Мне казалось, они у тебя голубые. Но я ошибся.

Он наклонился и пристально посмотрел на нее.

— Никогда не видел таких красивых глаз. Зеленых глаз.

Из воспоминаний выдернул крик Константина:

— Я не знаю, о чем говорить!

Она встряхнула головой, отгоняя щемящее сердце воспоминание, и быстро зашагала к Константину.

— Я не знаю, о чем говорить, — повторил он и виновато посмотрел на Ярославу. — Всё

передумал. Конечно, были какие-то ссоры, обиды. Кого-то увольнял, кого-то ругал, лишал премии. Но это обычные рабочие моменты. Нельзя быть для всех хорошим.

— Какие у вас отношения с родителями?

— Они уже умерли, — печально произнес он.

— Сочувствую, но это не важно, — заверила Ярослава. — Может и Володи уже нет. Это вымышленный мир, а не реальная жизнь. Не забывайте об этом.

Он задумался, но через минуту замотал головой:

— Нет. Никаких ссор или претензий к родителям у меня нет. Отношения были замечательные. Отец умер, когда мне было двадцать лет. А мама два года назад.

— Вы себя не вините в их смерти?

— Нет, конечно! — воскликнул он. — С отцом случилось несчастье, когда я был в армии. А мама прожила до восьмидесяти пяти лет. Я всегда помогал ей и Боре.

Тут они услышали голос Тамары Ивановны:

— Ярослава, ставлю тебе капельницу. Константин, поторопитесь! Ваши показатели в норме, а вот самочувствие Ярославы ухудшается. Делайте, как она велит!

Тревога в голосе медсестры передалась Ярославе. Она обхватила себя руками и встретила с обеспокоенным взглядом Константина.

— Возвращайтесь, — тихо сказал он. — Не хочу, чтобы вы пострадали из-за меня.

Ярослава поджала губы, посмотрела вдаль, туда, где небо соприкасалось с размытыми границами каньона, и сказала:

— Вы забыли. Я не могу вернуться без вас.

Дмитрий Сергеевич стоял возле кофемашины и смотрел на медленнодвигающуюся зеленую дорожку. Коллега шепотом предложил препарат, чтобы взбодриться, но он отказался и спустился на первый этаж. От больших окон с ссохшимися деревянными рамами веяло холодом. По телу пробежали мурашки, и он невольно вздрогнул.

— Дима, ты почему домой не идешь? — подошел к нему охранник. — Спишь же на ходу.

— Работа, — махнул он рукой и вытащил дымящийся стаканчик. Тут задребезжал телефон на столе. Охранник кинулся к нему, поднял трубку и насторожено произнес:

— Алло... Да, здесь... Хорошо, — он обернулся и крикнул. — Дмитрий Сергеевич, вас срочно вызывает Тамара Ивановна!

«Срочно вызывает, — хмыкнул он и поплелся к лифту. — Медсестра меня срочно вызывает. Странные дела нынче творятся».

Едва он появился в отделении, Тамара Ивановна энергично замахала рукой и раздраженно сказала:

— Где вас носит? Звонила мама Ярославы. Просила вас срочно перезвонить.

— Зачем? — равнодушно спросил он и допил приторно сладкую жидкость.

— Затем, что женщина волнуется. Ярослава уже шесть часов не выходит на связь. Позвоните, или она приедет сюда.

Тамара Ивановна протянула листок с номером телефона и кивнула на старый телефонный аппарат, прикрученный к стене.

— Я лучше со своего телефона позвоню.

Он выкинул бумажный стаканчик в мусорное ведро, взял листок и направился в ординаторскую.

— Алло, здравствуйте. Я с больницы.

— Здравствуете, Дмитрий Сергеевич, — перебил его встревоженный женский голос. — Мне Тamarочка сказала, что вы замещаете Валерия Борисовича. Как там моя Ярослава? Диски пор телефон выключен.

«Тамарочка могла бы и сама рассказать, что с Ярославой,» — подумал он, но вслух сказал:

— Не переживайте. У меня все под контролем.

— Хорошо, — с облегчением выдохнула она. — Вы не против, если я буду периодически звонить, а то места себе не нахожу? С прошлого погружения прошло всего два дня. Она еще не восстановилась.

Дмитрий Сергеевич нехотя согласился и, сославшись на занятость, сбросил звонок. Затем стукнул себя по лбу и расплылся в улыбке.

— Так два дня назад женщина вышла из комы. Тамара Ивановна?

Он бросился к посту и склонился над медсестрой:

— Верещагину с третьей палаты Ярослава разбудила? — заговорщическим шепотом спросил он. Она кивнула и продолжила читать назначения врача.

— Так это правда, — ошеломленно произнес он. — А я все ждал, когда кто-нибудь признается в розыгрыше.

Она еще раз кивнула, подняла голову и вполголоса сказала:

— Ты, действительно, думал, что такие уважаемые люди, как я и Валерий Борисович, будем врать? Лучше иди и проверь их.

«Невероятно! — думал он, бодро шагая к палате. — Все это правда. Жаль, что нельзя никому рассказать».

Он распахнул дверь и замер. Улыбка сползла с его лица, а глаза расширились от ужаса.

— Тамара Ивановна, сюда! У нее судороги!

Дмитрий Сергеевич подбежал к Ярославе, которая вытянулась в струну и билась в конвульсиях, повернул на бок и прижал всем телом, чтобы не упала с кровати. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем в дверях появилась медсестра со шприцем в руке. Она молниеносно вставила иглу в катетер для капельницы и ввела лекарственный раствор.

Судороги прекратились, и Ярослава обмякла. Дмитрий Сергеевич уложил ее на спину, укрыл покрывалом и с облегчением выдохнул. Затем вытер рукавом испарину со лба и с удивлением обнаружил, что у него трясутся руки.

— От напряжения, наверное, — подала голос Тамара Ивановна. — Или переволновался.

— Еще бы. Если честно, то сначала растерялся от неожиданности. Надо Валерию Борисовичу позвонить. Проконсультироваться.

— Зачем? — удивилась она. — Он никак не поможет. Надо, чтобы они проснулись.

Дмитрий Сергеевич наклонился над Ярославой и громко сказал:

— Вставайте! Хватит спать!

Затем схватил за плечо и принялся трясти, повторяя:

— Ярослава, просыпайтесь! Вставайте!

От сильного подзатыльника он едва не стукнулся о спинку кровати.

— Вы чего? — изумленно уставился на сердитую медсестру.

— А ты чего? Тебе же говорили, не может она сама проснуться. Только вместе с ним. Или опять не веришь?

Дмитрий Сергеевич пожал плечами, встал возле Тамары Ивановны и только сейчас заметил, как Ярослава изменилась. На бледном лице темнели круги под глазами, кожа губ потрескалась.

— Что же делать?

Медсестра не ответила. Она задумчиво смотрела перед собой. Несколько минут они стояли бок о бок и молчали.

— Может, все-таки позвонить Валерию Борисовичу? — несмело произнес он, и Тамара Ивановна вдруг кивнула.

— Надо позвонить. Только не Валерию Борисовичу, а жене пациента.

— Жене Бирро? Зачем?

— Чтобы она с ним поговорила.

— Но как мы ей расскажем обо всем? У нас же договор. Лично у меня нет пяти миллионов, — всплеснул руками Дмитрий Сергеевич.

— Вот поэтому сначала мы позвоним Евгению, — нравоучительно сказала она и подняла вверх указательный палец.

Илья зашел домой и увидел ботинки отца, аккуратно стоящие на полке. Сердце неприятно сжалось. Он хотел развернуться и выскочить из квартиры, но из кухни раздался властный голос:

— Где шатался?

Илья стянул шапку с головы и с досадой ответил:

— Я уже взрослый.

Из-за угла показался сначала большой круглый живот, а за ним и сам отец.

— Слышь, ты, взрослый, почему в холодильнике пусто? Или ты взрослый только когда гулять уходишь? Бери пакет и дуй в магазин. Скоро мать с работы придет, а дома даже куска хлеба нет.

Илья снова натянул шапку, открыл дверцу шкафчика, выбрал пакет попрочнее и несмело спросил:

— А деньги?

— Какие деньги? — изобразил удивление отец и подтянул сползающие трико.

— На продукты, — еще тише произнес Илья и опустил глаза вниз, на отцовские тапочки.

— Так ты же вроде работаешь? На свои и покупай. Мы тебе жилье бесплатно предоставляем, а ты нас кормишь. По-моему, честно.

Илья засунул пакет в карман и почувствовал, как с виска стекает капелька пота. Если бы это был чужой человек, то он лежал бы сейчас на полу и плевался кровью. Но животный, парализующий страх перед отцом не позволял даже повысить голос.

— Зарплату еще не давали. Только на следующей неделе, — извиняющимся тоном ответил он. Илья не смотрел на отца, но точно знал, что отец презрительно скривил губы и сдвинул седые кустистые брови.

— В кармане дубленки кошелек. Возьми. Чек принесешь, — отец развернулся и ушел на кухню. Илья схватил кошелек и выбежал из квартиры.

Магазин находился на первом этаже его дома. Но он решил прогуляться, чтобы успокоиться и прошел мимо. При мысли об отце невольно сжались кулаки и сердце. О нем он когда-то рассказал Ярославе.

— Я не понимаю, почему боюсь его. Он старик. Толстый, рыхлый, больной старикашка. Хватило бы одного удара, чтобы вырубить или даже убить. Но я не могу. Чувствую себя каким-то ничтожным и слабым рядом с ним.

— Во-первых, тебе надо съехать от родителей, — она провела рукой по его волосам и положила голову на плечо.

— Куда? У меня нет столько денег, чтобы снимать жилье.

— Ко мне. Собери вещи и переезжай ко мне.

Радость от предвкушения свободы заполнила его. Он схватил Ярославу, крепко обнял и прошептал:

— Спасибо, моя звездочка.

Переехать он не успел. На следующий день случилось то, чего она не смогла простить.

Илья вытащил телефон из кармана и набрал номер Ярославы. Вместо гудков включился электронный голос, который оповестил, что телефон выключен. Он попытался дозвониться

еще пару раз, но автоответчик повторял одно и то же.

Илья не сразу сообразил, что направляется к ее дому. Ноги знали дорогу, а сердце магнитом тянулось к любимому человеку.

На долгий стук в дверь квартиры Ярославы отреагировала соседка. Она открыла дверь и прикрикнула:

— Ну, что ты все долбишься?

— Где она? — огрызнулся он. Маска агрессии, которую надевал чаще всего, пугала окружающих, но не соседку Надю.

— Нет ее дома, — грубо сказала она и, понизив голос, зло зашипела. — Бедная, не знает, как от тебя избавиться. Прицепился как репей и житья не даешь ни ей, ни нам. У меня ребенок только уснул, животом целый день мучается, а ты тут как тут. Нарисовался и долбишься. Иди отсюда и больше не приходи.

Она резко развернулась, зашла в квартиру и осторожно прикрыла дверь. Раздосадованный Илья сбегал вниз по лестнице и быстрым шагом пошел в сторону дома. На улице немного потеплело, но мороз все равно неприятно щипал лицо, особенно кончик носа.

— Где тебя носит? — напустился отец, как только Илья переступил порог квартиры. — Хлеба купил?

Илья кивнул и протянул пакет с продуктами. Отец схватил пакет и поплелся на кухню, бормоча под нос:

— Толку никакого. И в кого такой уродился? Может, нагуляла?

Илья был голоден, но решил подождать, когда отец уйдет из кухни. Есть под его пристальным осуждающим взглядом совсем не хотелось. Он пошел в свою комнату, залез под одеяло и принялся рассматривать фотографии Ярославы в галерее телефона.

— Идиот, — выругался он и стукнул кулаком по кровати. Воспоминания снова перенесли его в день их последней ссоры. Вся в слезах, она кричала на него. Он оправдывался, огрызался, но прекрасно понимал, что натворил непоправимое.

Павел Федорович слонялся по кабинету, переставлял с места на место предметы, даже попытался навести порядок на столе. Лида беспрестанно предлагала поесть или попить, пытаясь хоть немного отвлечь изнывающего от нетерпения профессора.

— Сядьте! — наконец вспыхнула она и указала на кресло, когда Павел Федорович принялся выкладывать тридцатилетний хлам из шкафов.

Он будто ждал, когда его остановят, с облегчением выдохнул и плюхнулся в кресло. Его била мелкая дрожь, и на лбу выступила испарина. Лида посчитала пульс на запястье и строго сказала:

— Принесу чай с облепиховым сиропом и баранки. Совсем себя загоняли. Никуда эта девчонка от вас не денется.

Она прошествовала на кухню, а профессор в очередной раз схватил телефон и набрал номер Ярославы. Электронный голос повторил знакомую фразу, и он едва сдержался, чтобы не швырнуть телефон об пол. Больше всего на свете не выносил ожидания.

Павел Федорович вытащил из-под кипы бумаг длинную ярко-оранжевую линейку и начал чесать спину, которая нестерпимо зудела. Так реагировал организм на переживание. Чтобы переключиться и успокоиться, он извлек из глубин памяти книгу, прочтенную два года назад. Слово за словом всплывало перед глазами. Это была одна из лучших сверхспособностей, которое удалось заполучить. Девяностолетняя старуха помнила абсолютно все: боль и ужас во время появления на свет, каждый ушиб, первый вздох любви, предательство, стыд, унижение, смерть близких. Вся жизнь до мельчайших подробностей навсегда осталась ее памяти.

Когда он мысленно читал вторую главу, зазвучал марш Верди. Павел Федорович схватил телефон и чуть не уронил от неожиданности. Звонка от этого человека он не ждал.

— Алло, Джон! — воскликнул он по-английски. — Как ты?

— Здравствуй, Павел, — ответил спокойный голос. — Все хорошо. Лучше расскажи, как продвигаются наши дела.

«Наши дела, — мысленно передразнил он собеседника. — Мои дела. Из твоего здесь только деньги».

— Мы нашли девушку, которая, как нам кажется, обладает нужными способностями.

— Поподробнее, — оживился Джон.

— По заверению ее близкого друга, она проникает в сознание человека во сне.

— Как интересно! Мне уже выезжать?

Павел Федорович недовольно сморщился и признался:

— Пока не смогли с ней связаться.

— Что это значит? — голос мгновенно стал жестким и холодным.

— Джон, не волнуйся. Мы все сделаем, — заверил он дрогнувшим голосом.

— Ты все сделаешь, — с нажимом проговорил Джон. — Я тебе отправлял много фунтов стерлингов. И нести ответственность будешь ты один.

Профессор продолжал прижимать телефон к уху, хотя оттуда доносились уже гудки. «Деньги, деньги, деньги, — с раздражением думал он. — Этого чертового англичанина волнуют только деньги. Он полный идиот. Ну ничего, ничего. Скоро выстроится очередь из тех, кто захочет обучить свой мозг сверхспособностям».

Он аккуратно положил телефон на краешек стола и крикнул в сторону двери:
— Лида, где чай? Есть хочу.

Ярослава и Константин медленно шли в сторону каньона. Вдруг по пустыне эхом разнесся женский голос:

— Костик, а Костик! Ты мамин хвостик?

— Мама? — встрепенулся он и принялся оглядываться. — Мама, ты где?

Ярослава схватила растерянного Константина за плечо и повернула к себе.

— Здесь нет вашей мамы, — она пристально посмотрела на него. — Я называю это — «отголоски прошлого». Не обращайтесь внимания, они мешают сосредоточиться.

Константин кивнул, но еще раз для верности оглянулся. Ярослава не находила себе места. Время неумолимо шло, ухудшая ее здоровье, а они продолжали топтаться на опротивевшей сухой земле.

— В детстве? Может, в подростковом возрасте? — подсказывала она.

— Вспомнил! — воскликнул он, и Ярослава радостно встрепенулась. — Украл у деда настойку, и мы с Володькой за сараем ее выпили. Правда, дед даже не заметил пропажу.

Ярослава разочарованно выдохнула и пнула камешек, который начал прыгать, как мяч.

— Ложная тревога, извините, — он смущенно улыбнулся.

— А в студенческие годы или в армии? — не сдавалась Ярослава.

— Студенческие годы самые веселые, — Константин приложил руку ко лбу и посмотрел вдаль. — А в армии всякое бывало. С «дедами» дрались, в самоволку бегали, у «духов» посылки отбирали. Но такова армейская жизнь, мне ни за что не стыдно.

Ярослава вздрогнула от неожиданности, когда громким раскатом разнесся детский смех и голос:

— Не поймаешь! Не поймаешь!

— Сынок, — нежно сказал Константин и горестно вздохнул. — Мне обязательно надо вернуться.

Вскоре они подошли к краю каньона и остановились у глубокого разлома, на дне которого журчала речушка. Ярослава села и свесила ноги.

— Может, не надо? — осторожно спросил он. — Упадете.

Она лукаво улыбнулась, подмигнула и спрыгнула вниз. Сзади раздался испуганный крик:

— Ярослава!

Она ухмыльнулась, медленно опустилась на землю и потрогала рукой воду. Однако ничего не почувствовала. Это был мираж. Сознание Константина запомнило реку как картинку, так что она не обладала физическими свойствами.

Ярослава подняла голову и увидела осторожно выглядывающего Константина.

— С вами всё в порядке?

— Конечно. Спускайтесь, — поманила она рукой. — Только представьте, что вы спускаетесь на лифте или по лестнице. Иначе ваше воображение предложит версию, в которой вы шлепнетесь об землю и переломаете все кости.

Он кивнул и, секунду поколебавшись, ступил в пустоту. Ярослава одобрительно кивнула:

— Смелее. Ступенька за ступенькой, и вы окажетесь внизу.

Константин спустился по невидимой лестнице и с облегчением спрыгнул на землю

рядом с Ярославой.

— Мне даже понравилось, — усмехнулся он. — Волшебство какое-то.

— Вам уже легче, правда?

Константин замер, прислушиваясь к своим ощущениям, и кивнул.

— Мне лучше. Гораздо лучше. Почему?

— Я думаю, вы знаете.

— Из-за Володи и Бори?

— Да. Вы сказали то, что вас беспокоит и решили исправить ошибки. Я очень рада, что у вас получается. Вы большой молодец! А теперь я хочу, чтобы вы посмотрели на этот камень, — она нагнулась и подобрала с земли кирпичного цвета камешек. — Представьте, что это леденец с клубничным вкусом.

— Зачем? Это должно помочь?

— Нет, — улыбнулась Ярослава. — Это для меня.

Тамара Ивановна достала из сумки телефон.

— Кому вы собираетесь звонить? — шепотом поинтересовался Дмитрий Сергеевич. В ординаторской кроме них были хирург Лавров и анестезиолог Васечкин.

— Евгению, — она нашла в телефонной книге нужный контакт и нажала на кнопку вызова.

— При всех будете с ним разговаривать? — он обвел взглядом коллег и встретился взглядом с Васечкиным. Тот явно заинтересовался и прислушивался.

— Вы чего там замышляете? — насмешливо спросил он. — Или против кого-то дружите?

— Остынь, — грубо осадил его Лавров и вдруг расхохотался. — Не мешай людям любовь строить.

Они дружно рассмеялись, а Дмитрий Сергеевич почувствовал, как краснеют щеки.

— Мы по работе, — огрызнулся он.

— Охотно верим, — сказал Васечкин и направился к дверям. — Мне вообще без разницы. Я к людям под одеяло не заглядываю.

Между тем, Тамара Ивановна отошла к окну и уже минуту вполголоса разговаривала с Евгением. Лавров допил кофе, сполоснул чашку и тоже вышел из кабинета.

— Сейчас приедет, — сказала медсестра. — Звони жене Константина.

— Я?

— Конечно. Ты же за главного.

Дмитрий Сергеевич замотал головой, убрал руки в карманы халата и сразу же вынул обратно. Деньги до сих пор лежали в там.

— Что мне ей сказать?

— Не вдавайся в подробности. Просто попроси, чтобы подъехала в больницу.

Он потер шею, размял пальцы и, решившись, схватил историю болезни Константина. Нашел номер телефона его жены и позвонил.

— Алло, — послышался настороженный женский голос.

— Алло, Наталья, здравствуйте. Это с больницы. Вы можете к нам срочно подъехать?

— О, Боже! — воскликнула она. — Он что... умер?

Дмитрий Сергеевич с силой стукнул себя по лбу.

— Нет, нет. Не волнуйтесь. Наоборот, мы надеемся, что скоро Константин выйдет из комы.

Он услышал шумный выдох и всхлип.

— Хорошо, — через пару секунд ответила она. — Я сейчас подъеду.

Тамара Ивановна посмотрела осуждающе, но ничего не сказала и вышла из ординаторской. Юрист фонда «К свету» Евгений и жена пациента Наталья прибыли почти одновременно. Дмитрий Сергеевич представил их друг другу и проводил в кабинет массажиста.

«Надо выложить деньги в кошелек, — думал он, наблюдая, как движется зеленая змейка на мониторе кофемашины. — Только чтобы никто не увидел».

Он едва успел допить приторно-сладкую жидкость, как дверь кабинета массажиста распахнулась, и выбежала взволнованная Наталья.

— Где он? Где мой муж? — выпалила она, направляясь к лифту.

— В реанимации, — тихо ответил обескураженный Дмитрий Сергеевич и подошел с пустым стаканчиком к мусорному ведру.

— Быстрее, что вы там возитесь!

Двери лифта разъехались, и она заскочила в кабину. Дмитрий Сергеевич неуклюже побежал и успел зайти в лифт, прежде чем двери закрылись.

— Мне можно с вами обсуждать Ярославу? — осторожно спросила она.

— Можно, но я тоже только сегодня узнал о ней.

— Это невероятно, — возбужденно прошептала она. — Надеюсь, у нее все получится.

Лифт остановился, и они вышли на этаже отделения реанимации и интенсивной терапии. Тамара Ивановна стояла возле сестринского поста с белым халатом в руке.

— Здравствуйте, — поприветствовала она. — Наденьте халат и бахилы. Помыть и обработать руки можно в этой палате.

Она показала на пустующую палату номер один. Наталья сделала, как велела медсестра, и Дмитрий Сергеевич повел ее по коридору.

— Костя, — растерянно выдохнула она, глядя на опутанного проводами мужа. Затем перевела взгляд на Ярославу, молитвенно сложила руки и опустила голову.

— Нам нужна ваша помощь, — подал голос Дмитрий Сергеевич.

Наталья вздрогнула от звука его голоса, вскинула голову и решительно сказала:

— Говорите, все сделаю.

Тут в палату бесшумно зашла Тамара Ивановна и встала рядом с врачом. Дмитрий Сергеевич слегка улыбнулся медсестре, та подмигнула. Поддержка в лице Тамары Ивановны оказалась как нельзя кстати.

— Ярослава уже довольно долго в коме вашего мужа. На ее здоровье плохо сказывается «погружение», особенно длительное. Примерно час назад мы купировали судороги и очень боимся, что ей станет еще хуже.

Он остановился, чтобы перевести дыхание и правильно сформулировать мысль, но на помощь пришла Тамара Ивановна

— Мы думаем, что вы можете повлиять на него. Поговорите с ним. Ваш муж должен захотеть проснуться.

Павел Федорович спустился на цокольный этаж и, едва открыл железную дверь, почувствовал тепло, заполнившее помещение. Он снял шубу, повесил на вешалку и направился в дальний кабинет, чтобы в очередной раз полюбоваться передатчиком.

Он собирался запатентовать изобретение, но медлил. Дело в том, что над его созданием работали два инженера, сотрудники НИИ. Сам же профессор лишь обозначил проблему и спонсировал, но считал изобретателем только себя. Опасаясь их возмущения и судебных тяжб, решил избавиться от инженеров, но пока не придумал как. Название прибору он составил из букв своего имени и фамилии — Купол.

— Моя красotka, — любовно сказал он и провел рукой по белому пластиковому корпусу. — Мы с тобой много заработаем и уедем отсюда. Далеко-далеко. Во Францию или в Англию.

Он достал из кармана платок, которым протирал линзы очков, и смахнул пыль с небольшого монитора, который находился справа от хромированных ручек управления.

— Скоро. Совсем скоро мы снова соединимся. Всем нутром чувствую, эта девочка то, что надо.

Павел Федорович вспомнил девяностолетнюю старуху со смешной фамилией Хрюкина и с досадой поморщился. Какой-то рок преследовал его подопытных. Во время тестирования Хрюкиной стало плохо. Начала жаловаться на боль в затылке и шум в ушах. Профессор был уверен, что перед проведением записи ритмов мозга нельзя употреблять лекарство или алкоголь, чтобы не исказались получаемые данные. Поэтому вместо лекарств Лида напоила ее крепким чаем с пирожным. Однако прямо во время записи данных Хрюкина прижала руки к груди и сказала, что болит сердце.

— Надо потерпеть. Нельзя останавливаться, иначе придется начинать заново, — сказал профессор и взял ее за руку. — Осталось совсем немного, около получаса. Я понимаю, что вы устали, все-таки пять часов сидите без движения. Но прошу, потерпите.

— Мне плохо, — жалобно повторила она.

Павел Федорович с силой сжал хрупкую старческую руку в коричневых пигментных пятнах и раздраженно прошептал:

— Я же сказал, осталось совсем чуть-чуть. Не надо вести себя как стерва, иначе я могу разозлиться.

Старушка выдернула руку и затравлено посмотрела на улыбающегося профессора.

— Вот и хорошо. И не надо меня бояться. Разве только совсем чуть-чуть.

После того, как запись была готова, побледневшей Хрюкиной вызвали скорую помощь.

— Вы плохой человек, — еле выдавила она и упала в обморок. Скорая помощь приехала через пятнадцать минут и констатировала ее смерть.

Павел Федорович еще немного полюбовался передатчиком и набрал номер телефона Семена, старшего научного сотрудника НИИ.

— Привет. Надеюсь, ты к теще в Иркутск не улетел?

— Здравсьте, Павел Федорович, — ответил Семен. — Нет, а что?

— Похоже, у нас будет работа.

— Да вы что! — воскликнул он. — Кто это? Что умеет? Когда начинаем?

Профессор усмехнулся, его сотрудники были такими же одержимыми работой, как и он

сам.

— Не торопись. При встрече обсудим. Звоню предупредить, чтобы ты был готов.

— Я готов, — с жаром ответил он и, понизив голос, продолжил. — Я сам хотел вам звонить. Помните девушку- эмпата?

— Помню, — Павел Федорович насторожился. — И?

— Вчера она звонила мне.

— Почему тебе?

— Я же с ней связывался со своего телефона. Так вот. Она сказала, что после процедуры чувствительность к эмоциям других начала снижаться, а недавно совсем пропала. Очень благодарил и хотела навестить нас с тортиком.

Профессор задумался и сбросил звонок, забыв попрощаться. «Неужели прибор отнимает их способности? Или это произошло само собой, и мы не имеем к этому отношения? Надо выяснить».

— Илюша, ты ел? — сквозь сон он услышал голос мамы и усилием воли заставил себя проснуться.

— Нет, заснул, — хрипло ответил Илья и закашлял.

— Отец смотрит сериал, пошли на кухню.

Илья потянулся и достал из-под кровати телефон. Сообщений не было. Это означало лишь одно — телефон Ярославы до сих пор выключен, иначе пришло бы оповещение о том, что «абонент появился в сети». Он встал и подошел к окну. Черноту зимнего вечера разгоняли уличные фонари и фары проезжающих мимо дома машин. Часы показывали десять минут седьмого.

— Где же ты? — прошептал он и почувствовал тяжесть в районе солнечного сплетения. — Надеюсь, с тобой все хорошо.

Он вспомнил, как уверял ее однажды:

— Не слежу я за тобой! Я просто боюсь.

— Чего ты боишься? Что я с другим встречаюсь за твоей спиной? — Ярослава раскраснелась и на глазах стояли слезы.

— Я боюсь, что тебя обидят, — тихо ответил он и склонил голову. — Ты такая хрупкая.

Она в очередной раз простила. Они до полуночи занимались любовью, а потом принесли в кровать фрукты и кормили друг друга, вспоминая забавные случаи из детства. Илья в этот раз не все ей сказал. Больше всего на свете он боялся потерять самое ценное — ее любовь. Поэтому тайком подслушивал разговоры, читал сообщения и почту Ярославы.

Перед посторонними людьми Илья представал брутальным и агрессивным прожигателем жизни. Он не скупился раздавать оплеухи, устраивать пьяные разборки и наказывать тех, кто, по его мнению, слишком выпячивал свое богатство. Однако какой он настоящий, под защитными масками и придуманными образами, знали только мама и Ярослава.

— Тебе две или три котлеты положить? — спросила мама, когда Илья осторожно опустил на старый табурет.

— Две. А отец уже ужинал?

— Да. И знаешь, что он сказал?

— Что? — равнодушно спросил он и подцепил вилкой горошину из консервной банки.

— Чтобы я больше мяса готовила для тебя. Спортсменам, мол, надо много белка есть.

Илья хмыкнул и недоверчиво покосился на маму.

— Врешь ты все. Он меня ненавидит.

Мама стукнула его прихваткой по голове, наклонилась и зашептала:

— Не говори ерунды! Он тебя любит. Просто не знает, как правильно показать. Никто нас не учил воспитывать детей.

— Но ты-то правильно показываешь, — также шепотом возразил он.

Мама улыбнулась и прижала его голову к своей груди.

— Конечно. Я же мама.

Ярослава шагала вдоль ручья, облизывая камешек со вкусом клубники. Константин плелся сзади и выкрикивал предположения:

— Я в кафе пожалел денег на чаевые... Хотя не пожалел, а наказал официанта. Он пролил вино мне на рукав и ложку в супе утопил. А еще, я во втором классе кошку дверью прищемил. Правда, не помню, что с ней дальше случилось.

Она провела рукой по шершавой каменной стене, возвышающейся слева. Ей начало казаться, что прошло несколько дней с того момента, как погрузилась в кому.

Неожиданно пришла ужасная мысль и она резко остановилась. Константин не заметил и налетел на нее. Оба повалились на землю.

— Простите, пожалуйста, задумался, — он помог ей подняться и принялся стряхивать красную пыль с белоснежного медицинского костюма. Ярослава посмотрела вверх, пытаясь сдержать слезы.

— Вам больно? Ударились, — всполошился Константин, но она замотала головой.

— Нет, не больно. Страшно, — еле слышно сказала она и вытерла тыльной стороной ладони глаза.

— Я понимаю. Вы боитесь, что останетесь здесь навсегда. Но, я стараюсь. Честное слово, стараюсь!

— У вас все получится, — она положила руку ему на плечо и одобрительно улыбнулась. — Вы проснетесь и выполните все, что обещали. Я верю в вас.

— Тогда, в чем же дело?

— Я здесь уже довольно давно. А вдруг, мне некуда возвращаться? — тихо сказала Ярослава и отвернулась.

— В смысле? Почему некуда?

— Вдруг я уже умерла.

Она выбросила камешек и закрыла лицо руками. Константин подошел нежно прижал к своей груди. Ярослава не смогла больше сдерживаться и заплакала. Мысли о смерти пугали, но больше всего она боялась за родителей. Перед мысленным взором появилась мама, бьющаяся в истерике возле ее безжизненного тела. Отец стоит в оцепенении, до боли сжав зубы и кулаки.

— Костя, любимый, это я, — раздался голос. Ярослава вскинула голову и посмотрела на Константина.

— Голос моей жены. «Отголосок прошлого»?

— Нет, — Ярослава подняла палец. — Она здесь. Ваша жена.

— Костя, мне сказали, что ты все слышишь. Кстати, Ярослава, здравствуйте. Я всё знаю. Спасибо вам! Вы просто чудо. Я готова была сейчас же вас расцеловать, но мне запретили. Велели подождать, когда вы проснетесь.

Константин рассмеялся и послал в небо воздушный поцелуй.

— Любимая моя. Соскучился жутко, — сказал он Ярославе и поднял голову вверх.

Тем временем, Наталья продолжала:

— Костя, делай так, как велит эта смелая девочка! Меня попросили помочь, но я не знаю, что делать. Впрочем, как и остальные. Поэтому просто буду говорить обо всем.

Она откашлялась и понизила голос.

— Вчера ездила к Боре. Спрашивал, почему ты не пришел. Пришлось соврать, что в командировке. Отвезла запеченную курицу и компот из смородины. Сказал, вкусно. Психолог пожаловалась, что он ни с кем не общается. Только во дворе гуляет или книги читает. Всю ночь не могла уснуть, всё думала о нем. И знаешь что? Надо Борю забрать к нам. Места всем хватит.

Она замолчала. Ярослава легонько дотронулась до руки Константина и улыбнулась:

— Вы с ней на одной волне.

— Наташа всегда меня чувствовала. Вот и сейчас говорит то, что я хотел бы услышать. Звездочка моя, — с нежностью сказал он и снова послал в небо воздушный поцелуй.

Ярослава кивнула и опустилась на землю, чтобы оставить их наедине, а не потому, что устала. В коме она не ощущала свое тело. Не чувствовала ни жажды, ни боли, ни холода.

Трогательные семейные отношения отозвались тихой грустью в ее сердце. Она пыталась создать семью, пробный семейный мир с красивым, нежным и чутким юношей. Поначалу Илья пытался угадать ее желания, делал недорогие, но милые подарки, готовил вкусные ужины и заботился о ней. Ярослава решила, что через три месяца расскажет Илье о хождении во снах и погружениях в кому. Однако уже месяц спустя Илья стал подозрительным и злым.

— Это кто? — грубо спросил он, когда Ярослава поздоровалась с молодым человеком на улице.

— Лёша. Мы с ним за одной партой в одиннадцатом классе сидели.

— И много у тебя таких Лёш?

— В смысле?

— Забей, — он выпустил ее руку и ускорил шаг. Ярослава догнала и попыталась выяснить, что именно ему не понравилось. Но Илья сказал, что хочет выспаться и побежал к автобусной остановке. Обескураженная Ярослава осталась стоять на улице. С неба накрапывал дождь.

Голос Натальи вырвал ее из воспоминаний.

— Помнишь, как мы плыли на байдарках по реке на Урале? Каждый порог меня ужасал, а ты успокаивал. А ночью нас закусили комары, потому что мы забыли взять репеллент. Было очень весело.

Она усмехнулась и продолжила:

— А помнишь того турка, который решил за мной ухаживать? Никогда до этого не видела, как ты дерешь. В отеле тебя прозвали Быком.

— Да, помню, — тихо сказал Константин и посмотрел на Ярославу. — Мне совсем не стыдно. Он получил по заслугам. Нельзя ухлестывать за чужими женами и при этом не потерять несколько зубов.

Наталья засмеялась, будто услышала его.

— Интересно, ты чувствуешь, как я держу тебя за руку?

Он поднял руки, взглянул на них и разочарованно опустил обратно.

— Сыночек так и не распаковал велосипед. Ждет тебя. Кстати, он не знает, что я здесь. Не хочу давать надежду раньше времени. Если не получится, он еще сильнее расстроится. Он никуда кроме школы не ходит. Говорит, что не может жить как раньше, пока тебя рядом нет. Зато оценки улучшились, — она горестно вздохнула и продолжила. — Костя, хочу признаться. Каждый год, когда мы празднуем день рождения сына, я думаю о том, сколько бы исполнилось нашему первому ребенку.

Ярослава вздрогнула от неожиданности, когда Константин закричал:
— Это оно!

Павел Федорович открыл толстую тетрадь и принялся перелистывать. Он по старинке вел записи в тетради. Пока рука выводила каждую букву, мысли упорядочивались.

— Где-то здесь. В самом начале...А, вот и он.

Одним из первых, прошедших через прибор «Купол» был гастарбайтер Руслан. Когда в НИИ зашел неопрятный мужичок в грязном комбинезоне, Лида хотела выпроводить его. Но Руслан на ломаном русском языке смог объяснить зачем пришел.

— Я слышать вы ищите. Как это по-русски...Не такой как все.

— Правильно, — поддакнул профессор и пригласил в свой кабинет.

— Я видеть через бумагу. Я смочь видеть, что в коробке, — он показал на картонную коробку, стоящую на шкафу.

У Павла Федоровича перехватило дыхание от предвкушения.

— И что же в коробке?

— Там такая штука, — он показывал руками. — Квадрат, а от нее трубка и хомут.

Профессор открыл коробку и достал из нее автоматический тонометр.

— Вот-вот. Квадрат, трубка и хомут, — закивал Руслан, тыча пальцем. — Я видел.

Профессор бросился к шкафу и вытащил еще одну коробку, поменьше. Затем, трясушимися от нетерпения руками, протянул Руслану.

— А здесь что?

Мужчина задумчиво повертел ее в руках, пожал плечами и ответил:

— Жук. Большой такой жук с рогами.

Павел Федорович улыбнулся и открыл крышку. Высушенный жук-олень лежал на подушке из ваты.

— Да-да. Жук, — подтвердил Руслан.

— А можешь увидеть то, что лежит в шкафу или в соседней комнате?

— Нет. Не могу. Я видеть только через бумагу, — замотал головой мужчина. — Могу читать буквы через бумагу.

Профессор открыл ящик стола, достал конверты и протянул Руслану.

— Вот здесь картина, — показал он пальцем. — Здесь цифры, буквы. Вот это опять картина.

Ошеломленный Павел Федорович открывал конверты и вытаскивал то поздравительную открытку, то счет на оплату.

Через два дня Руслан успешно прошел процедуру, а профессор получил возможность «видеть» сквозь бумагу. На самом деле глаза были не при чем. Он видел конверт, но тут же в мозгу возникала картинка того, что внутри. Правда, сквозь картонные коробки он видеть не мог, в отличие от Руслана.

Павел Федорович вознамерился найти Руслана и выяснить, не исчезла ли его способность «видения» после проведения процедуры. Номер телефона и место временного проживания были аккуратно обведены красным карандашом.

— Алло, Ванюша. Мне нужен один человек. Привези его ко мне. Сейчас адрес отправлю.

Он сфотографировал тетрадный лист и отправил Ивану. Затем оделся, вышел и запер за

собой толстую железную дверь. На черном небе перемигивались звезды с разноцветными огнями самолетов. Городской шум звучал вдали, за территорией завода. Профессор с наслаждением втянул носом морозный воздух, натянул шапку поглубже и зашагал к заждавшейся Лиде.

— Лидочка, я пришел. Был в лаборатории, — елеиным голосом произнес он и протянул шубу. Лида открыла шкаф, достала вешалку и пробурчала:

— Могли бы предупредить, чтобы я не волновалась

— Вы, женщины, такие тревожные. Я бы даже не заметил, что тебя нет, — бросил он через плечо и направился в сторону кабинета.

— Ага, то-то набросились на меня, когда я за обедом ходила, — съязвила она и улыбнулась.

Профессор не успел ответить, в кармане зазвонил телефон.

— Уехал на родину, — сказал Иван. — Номер телефона актуальный.

— Хорошо, спасибо.

Павел Федорович набрал номер Руслана и замер посреди кабинета, ожидая ответа.

— Это кто, — послышался знакомый голос с южным акцентом.

— Руслан, здравствуй. Это Павел Федорович. Помнишь?

— Конечно, помню, — обрадовался он.

— Как живешь?

— Очень хорошо. Магазин у меня. Молоко, мясо, лаваш продаю, — похвастался он.

— Ты стал лучше по-русски говорить. Молодец! — похвалил профессор, судорожно придумывая, как приступить к делу. Помог сам Руслан.

— Да, у меня жена русская. Вы мне много заплатили, и я смог открыть магазин в своем селе. А я спасибо так и не сказал. Спа-си-бо! — громко сказал он и рассмеялся.

— Пожалуйста, Руслан. Кстати, ты все еще видишь то, что лежит в коробке?

— Нет, не вижу. Но мне и без этого хорошо.

Павел Федорович задумался и забыл, что говорит по телефону, пока Руслан не подал голос:

— Вы молчите или связь прервалась?

— Я здесь. А когда ты перестал видеть?

— Примерно через месяц, после того как у вас побывал. Вы, наверное, меня вылечили, — усмехнулся он.

— Наверное. Всего хорошего тебе, Руслан.

«Купол» отбирает у них сверхспособности. Отлично! Значит у меня не будет конкурентов», — профессор потер ладоши и крикнул в сторону двери:

— Лида, налей мне сладкий чай! И шоколадку принеси! И орехи!

Затем развалился в кресле и добавил:

— Мозгу нужна энергия. А такому, как мой, в три раза больше.

— Мы только начали встречаться, — Константин говорил сбивчиво и старательно избегал встретиться взглядом с Ярославой. — Разругались из-за ерунды и расстались. Она позвонила через две недели и сказала, что беременна. Я велел идти на аборт. Хотя, если честно, надеялся, что она меня не слушает.

Он замолчал и посмотрел вдаль, на плоские верхушки скал. Ярослава ждала. Она знала, что это оно — последнее и самое сложное испытание. Тугой узел в груди ослаб и она с облегчением вздохнула.

— Наташа обиделась. Поэтому пошла и сделала это, — еле слышно выдавил он и в тот же миг каньон закружился, превращаясь в разноцветный вихрь.

Они очутились в полутемном зале театра. Несколько десятков человек расположились на первых рядах и словно замороженные смотрели на сцену, освещенную прожекторами. Стройный юноша с копной русых кудрявых волос с упоением играл на скрипке. Смычок в его руке то летал неистово, то замирал в оцепенении.

Ярослава повернулась к Константину. Он неотрывно смотрел на виртуозного музыканта. Вскоре скрипка замолчала и раздались аплодисменты.

— Спасибо за то, что пришли на мой первый концерт. Это очень важно для меня, — сказал музыкант и слегка поклонился. — Я еще не так известен, чтобы собирать полные залы, но все впереди.

Послышались редкие хлопки.

— Я бы хотел сыграть вам свое произведение, которое назвал «Икар». В честь отважного молодого человека, который летел ввысь, несмотря ни на что.

Он глубоко вздохнул, закрыл глаза и заиграл. Сначала мелодия была медленная и печальная, затем ускорилась и вскоре превратилась в громогласный величественный поток, который перекачивался по залу, вызывая у зрителей мурашки. На лице юноши отражалась буря эмоций, подвластных необыкновенно волшебной музыке. Константин подался вперед и, затаив дыхание, пристально наблюдал за каждым его движением.

Когда музыкант опустил смычок, в зале наступила непривычная тишина. Застывшие зрители встряхнулись, словно сбросили наваждение, и принялись рукоплескать. Некоторые вскочили с мест и начали скандировать «браво». К сцене потянулась вереница восторженных зрителей. Они благодарили, дарили цветы и обнимали смущенного юношу.

— Какой молодец, — сказал Константин Ярославе. — Я даже забыл, что нахожусь не на реальном концерте. Кстати, почему мы здесь?

— Подойдите и поблагодарите музыканта. Он очень старался, — Ярослава подтолкнула его с сцены, проигнорировав вопрос. Константин не стал сопротивляться и встал в конец очереди, тянувшихся с поздравлениями и благодарностями людей.

Ярослава пересела на первый ряд и с замиранием сердца смотрела, как Константин протягивает руку юноше.

— Ты так здорово играешь! Мне очень понравилось.

— Спасибо. Я старался, — он наклонился и начал собирать цветы со сцены. Константин принялся ему помогать.

— Меня Костя зовут. А тебя?

— Я не знаю своего имени.

— Как это не знаешь? — удивился Константин. — Как же к тебе обращаются?

— Ко мне не обращаются. Меня убили раньше, чем дали имя, — спокойно ответил он и посмотрел на Константина. Ярослава прижала руку к груди, с трудом сдерживая рыдания. Она видела, как Константин сдвинул брови и внимательно взгляделся в лицо юноши. Тот улыбнулся, схватил свободной рукой скрипку и направился к выходу.

— Ах! — воскликнул он и зажал рот рукой. Догадка пригвоздила его к месту. Ярослава вскочила и подбежала к сцене.

— У него глаза моей жены, — еле слышно выдавил ошеломленный Константин.

— Идите за ним! Слышите? Иди за своим ребенком! — сквозь слезы крикнула она показала на выход. Константин спрыгнул со сцены и, спотыкаясь, бросился к медленно закрывающейся двери. Ярослава побежала следом.

Яркий солнечный свет ослепил ее.

— Сынок! — услышала голос Константина, приставила руку ко лбу и прищурилась. — Прости меня, сынок! Прости. Я виноват.

Он обнимал и целовал своего нерожденного сына, горько рыдая. Юноша отстранился, грустно улыбнулся и пропал в разноцветном вихре.

Дмитрий Сергеевич проверил давление и пульс Ярославы. Затем поменял пакет с физраствором в капельнице и устало опустился на стул. Наталья тем временем рассказывала мужу о своих планах на летний отпуск.

— Поедем на машине по «Золотому кольцу». В каждом городе будем останавливаться на пару дней. Можно велосипеды с собой взять, чтобы аренду не искать.

— Я не сплю. Просто посижу, — зачем-то сказал Дмитрий Сергеевич и закрыл глаза. Тихое жужжание приборов и голос Натальи начали отдаляться пока совсем не пропали.

— Вставай! — грубо потрясли за плечо, и он с невероятными усилиями заставил себя проснуться. Тамара Ивановна суежилась возле кровати пациента и что-то кричала. Наталья держала мужа за руку плакала.

— Повторите, я не расслышал, — пробубнил он и потянулся.

— Они проснулись! Слава Богу, проснулись!

Сонливость вмиг пропала, и Дмитрий Сергеевич вскочил на ноги. Константин лежал с открытыми глазами и пытался поднять руку.

— Я справлюсь с ним. Подойди к Ярославе, — велела медсестра и кивнула на соседнюю кровать. Ярослава смотрела на Константина и улыбалась.

— Ярослава, как вы? — Дмитрий Сергеевич потрогал ее лоб и принялся натягивать манжету тонометра на руку.

— Не надо, — запротестовала она слабым голосом. — Горячий сладкий чай принесите. Пожалуйста.

Он кивнул и побежал в ординаторскую. Два друга, Лавров и Васечкин, смотрели юмористическую программу на телефоне и громко смеялись.

— Пожар? — испуганно спросил Лавров, когда Дмитрий Сергеевич схватил чайник и бросился к крану.

— Нет, нужен чай.

— Ничего себе, ты проголодался, — усмехнулся Васечкин.

Дмитрий Сергеевич ничего не ответил. Он включил чайник и вновь помчался в палату. Тамара Ивановна стояла возле Ярославы.

— Я уже начала тревожиться. Задержалась ты на этот раз.

— Было сложно. Но мы справились, — хрипло ответила она и закашляла.

Константин крепко сжимал руку жены и с благодарностью смотрел на Ярославу. Из его глаз слезы стекали к вискам и исчезали в седых волосах.

— Перевези Ярославу на кровати в первую палату. Надо катетер вытащить и дать ей отдохнуть, — велела Тамара Ивановна Дмитрию Сергеевичу. Тот кивнул и снова задался вопросом, с каких пор он стал подчиненным медсестры. Однако решил промолчать и занялся делом: снял стопор с колесиков и взялся за спинку кровати.

— Подождите, — Наталья обняла Ярославу и поцеловала в щеку. — Я не знаю, как вас отблагодарить. Спасибо вам! Спасибо от всех нас. Мы сделаем все, что вы попросите.

Ярослава погладила женщину по плечу и ответила:

— Никому не рассказывайте обо мне. Больше ничего не надо. Желаю вам счастья.

— Конечно-конечно. Об этом не может быть и речи, — уверила она. — Вы самый прекрасный человек, которого я встречала. Спасибо вам от всего сердца.

Дмитрий Сергеевич покатил кровать к двери, а Наталья вернулась к мужу. В коридоре ему встретился Васечкин.

— Димон, развлекаешься? — хохотнул он и подмигнул Ярославе.

— Почти, дай проехать, — устало ответил Дмитрий Сергеевич.

— Езжай, конечно. Кстати, там чайник вскипел.

Дмитрий Сергеевич кивнул и покатил кровать дальше.

— Он знает про вас? — спросил он шепотом, когда дверь палаты номер один закрылась за ними.

— Нет. Но любопытствует, — усмехнулась Ярослава. — Вообще, Юра Васечкин — хороший человек.

— Вы с ним знакомы?

— Да, я здесь частый гость, — она приподнялась на локтях и посмотрела в окно. — Уже темно. Сколько времени?

Он полез за телефоном, который тут же зазвенел в руках.

— Алло, — настороженно ответил он на незнакомый номер.

— Алло, Дмитрий Сергеевич, это мама Ярославы, — послышался встревоженный голос. — Что с ней?

Он протянул телефон улыбающейся Ярославе.

— Мамочка, все хорошо. Мы проснулись.

Дмитрий Сергеевич вышел из палаты и поплелся в ординаторскую. Он налил в чашку чай и вернулся в палату. Возле Ярославы хлопотала Тамара Ивановна. Катетера и капельницы уже не было.

— Может тебе из еды что-нибудь поискать? — предложила медсестра. Но Ярослава помотала головой и отпила горячий сладкий чай.

— Как хорошо, — она спустила ноги с кровати и протянула ему телефон. — Спасибо вам, Дмитрий Сергеевич. Вы позаботились обо мне. Тамара Ивановна все рассказала.

Он махнул рукой и сел рядом. Они молчали. Каждый думал о своем.

— А как же Бирро? — встрепенулся Дмитрий Сергеевич. — Вы его одного оставили?

Тамара Ивановна положила ему руку на плечо.

— Сиди, с ним доктор. Твоя смена давно закончилась. Ты здесь только ради Ярославы.

Ярослава поставила чашку на тумбочку, встала на ноги и медленно прошла до окна.

— Думала, будет хуже, — призналась она. — Чувствую слабость, будто пробежала марафон. А в остальном — все хорошо. Поеду домой.

— Родители не будут забирать?

— Нет. И так еле успокоила маму. Пусть думает, что я бодр и весела, — грустно улыбнулась она. — Вызову такси.

Тамара Ивановна пихнула локтем сонного Дмитрия Сергеевича и многозначительно посмотрела на него.

— Я могу вас отвезти, — встрепенулся он.

Ярослава кивнула.

— Мне надо переодеться.

Дмитрий Сергеевич поспешно вышел. А Тамара Ивановна принесла с ординаторской ее сумку.

— Спасибо тебе, дорогая. Еще одного спасла. Трудно было?

— Да, — призналась она. — Я даже начала думать, что больше не проснусь. Хорошо,

что вы позвали его жену. Она помогла.

— Ну, теперь все хорошо. Знаешь, я согласна с твоей мамой. Это очень опасно и когда-нибудь может плохо закончиться. Подумай об этом. Тебе еще детей рожать.

Тамара Ивановна исчезла за дверью. Ярослава вытащила телефон и включила. Сообщения о пропущенных звонках посыпались нескончаемым потоком. Кроме мамы и Ильи высветились два незнакомых номера. Кто-то очень хотел с ней поговорить и Ярославе это не понравилось.

«Неужели Дмитрий проболтался? — с раздражением подумала она, натягивая спортивные штаны. — Надеюсь, это не журналисты».

Она оделась, вышла из палаты и чуть не столкнулась с Натальей.

— А я вас искала. Хорошо, что вы еще не ушли. Костя хочет с вами поговорить.

Ярослава хотела отказаться, потому что от бессилия с трудом держалась на ногах. Но Наталья молитвенно сложила руки.

— Пожалуйста. Он очень просил вас найти.

Ярослава кивнула и, держась за стену, засеменила за запыхавшейся женщиной.

— Костя, мы пришли, — тоном победительницы сказала она и кивнула в сторону двери. Через секунду в проеме появилась Ярослава и приветливо улыбнулась. У Константина опустились уголки губ.

— Не надо плакать, — она присела рядом с ним на кровати. — Вы молодец, справились.

Он взял ее руку и крепко сжал.

— Спасибо. Спасибо, — язык не слушался, поэтому слова давались с трудом. — Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь. Я вам жизнью обязан.

— Мне ничего не надо. Если очень хотите помочь, то свяжитесь с фондом «К свету». Они помогают матерям-одиночкам.

Константин кивнул и отпустил ее руку.

— Можно я буду иногда вам звонить? Просто так.

— Конечно, звоните, — она встала. — Выздоровливайте. Вам понадобится крепкое здоровье, чтобы все исправить.

— Но, — он запнулся и бросил взгляд на жену. — Сын. Как мне исправить?

— Никак. Вы осознали свою ошибку, думаю этого достаточно.

Она попрощалась с Натальей, вышла из палаты и побрела по коридору.

Павел Федорович отправил Лиду домой и принялся слоняться по кабинету, пытаясь навести порядок. Он перекладывал вещи с одного места на другое, периодически поглядывая на экран телефона. Время тянулось медленно.

— Алло, Ванюш, не появилась? — наконец не выдержал он.

— Нет. Олег бы позвонил.

— Может, спит уже твой Олег! — вспыхнул профессор.

Иван устало выдохнул в трубку и принялся терпеливо объяснять:

— Олег — опытный человек. Мимо него и муха не проскочит. Если он почувствует, что устал, то вызовет себе замену. Никуда она от нас не денется.

— А вдруг она уехала или улетела куда-нибудь, и мы зря ее ждем? — настаивал он.

— Если только на машине. Уже давно проверил, не было билетов на ее имя. Успокойтесь.

Павел Федорович сбросил звонок и провел рукой по волосам. Он вспомнил, как в детстве с таким же нетерпением ждал своего дня рождения. Ему обещали подарить микроскоп. Он перебирал сушеных жуков и бабочек в жестяной банке из-под чая и мечтал, как будет изучать под микроскопом каждую лапку и перышко и перерисовывать в альбом. В обед папа заявился с большим свертком и подозвал его.

— Принес! — воскликнул он и стремглав помчался в прихожую. Но, увидев сверток, остановился. На микроскоп не было похоже.

— Ну что же ты? Открывай, — подтолкнула его в спину бабушка. Папино лицо сияло от гордости. Осторожно, словно сверток был горячим, маленький Паша ухватился за край плотной бумаги и потянул. Из образовавшейся щели показалась черная шерсть.

— Что это? — он испугано отпрянул. Папа усмехнулся, развернул сверток и поднял шубу.

— Это тебе на зиму. Теплая.

Бабушка принялась хвалить подарок и заставляла Пашу отблагодарить папу. Но тот, ссутулившись, развернулся и вернулся в комнату. Ночью, когда все легли спать, и в квартире наступила тишина, он на цыпочках подошел к папиному чемодану с бумагами, и вылил внутрь пузырек чернил. Наутро ему, конечно же, попало, но и папа уяснил, что Паша мстителен, и надо быть с ним повнимательнее.

Телефон громко звякнул. На экране высветилось сообщение: «Абонент появился в сети». Павел Федорович удовлетворено произнес:

— Наконец-то.

Он нажал на кнопку вызова и поднес телефон к уху. Гудки шли, но на звонок она не ответила. Профессор набрал снова. На этот раз звонок был сброшен.

— Я терпеливый, — усмехнулся он и нажал на кнопку вызова.

Дмитрий Сергеевич стоял у лифта в сером пуховике и меховой ушанке.

— Вам так и не удалось отдохнуть, — с сочувствием сказала Ярослава, обматываясь длинным шерстяным шарфом.

— Ничего страшного. Впереди два дня выходных. Вы себя как чувствуете?

— Гораздо лучше.

Двери лифта разъехались, и они зашли в кабинку, следом забежал Васечкин.

— Вы домой? Везет, — он улыбнулся Ярославе и пожурил пальцем. — Так мне никто и не сказал, что ты здесь делаешь. Может, сама признаешься?

Ярослава схватила его за палец, крепко сжала и зашептала:

— Информация в обмен на палец. Согласен?

— Не-ет. Палец мне еще пригодится, — усмехнулся он. — Вообще-то я догадываюсь, в чем дело.

— И в чем же? — с деланным равнодушием спросила она.

— Ты — гипнотизер или типа того.

— Да, Васечкин, ты раскусил меня. Молодец, — усмехнулась Ярослава.

Они вышли из лифта, попрощались с Васечкиным и пошли к дверям. В кармане завибрировал телефон.

— Опять этот неизвестный номер. Вы никому про меня не говорили?

— Нет, — ответил он, но, увидев недоверчивый взгляд, поспешно продолжил. — Честное слово! Я никому ничего не рассказывал.

Она пожала плечами и сбросила звонок.

На парковке у больницы их ждал старенький автомобиль, попыхивая выхлопной трубой.

— Дверь сильнее дергайте, а то клинит, — предупредил Дмитрий Сергеевич. Ярослава с наслаждением вдохнула морозный воздух и посмотрела наверх, на ночное небо. Находясь в мире Константина, она совсем забыла, что на улице зима.

В машине пахло цитрусовым освежителем воздуха и пылью. Дмитрий Сергеевич вырулил с парковки.

— Может, вас к родителям отвезти, чтобы были под наблюдением?

— Нет, хочу домой.

— Ну, домой так домой, — пожал он плечами. — Адрес говорите.

— Весенняя, десять.

— Это тот новый двухэтажный дом? — Дмитрий Сергеевич надавил на газ, выскочил на дорогу и влился в поток машин. — Я бы тоже хотел там жить. У вас окна на город выходят или на парк?

— На город. Вид — изумительный, особенно когда стемнеет.

— Представляю... Я хочу задать вопрос, но не настаиваю на ответе, — он мельком взглянул на нее. — Зачем все эти договоры? Почему вы скрываете то, чем нужно гордиться?

Ярослава повернула к нему голову.

— У меня есть встречный вопрос. Что бы вы делали, если бы не подписали договор с таким жестким штрафом?

— Написал бы о вас хвалебный пост на своей странице, — улыбнулся он.

— В том-то и дело. Городок у нас маленький, я бы быстро стала белой вороной. Мне

такая слава ни к чему. Хочу жить спокойно.

Он понимающе кивнул и решил сменить тему:

— А вы где-нибудь работаете?

— Нет. Официально не работаю. Да и неофициально тоже. «Погружение» не считается работой. Это часть моей жизни.

Светофор на перекрестке загорелся красным светом, и Дмитрий Сергеевич встал в очередь ожидающих машин.

— Что делаете в свободное время?

— Занимаюсь волонтерством в детском доме.

— М-м-м. Что конкретно делаете? — заинтересовался он

— Играем, гуляем, разговариваем. Они моя отдушина. Не видела детей несколько дней и очень соскучилась.

— Навестите завтра, — загорелся зеленый, и машина медленно тронулась.

— Нет, я очень устала. Сначала надо восстановиться. Дети все чувствуют.

Тепло, исходящее от кресла, расслабляло. Чтобы не уснуть в машине, она принялась изучать светящиеся витрины, мелькающие за окном. Телефон снова завибрировал.

— Алло.

— Это я, — послышался радостный голос Ильи. — Наконец-то ты на связи. Я жутко переволновался.

Ярослава не знала, что ответить, и просто молчала.

— Ты сейчас где?

— В машине.

— Куда едешь?

— Домой.

— У тебя уставший голос. Все хорошо?

— Да. Но мне названивают с незнакомых номеров, — пожаловалась она и тут же пожалела.

— Хочешь, я приеду к тебе? — с надеждой спросил он.

— Нет. У меня все хорошо. Пока.

Она засунула телефон в карман, но он вновь завибрировал. Незнакомый номер. Дмитрий Сергеевич остановил машину у ее дома и принялся отстегивать ремень безопасности.

— Провожу вас.

— Нет, не надо. Я дойду, — поспешно ответила она. — Спасибо.

Ярослава вышла из машины и направилась к двери, на ходу вытаскивая ключи. В подъезде было темно и неуютно. Появилось чувство тревоги, и она усилием воли заставила себя двигаться быстрее, хотя ноги, казалось, были налиты свинцом. Постоянно оглядываясь, она отперла квартиру и юркнула за дверь.

— Фух, — шумно выдохнула, провернула ключ несколько раз и выглянула в глазок. Никого. Своим ощущениям Ярослава доверяла, поэтому быстро разделась и прошла по темной квартире, чтобы удостовериться, что никого нет. Затем подошла к окну и через узкую щель между шторами посмотрела на улицу. Несколько человек, нагруженных сумками и пакетами, шли по заснеженному тротуару. Машины сновали, слепя фарами. Ничего необычного.

Телефон завибрировал вновь.

— Алло. Кто это? — настороженно спросила она.

— А, — собеседник не ожидал ответа и замешкался.

Ярослава терпеливо ждала.

— Здравствуйте, Ярослава! — воскликнул мужской голос. — Наконец-то дозвонился до вас.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Я — Кулик.

— В смысле, кулик?

— Кулик Павел Федорович. Работаю в НИИ Варавина. Слышали? Но это и не важно. Я очень хочу с вами встретиться. Завтра в десять устроит?

Ярослава опешила от такой настойчивости и чуть не согласилась, но вовремя пришла в себя.

— Откуда вы меня знаете?

— Не важно. Один человек рассказал. Так как насчет завтра?

— Никак. Не звоните больше, — сухо ответила она и выключила телефон.

— Павел Федорович, Олег звонил, — послышался из телефона взволнованный голос Ивана. — Говорит, приехала домой. Что будем делать?

Профессор сидел в кресле и рисовал на клочке бумаги спиральку, чтобы успокоиться после разговора с Ярославой. Выдержка покинула его, когда она осмелилась грубо закончить разговор и выключить телефон.

— Надо брать, — тихо ответил он и принялся яростно зачеркивать спиральку.

— Не понял. Что будем делать? — повторил он.

— Ванюша, приезжай и всё обсудим. Не по телефону.

— Понял. Выезжаю.

Профессор аккуратно положил телефон на стопку книг и принялся рвать бумажку на клочки.

— Вот стерва! — выругался он и передразнил. — Не звоните больше. Тебя забыл спросить! Ну, ничего — ничего. Посмотрим, как ты запоешь, когда попадешься, птичка.

Он резко встал и охнул, болью отозвалась коленка.

— Мне бы еще здоровья.

Профессор, хромя, подошел к шкафу и достал из выдвижного ящика деревянную шкатулку. Смахнул рукавом пыль и открыл. В черный пенопласт был вложен пистолет, а рядом маленькие капсулы с транквилизатором.

Через несколько минут во входную дверь громко постучали. Павел Федорович заспешил открывать.

— Быстро ты, — похвалил он покрасневшего от мороза Ивана.

— Рядом был, — Иван скинул дубленку на стол Лиды и прошел за профессором в кабинет.

— Узнаешь? — Павел Федорович кивком показал на шкатулку, стоящую на компьютерном столике. Иван поднял резную крышку и аккуратно вытащил устройство, стреляющее дротиками, которое внешне напоминало боевой пистолет.

— Вы что задумали? — насторожено спросил он и вернул пистолет на место.

— Ты всё правильно понял, — равнодушно ответил профессор и плавно опустился в кресло. — По-хорошему с ней не получится.

Иван замотал головой.

— Нет, я на это не пойду. Это же уголовка! Я своё уже отсидел, обратно не хочу.

Профессор ухмыльнулся, обнажив ряд керамических зубов.

— Ну, Ванюша, короткая же у тебя память, — елеинным голосом сказал он и потянулся к сигаре. — Тебе и так светит много лет провести за толстой стеной с маленьким окошком.

— Это за что? — с вызовом спросил Иван и упер руки в бока.

Павел Федорович прикурил сигару от позолоченной зажигалки и выпустил густой дым изо рта.

— Смотрю, ты про мальчика Кирилла уже забыл?

— Я не хотел. Это нечаянно вышло!

— Какая разница, нечаянно или нет. Человека убил — будь добр посидеть. Я не хочу на тебя давить, но годы меня не шадят. А по-человечески я еще не пожил.

Иван замахал рукой, отгоняя от себя густой дым.

— По-человечески — это на берегу моря с бокалом шампанского?

— Коньяка, Ванюша, коньяка, — нравоучительно сказал профессор и поднял палец вверх. — И лучше на берегу океана.

— Вам виднее, — пожал плечами Иван. — Что по делу?

Павел Федорович наклонился вперед и громко зашептал.

— Тянуть не будем. Сегодня же ночью приведи ее. Только тихо, без лишнего шума.

Иван нехотя достал пистолет, зарядил его транквилизаторами и засунул за пояс.

— Может, на деньги согласится? — еще раз попытался образумить он профессора, но тот яростно замотал головой.

— Во-первых, денег почти не осталось. Джон отказался дальше спонсировать, а сотрудникам платить надо, а то разбегутся. Во-вторых, если заключать договор, то надо будет прописать последствия. Мне бы этого не хотелось.

— А что там с последствиями?

Павел Федорович затушил сигару и раздраженно ответил:

— Оказывается, «Купол» забирает способности. Думаю, на это она не согласится.

Иван оставил попытки убедить его не нарушать закон. Если профессор что-то решил, спорить бесполезно.

— Во сколько?

— После полуночи, часа в два. Своих ребят позову.

Тут Иван, бывший сотрудник внутренних дел, не смог молчать и вспыхнул:

— Ага, давайте еще и телевидение позовем! А что? Пусть все видят, как мы похищаем человека и насильно проводим над ним эксперименты. То-то будет веселье! Нас потом не раз покажут: за решеткой на суде и после него.

Он резко махнул рукой и сбросил со стола стопку книг. Профессор принялся собирать книги и примирительно сказал:

— Ну, Ванюша, не злись. Не подумал. Но один я не справлюсь. Могу хотя бы Семена позвать? На него можно положиться.

Иван устало вздохнул, посмотрел на часы и кивнул.

— Сёму можно. Он такой же безумный, как и вы.

Ярослава подвинула табурет к плите и сидя жарила котлеты. Обычно родители забирали ее из больницы и обязательно привозили что-нибудь поесть, но в этот раз она хотела остаться наедине с собой, чтобы не выслушивать стенания мамы и не видеть укор в глазах папы. Она понимала их переживания, потому что сама погружалась в кому с паническим, почти животным страхом. Но благодарные глаза пациента и эйфория от победы перекрывали негативные чувства. К тому же сегодня был особенный день. Она в первый раз столкнулась с нерожденным ребенком. В реальной жизни он мог стать кем угодно, но сознание Константина сделало его скрипачом. Возможно, он когда-то сам мечтал играть на скрипке.

Ярослава сняла котлеты с огня, переложила в тарелку и поняла, что не хочет есть одна. Она набрала номер соседки Нади.

— Надь, приходи ко мне ужинать.

— Так-то мы уже поели, — замялась она.

— Мне нужна компания.

— Ну, ладно. Приду.

Ярослава не успела дойти до двери, как Надя принялась дергать за ручку. Она прижимала к груди бутылку вина.

— Вообще-то я не в этом смысле, — запротестовала Ярослава, но Надя шагнула в квартиру и безапелляционно заявила:

— Полезно для пищеварения.

Спорить совсем не было сил, поэтому Ярослава обреченно кивнула и захлопнула за ней дверь. Они сели за стол и повернулись к телевизору, по которому шел очередной нудный сериал.

— Что случилось? — спросила Надя и закинула в рот оливку из хрустальной пиалы.

— Ничего. Просто устала.

Ярослава ела котлету, закусывая свежим огурцом, и пыталась вникнуть в происходящее на экране. Надя разлила вино по бокалам и жадно хлебнула.

— Как хорошо! Наконец-то перестала грудью кормить, и теперь можно выпить. Что-то ты совсем, мать, вымоталась. Не думала я, что профессия психолога такая трудная.

Ярослава пожала плечами и отпила глоток красного вина. Сладкая жидкость приятно проскользнула по пищеводу и оставила теплый след. Когда-то давно она сказала Наде, что работает психологом с тяжелобольными людьми, и та искренне в это верила.

— Чем на этот раз тебя загрузили? — спросила она и захрустела огурцом.

Ярослава скользнула по ней взглядом и непринужденно спросила:

— Надь, а ты делала аборт?

Надя закашляла, и из глаз брызнули слезы.

— Подавилась... Вообще-то, это личное дело каждого, — огрызнулась она и вытерла глаза салфеткой. — Но если тебе интересно, то — отвечу. Нет! Никогда! У меня трое детей, которых, кстати, я совсем не планировала. Но теперь жизни без них не представляю.

Она выдохнула, допила вино и снова наполнила бокал.

— С абортницей работала?

— Нет. С мужем.

— И что он? Жалеет?

— Жалеет, — тихо ответила Ярослава и переключила канал. Скучный ведущий в коричневом костюме брал интервью у пожилого человека.

— Оставь, — напряглась Надя. — На днях показывали эту программу. Интересно.

Ярослава взяла бокал и прислонилась к спинке стула. Ведущий сверился с записями и спросил:

— Павел Федорович, какие исследования вы проводите?

— Во-первых, это различные виды томографии. С применением рентгена и магнитного резонанса. Во-вторых, это клинические наблюдения.

— Можете подробнее рассказать о клинических наблюдениях? — ведущий изображал интерес, хотя то и дело поглядывал на наручные часы.

— Конечно, — Павел Федорович уставился в камеру, и у Ярославы по спине пробежал неприятный холодок. — Мы разговариваем с человеком, следим за его поведением, проводим различные тесты.

«Знакомый голос. Откуда я его знаю?» — подумала она.

— Понятно, — между тем продолжал ведущий. — Интересные случаи были в вашей практике?

— О! — воскликнул профессор. — Их было столько, что можно растянуть на несколько программ.

— Поведайте нам хотя бы об одном.

— Ну хорошо, — он задумчиво прикусил нижнюю губу. — Не будем уходить далеко. Произошло буквально в прошлом месяце. К нам обратился мужчина, который спит всего два часа в день, и ему хватает, чтобы отдохнуть. Наш старший научный сотрудник решил проверить, какие области его мозга активизируются при показе определенных фото.

— Что за фото? — заинтересовался ведущий.

— Разные, — раздраженно махнул рукой профессор, было видно, что ему не нравится, когда его прерывают. — Фото с милыми котятами, с окровавленными трупами и тому подобное. Так вот, фото замелькали на экране, но реакции никакой. Представляете!

Профессор хлопнул в ладоши и заразительно засмеялся. Ведущий озадаченно уставился на него и робко спросил:

— Объясните, пожалуйста, нашим зрителям и телезрителям, что это значит?

— Ну как же! Это элементарно — он не мыслит. Понимаете? Его мозг так мало потребляет энергии, что двух часов сна ему достаточно.

— Но при чем здесь фото? — не унимался ведущий. — Вы же не интеллектуальные способности проверяли.

— А при том! — воскликнул он. Затем прикрыл глаза, продолжительно выдохнул и продолжил с улыбкой:

— В ходе исследования мы собираем детальную информацию о человеке. Где и как он учился, чем увлекается, какую музыку слушает, какие книги читает и какие фильмы смотрит. Мы изначально знали, что он не семи пядей во лбу. Кое-как закончил девять классов на индивидуальном обучении, книг не читает, фильмы и музыка — самые примитивные. Но это не объясняет его двухчасовой сон.

Ведущий внимательно слушал и понимающе кивал.

— Тест с фото показал, что мозг мужчины настолько ленив, что не тратит энергию даже на эмоции. Он, простите, тупо смотрел на экран и никак не реагировал.

Профессор улыбнулся и вальяжно развалился в кресле.

— Понятно, — ведущий решил не углубляться в этот вопрос и задал следующий. — Что получит человек, который пришел к вам?

— Во-первых, мы берем только после предварительного тестирования. Есть люди, которые ради денег или славы пытаются нас обмануть. Таких мы можем раскусить на раз-два, — он многозначительно посмотрел в объектив камеры, и Ярослава невольно сжалась. Чувство опасности не покидало ее. Точно также она чувствовала себя в подъезде.

— Во-вторых, если человек нас заинтересовал, мы берем на себя все расходы по питанию и проживанию. А также каждые две недели выплачиваем гонорар.

— Подождите, — вновь вмешался ведущий. — Каждые две недели? Я думал, что это дело пары часов.

Профессор замотал головой и сел нога на ногу.

— Мы тщательно готовимся и все записываем. У нас огромная картотека с фото и видеосъемкой. Все записи ведутся и сохраняются на компьютере, а также распечатываются и подшиваются. На всякий случай. Все-таки я человек старой закалки и не очень доверяю технике, — усмехнулся он.

— Понятно, — протянул ведущий. — Можно узнать, хотя бы примерно, сумму двухнедельного гонорара?

— Ну, нет, конечно. Суммы мы не озвучиваем. Это секрет. К тому же, гонорар зависит от нашего интереса к способностям человека.

— Чушь все это, — махнула рукой Надя и долила остатки вина в свой бокал. — Вранье, но интересно. Чувствую, скоро они нам покажут одного такого способного. Будет мысли угадывать или призраков видеть.

— То есть ты не веришь, что такие люди существуют? — осторожно спросила Ярослава.

— Нет, конечно. По всем каналам этих экстрасенсов показывают. Все-то они видят и знают. Только толку от них никакого.

Тут Ярослава схватила пульт и переключила обратно на сериал.

— Ты чего? Интересно ведь, — возмутилась Надя. Ярослава взглянула на нее и решила, что пора расходиться. Бутылка была пуста, а пьяный блеск глаз и яркий румянец Нади означал, что еще чуть-чуть и она начнет упрашивать Ярославу пойти в бар.

— Я устала. Глаза слипаются. Хочу лечь пораньше.

— Ладно, — мотнула головой Надя, закинула в рот оливку и пошла к двери. — Не хочешь завтра по магазинам пройтись? Скоро Новый год, а я ни в одно платье не влезаю.

Ярослава задумалась, успеет ли восстановиться за ночь, и решила, что пару часов сможет провести на ногах.

— Хорошо, зайди за мной.

Они попрощались. Ярослава умылась и легла в кровать. Перед глазами возник юноша-скрипач. Он самозабвенно играл «Икара» среди замороженной толпы.

Илья вышел на улицу и зашагал к кафе, в котором работал. Заведение уже полчаса как было закрыто, но в окнах горел свет. На громкий стук в окне появилось лицо Никиты. Затем щелкнул замок, и дверь открылась.

— Что-то ты долго, — недовольно пробурчал Никита и выключил свет в зале. Они прошли на кухню. За круглым столом сидели пять человек.

— Всем привет, — поприветствовал их Илья и пожал каждому руку.

— Мы уже хотели без тебя начать, — Никита сел на табурет и взял в руки колоду карт. — Деньги принес?

Илья скинул дубленку, достал из кармана джинсовых штанов несколько купюр и продемонстрировал сидящим за столом.

— У меня сегодня мало. Поэтому, надеюсь, удача будет на моей стороне.

— А что так? — усмехнулся лысый мужчина с рыжей неухоженной бородой. — Краля денег не дает?

— Видать, плохо старался! — воскликнул его тощий сосед, и оба громко засмеялись. В другом месте Илья, не долго раздумывая, приложил бы обоих. Но здесь они были единственной надеждой разжиться деньгами. Конечно, если повезет.

Никита раздал карты и предложил:

— Ну, что по пятьсот для начала?

Все положили в центр стола деньги. Два раза в месяц они собирались и играли на деньги. Мужчина с рыжей бородой был владельцем и продавцом в магазине автозапчастей. Тощий сосед работал слесарем на станции техобслуживания и часто отказывался от игры, потому что по вечерам был занят. После того как автомастерская закрывалась, к нему приезжали знакомые и он ремонтировал их машины, а деньги клал себе в карман. Два рыжих брата-близнеца продавали строительных материалов в большом гипермаркете. Еще один — обрюзгший плешивый старик в очках с толстыми линзами, говорил, что он пенсионер. Хотя часто проигрывал по три пенсии и через две недели приходил вновь.

Илья смог выпросить у матери только полторы тысячи, поэтому очень надеялся на хорошие карты. Игра называлась «Двадцать одно очко» и не требовала специальных знаний и умений. Выигрывал тот, у кого сумма была ближе к двадцати одному. При первом раскладе у Ильи выпало пятнадцать очков.

— Ну, что задумался? Раскрываться будешь? — поторопил его пенсионер.

— Нет. Никитос, дай мне еще одну.

Никита снял верхнюю карту с колоды и протянул ему. Бубновый король принес четыре очка. «Девятнадцать. Лишь бы повезло», — подумал он и кивнул замершим в ожидании мужчинам. Все разом бросили веера из карт на стол. Выиграл тощий. У него было двадцать очков. Илья почти с ненавистью смотрел, как тощий своими костлявыми пальцами собрал деньги со стола и запихнул в нагрудный карман рубашки.

— Предлагаю по тысяче, — сказал пенсионер. — Чтобы не мелочиться.

— Нет! — прорычал Илья. — По пятьсот.

Все переглянулись. Однако вступить в спор с двухметровым мускулистым великаном никто не решился.

— По пятьсот, — повторил Никита, собрал карты и принялся их перетасовывать. Илья

вскочил, вытащил из холодильника бутылку пива и начал жадно пить. Остальные тоже встали с мест и разбрелись по кухне, разминая ноги.

— Эх, давай мне тоже, — махнул рукой рыжебородый.

— Сотня, — сказал Никита.

— Знаю я, — буркнул он и протянул сторублевую купюру. — Ну и цены у вас. В магазине в два раза дешевле.

— Ну, так иди в магазин, — процедил сквозь зубы Илья, допил бутылку и бросил в урну.

— Не-е. Лень таскаться туда-сюда, — рыжебородый отпил немного и крякнул от удовольствия.

Вскоре снова сели за стол, и Никита раздал карты. Илья долго не решался взять их в руки. Мужчины что-то обсуждали, смеялись, подсчитывали очки и не обращали на него внимания. «Лишь бы туз и десятка. Лишь бы туз и десятка» — повторил он про себя и медленно поднес карты к глазам. Червовый валет и девятка пик. В сумме получается одиннадцать.

«Десятка. Мне нужна десятка», — он нервно поерзал на стуле и обратился к Никите.

— Протяни мне колоду. Я сам возьму.

— Какая разница? Думаешь, я подложу тебе? — взъерепенился Никита. — Я на раздаче. Не устанавливай здесь своих правил.

Илья поджал губы, гневно посмотрел на друга, но промолчал. Он понимал, что наедине Никита не стал бы так себя вести и без лишних вопросов протянул бы колоду, но при посторонних не хотел показаться тьюфом.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил Илья. — Тогда достань третью карту сверху.

Никита демонстративно снял с колоды две карты и третью протянул Илье. Тот взял и с опаской посмотрел на лицевую часть: червовая девятка. Получилось двадцать очков. Один из близнецов тоже попросил карту и, взглянув на нее, выругался и бросил карты на стол.

— Перебор.

Илья усмехнулся и внимательно посмотрел на остальных, пытаясь угадать, собрал ли кто-нибудь двадцать одно очко.

— Раскрываемся? — спросил Никита, и мужчины закивали.

— Восемнадцать, — сказал рыжебородый и положил две девятки.

— У меня тоже восемнадцать, — показал карты второй близнец.

— Двадцать, — торжественно сказал Илья и бросил карты на белую скатерть.

— Двадцать, — тощий издевательски подмигнул Илье.

— Двадцать одно, — тихо сказал пенсионер и показал трефовый туз и десятку. Илья вскочил и чуть не опрокинул стол.

— Дай сюда карты! — рявкнул он Никите и бросил последнюю купюру на стол. — Я буду раздавать.

Никита собрал карты со стола и протянул колоду Илье. Тот схватил и принялся яростно перемешивать.

— Говорят, надо на них подуть, чтобы удачно выпали, — предложил тощий и вытащил из кармана пачку сигарет.

— Только попробуй, — зло прошипел Илья. — Сигнализация срабатывает.

Тощий пожал плечами и убрал пачку обратно в карман. Илья долго перетасовывал колоду. Значения и масти мелькали перед глазами. Остальные терпеливо ждали и лишь переглядывались.

— Что ты так паришься? — наконец не выдержал близнец. — У вас в зале касса. Возьми сколько надо, потом вернешь. Мы часто так делаем.

— Тебя забыл спросить, — огрызнулся Илья и начал раздавать карты. Никита хмыкнул и помотал головой. Он знал, что Илья должен вернуть в кассу двадцать тысяч, и сумма долга только увеличивалась.

Все подняли карты к лицу, тщательно пряча их от любопытных глаз соседа. Илья решил свои пока не смотреть.

«Хоть бы повезло. Зарплаты не хватит на то кольцо, которое для Ярославы присмотрел».

— Карту, — попросил рыжебородый. Илья протянул и уставился на него. Рыжебородый сначала сдвинул брови, затем улыбнулся и кивнул.

— Хватит.

— Мне тоже дай, — протянул руку пенсионер.

Илья переводил взгляд с одного на другого, чтобы определить, смог ли кто-нибудь собрать заветное число.

— Двадцать два! — воскликнул пенсионер и бросил карты на стол. — Было девятнадцать. Решил рискнуть, вдруг валета поймаю.

Он встал и заохал, пытаясь разогнуться.

— Раскрываемся? — спросил Никита.

— Погоди, я еще не смотрел, — Илья взял карты в руки и с замиранием сердца поднес их к глазам. Две восьмерки. «Так, шестнадцать. Нужен король. Пожалуйста, пусть будет король», — он аккуратно взял верхнюю карту, посмотрел и бросил на стол червовую шестерку.

— Перебор!

Тошечу опять повезло, и он сгреб пятисотрублевые купюры со стола. Больше денег у Ильи не было, поэтому он достал еще одну бутылку пива, сел на подоконник и безразличным взглядом наблюдал за игрой.

Павел Федорович сидел на диванчике в приемной, жевал шоколадный батончик и с нетерпением поглядывал на часы. Семен должен был явиться с минуты на минуту. В дверь постучали. Он вскочил, схватился за больную коленку и зашаркал открывать.

— Что за срочность? — весело спросил Семен, на ходу расстегивая пуховое пальто.

— Семушка, готовься, — взволнованно проговорил профессор и вытер рукавом губы.

— Сейчас? — опешил он. — Время десять вечера.

— Поэтому я тебя вызвал заранее. Ее привезут только часа в два ночи.

Семен прищурил глаза и шепотом спросил:

— В смысле — привезут?

— Ну, Ваня заедет за ней и привезет сюда.

— В два часа ночи? — не унимался Семен.

— Что ты пристал! — вспыхнул профессор. — Какая разница, во сколько? Зато меньше свидетелей.

У Семена расширились глаза, и он на мгновение потерял дар речи.

— Вы собираетесь ее украсть?

— А что делать, если человек упертый? Не звоните больше, тоже мне, — передразнил он.

— Но нас же посадят, — отчаянно зашептал он. — У меня семья. Я не хочу за решетку.

— Ну какая решетка, — махнул рукой профессор, открыл шкаф и вытащил шубу. — Скажем, что она все придумала, и намекнем на шизофрению. Главное, чтобы свидетелей не было.

Он надел соболиную шубу поверх пиджака и подтолкнул Семена к двери.

— Пойдем готовиться. Гостью надо встретить достойно.

Семен, пришибленный, шел за хромающим профессором. Он знал, что Павел Федорович способен на многое ради своей идеи, но украсть девушку! Этим он подвергал опасности не только себя, но и весь институт. А Семен вообще мог сесть в тюрьму, как соучастник. Он вдруг вспомнил Кириллу. Детдомовский мальчик, который внезапно пропал. Вечером Семен принес ему ужин, новую книгу комиксов и, пообещав скачать фильм про супергероев, поехал домой. Наутро Кирилла на месте не оказалось. На расспросы Павел Федорович ответил, что мальчику надоело сидеть в четырех стенах и он решил вернуться в детский дом. Промучившись от беспокойства два дня, Семен позвонил директору детского дома.

— Нет, Кирилл не возвращался, — опешила она. — Он разве не у вас?

В тот же день его подали в розыск. Червячок недоверия поселился в душе Семена, и профессор перестал казаться таким уж добрым и чудаковатым, как раньше.

— Павел Федорович, — подал голос Семен, когда они остановились возле двери цокольного этажа. — Думаю, нам надо серьезно поговорить.

— Сема, опять ты за свое, — он открыл дверь и похвастался. — Тепло. Обогреватели я еще днем включил.

Профессор повесил шубу на вешалку и по-хозяйски двинулся по коридору, осматривая кабинеты сквозь стеклянные стены.

Семен, глубоко вздохнул и, собрав волю в кулак, крикнул ему вслед.

— Павел Федорович, я серьезно! Если вы сейчас со мной не поговорите, то я

разворачиваюсь и ухожу.

Профессор медленно повернулся и недоуменно уставился на него.

— Сёмушка, ты чего?

— Это уже не шутки! — распалился Семен. — Я не хочу участвовать в ваших экспериментах, если вы будете нарушать законы!

Профессор испуганно замахал рукой и, подволакивая ногу, вплотную подошел к нему.

— Ты чего кричишь? Ничего страшного не случится. У нас нет времени ждать и уговаривать. Джон больше не отправляет денег. Я уже экономлю на всем: на электричестве, на зарплате, на приборах. Ты же сам все знаешь.

— И что? Значит, надо сворачивать эксперименты с «Куполом» до лучших времен.

— Сема, — устало выдохнул он. — Ты хоть понял, что сказал? Время идет, я не молодею. Это у тебя вся жизнь впереди, а у меня лишь несколько лет. И я хочу провести их с бокалом вкусного коктейля и милым мопсом под ногами.

— Ну, коктейль и мопса даже я могу вам обеспечить, — хмыкнул Семен.

— Зато вид из окна на океан — не можешь. С ней ничего не случится, обещаю. Мы поговорим, объясним, и, я уверен, она сама согласится нам помочь, — он похлопал Семена по плечу и направился в дальнюю лабораторию. Там, на металлическом столе стоял громоздкий белый «Купол».

— Еще один вопрос. Почему вы думаете, что у нее есть способности? Ведь мы еще не проверили.

— Я уверен на сто процентов, — усмехнулся профессор и погладил гладкий корпус.

Ярослава блуждала во тьме. Легкая, как пушинка, она могла кружиться, плавать, словно в воде, прыгать как мяч или лететь стрелой. Однако это не имеет значения, когда ты не видишь даже себя.

«Хочу на свет. Хочу на волю», — подумала она и, собрав остатки сил, вынырнула из темноты. Она очутилась в сельском магазине, очередь из пяти человек стояла перед кассой. Хамоватая продавщица пыталась засунуть в маленький пакет метровую рыбину.

— Он скользкий, подождите. Он скользкий, подождите, — повторяла она.

Ярослава огляделась и увидела прижавшуюся в угол Надю.

— Так вот чей это сон, — усмехнулась она, вышла из магазина и попала под ливень. Тяжелые тучи нависали над лесом и речкой. От крупных капель вода в реке бурлила и неестественно плескалась. Сверкнула белая молния и раздался громогласный раскат, от которого задрожала земля под ногами. Ярослава принялась озираться по сторонам, в надежде найти владельца сна. Однако никого не было.

— Как такое возможно? — опешила она, подошла к реке и потрогала воду. — Холодная и мокрая.

Вдруг прямо над головой небо оглушительно взорвалось, и кто-то явственно ойкнул.

— Где же ты? — она взгляделась в черноту между деревьев, прошлась по высокой траве и снова вернулась к реке. На другом берегу, среди поваленных деревьев лежала перевернутая лодка. Ярослава оттолкнулась, легко перелетела через реку и опустилась возле лодки. Под ней кто-то жалобно всхлипывал.

— Нашлась, — улыбнулась Ярослава, опустилась на колени и заглянула под лодку. Четырнадцатилетняя соседка снизу, Наташа, свернувшись клубком, лежала на земле и тихонько плакала.

— Бедняжка, я бы успокоила, но ты меня не видишь.

В этом заключалось еще одно отличие сна от комы. Сны она могла только подсматривать, а не влиять или переделывать.

Ярослава с минуту полюбовалась на грозу и переместилась в деревню.

— А я знаю, чей это сон, — сказала она и весело рассмеялась. Валентин Васильевич, живущий в соседнем подъезде, лез вверх по березе. Она знала, что в этом сне он чувствует себя ребенком, но Ярослава видела его так, как он выглядит сейчас. Маленький вечно недовольный старичок и ноги колесом. Тем временем, Валентин Васильевич силился достать до толстой ветки, но она, хоть и была рядом, постоянно уклонялась в сторону. Ярослава часто видела с ним этот сон и решила, что это не обычная игра воображения, а воспоминание, которое закрепилось в сознание и мучило его. Также как папе часто снилось, что он едет в неуправляемой машине, в ужасе крутит руль и нажимает на педали, но безрезультатно. С ним однажды такое случилось, поэтому страх и воспоминание смешались. Машины и местность менялись, но оставалась неисправная машина.

Ярослава печально вздохнула и переместилась дальше. Серое небо и улица с двухэтажными домами. Посреди дороги стоит женщина и пытается бежать, но ноги не слушаются. Она падает, снова встает, падает. Пытается ползти, подтягивается руками, но остается на месте. Вдруг сзади появилась высокая темная фигура мужчины, на плече большой молот с длинной рукояткой. Ярослава в ужасе прижалась спиной к стене дома.

Женщина завизжала, принялась царапать землю и толкаться ногами.

— Проснись! Проснись! — в иступлении закричала Ярослава, когда мужчина поднял молот над расprostертой на земле женщиной.

Вдруг стало светло, и Ярослава с облегчением выдохнула, рассматривая знакомую детскую комнату. Это означало, что женщина проснулась, а Ярослава перешагнула в следующий сон. Она подошла к девочке, сидящей за столом, и заглянула через плечо. Шестилетняя Лиза, средняя дочь соседки Нади, пыталась раскрасить единорога, который скакал по альбомному листу, уворачиваясь от желтого карандаша. Ярослава с удовольствием заглядывала в детские сны, ведь они такие волшебные и красочные. Она погладила девочку по голове и шагнула дальше.

На этот раз все было нечетким, с размытым очертаниями домов и деревьев. Люди в виде теней сновали повсюду.

— Слишком далеко забралась. Ничего не вижу.

Ярослава вернулась в темноту, раскинула руки и оттолкнулась. Она представила, что летит в бесконечной вселенной в поисках яркой звезды.

«Надо отдохнуть. Я устала. Очень устала».

Едва Дмитрий Сергеевич открыл дверь, как на него набросился Рекс. Он терся о его ноги, вертел хвостом-кисточкой и радостно скулил.

— Хороший, хороший, — Дмитрий Сергеевич потрепал пса по голове. — Голодный небось.

Рекс в ответ тявкнул, помчался на кухню и притащил миску в зубах.

— Ну, дай хотя бы раздеться, — усмехнулся Дмитрий Сергеевич, расстегивая пуховик.

Затем прошел на кухню, насыпал сухого корма и по свежей воде в поилке понял, что сосед приходил накормить Рекса.

— Ах ты, обманщик! — пригрозил он пальцем счастливому псу, уплетающему корм. — Чем бы мне-то перекусить?

Он включил чайник и вытащил из холодильника батон, масло и варенье. Довольный Рекс облизал свой черный нос, подошел и положил лапу на его колено.

— Ну ладно, забирайся, — Дмитрий Сергеевич помог псу расположиться на коленях и откусил бутерброд с толстым слоем масла и клубничного варенья.

Рекс был породы русский той. Три года назад, после смерти матери, Дмитрий Сергеевич забрал его к себе. С тех пор они жили вдвоем и роднее никого не было.

— М-м-м, как вкусно, — он отхлебнул горячий чай. — Не понимаю, почему тебе так нравится сухой пресный корм. Помнишь, я его тоже пробовал? Так вот, как врач могу сказать, что это обычные отруби. Да-да. Мясом там даже не пахнет.

Рекс повернул к нему голову и смешно подергал волосатыми ушами.

— Знаю, ты бы тоже не оценил варенье. Поэтому пусть каждый останется при своем.

Он допил чай, аккуратно спустил пса на пол и пошел в ванную. Горячие струи воды под сильным напором били по спине, вызывая мурашки. Из головы не выходила Ярослава. То, что произошло сегодня в больнице, было невероятно и необъяснимо.

«Гуляет по снам, погружается в кому... До сих пор не могу поверить. Как это работает? Ее душа покинула тело и переместилось в сознание Бирро? То есть душа существует? Ничего не понимаю».

Он вышел из душа и вернулся на кухню, чтобы выпить кефира. Рекс лежал возле холодильника и дремал.

Дмитрий Сергеевич потянулся за кружкой, нечаянно задел половник, и тот с громким стуком упал и задрезжал на кафельном полу. Рекс испуганно вскочил и завертел головой.

— Прости, задумался, — он погладил пса по загривку. — Сегодня с такой невероятной девушкой познакомился. И я не про внешность. Хотя она очень красивая. Это было волшебство. Честное слово, волшебство. До сих пор не могу поверить, что она его разбудила.

Он взял Рекса на руки, отнес на кровать и лег рядом.

— А может, это был розыгрыш? — он сначала насупился, а затем расхохотался. — Представляешь, если это действительно был розыгрыш. Я голову ломаю, восхищаюсь, пытаюсь разобраться, а это Валерий Борисович решил подшутить надо мной.

Рекс положил голову на лапы и уставился в темное окно.

— Ты прав, — устало проговорил врач и зевнул. — Никакой это не розыгрыш. Просто я не в состоянии понять, что произошло. Я же сам наблюдал за ней. Повышенное давление и эпилепсию невозможно сыграть. К тому же, она была так вымотана, что еле передвигала

ноги. Завтра обязательно проведу. Вдруг помощь нужна.

Он повернулся на бок, накрылся толстым одеялом и уснул. Рекс слез с кровати, подошел к окну и вскочил на подоконник. С неба падали мелкие снежинки и поблескивали при свете уличных фонарей. Мороз отступал.

Черный микроавтобус подъехал к дому на улице Весенней, и из него вышли двое мужчин.

— Подъезд на хитром замке. Пришлось ключи у ребенка украсть, — сказал мужчина спортивного телосложения и вытащил из кармана связку ключей с брелоком в виде черепашки-ниндзя.

— Молодец. Хоть не придется ломать, — похвалил его Иван и, по привычке, погладил свою бороду. — Чужое имущество надо беречь.

Они надели перчатки и, озираясь, подошли к подъезду. Дверь еле слышно пикнула и открылась.

— Олег, ты определил, куда у нее окна выходят? — шепотом спросил Иван, поднимаясь за ним по лестнице.

— Оба окна в сторону подъезда. Три часа назад свет погас.

— Хорошо. Значит, уже крепко спит.

Олег показал на бордовую железную дверь, а сам подошел к соседней квартире, вытащил жвачку изо рта и залепил глазок.

Иван расстегнул карман куртки, достал кожаный футляр и протянул Олегу. Тот внимательно рассмотрел набор отмычек, выбрал одну и наклонился к замку. Не прошло и минуты, как замок послушно открылся.

Иван одобрительно сжал Олегу плечо, вытащил из-за пояса пистолет с транквилизатором и медленно открыл дверь. Первым делом надо было усыпить домашнее животное, собаку или кошку. Они могли разбудить хозяев в неподходящий момент. Свет с подъезда озарил небольшую светлую прихожую. Пусто, их никто не встречал.

Они зашли, медленно ступая, чтобы не скрипели подошвы ботинок, и закрыли за собой дверь. Иван заглянул на кухню, удостоверился, что там никого нет, и двинулся в комнату.

Гирлянды, висящие на стене, освещали двухместную кровать с мягким белым изголовьем. Он шагнул на цветастый ковер, вплотную подошел к кровати и увидел девушку, утопающую в пуховом одеяле. Ее ресницы чуть подрагивали, а брови хмурились.

Он осторожно убрал одеяло, прицелился и выстрелил. Игла со снотворным проткнула теплую пижаму и вонзилась в бедро, выпуская жидкость. Ярослава вздрогнула и проснулась. Олег вскочил на кровать и зажал ей рот рукой.

— Ш-ш-ш, — Иван приставил палец к губам и зашептал. — Не надо шуметь. Мы тебя не обидим.

Она смотрела ошарашенными глазами и пыталась оттолкнуть Олега, но тот лишь сильнее вдавил ее в подушку. Иван убрал пистолет за пояс и схватил за руки.

— Тебе же сказали, не шуми и не сопротивляйся. Мы не сделаем ничего плохого, — прошептал ей на ухо Олег.

Ярослава предприняла еще одну попытку освободиться и со всей силы пнула Ивана в низ живота. Тот охнул и присел, но хватку не ослабил. Теряя сознание, она попыталась укубить руку, больно сжимающую рот, но Олег был начеку и вовремя отдернул.

— Не надо, — прохрипела она и обмякла. Иван отпустил ее руки и присел на краешек кровати.

— Я, похоже, ей синяки на руках оставил. Надеюсь, Кулик с ней договорится, и она не

пойдет в полицию.

— Зачем ты на это согласился? — Олег подошел и открыл шкаф. — Ладно я. У меня гражданство Израиля. Улечу и спрячусь так, что никто не найдет.

Он вытащил свитер, утепленные штаны и шерстяные носки.

— Давай одевать, чтобы не замерзла.

Иван убрал шприц в карман, и они принялись натягивать на Ярославу штаны поверх теплой бежевой пижамы.

— В ней веса-то нет. Ты не переборщил со снотворным? — спросил Олег и вытер пол со лба.

Иван пожал плечами.

— Откуда я знаю. Не разбираюсь я в этих вещах.

— А вдруг там дозировка для слона? — усмехнулся Олег и принес ботинки и пальто с прихожей.

— Пусть профессор разбирается, — махнул рукой Иван. — Не хочу в эти дела лезть. И вообще, я уже думаю, как мне с ним распрощаться. Он меня утомил...И платить меньше стал. К тому же, похоже, он меня шантажирует.

Олег вопросительно уставился на него, надевая вязанную шапку на голову Ярославы.

— Чем же это? Пареньком тем, что ли?

— Да. Хорошо, что у меня ума хватило не рассказывать профессору, куда я его дел. Нет тела — нет дела.

Олег кивнул и поднял Ярославу на руки.

— Иди, дверь открой.

Иван выглянул в глазок, затем медленно приоткрыл дверь. Тишина, только еле слышно гудели старые люминесцентные лампы. Он распахнул дверь настежь и отошел в сторону. Олег быстро вышел из квартиры и спустился до подъездной двери. Иван почти бесшумно закрыл дверь и побежал за Олегом.

— Так нести ее нельзя, — сказал Иван. — Если кто увидит, сразу почувствует неладное и позвонит в полицию. Давай возьмем ее под руки и потащим. Пусть лучше думают, что она пьяная.

Олег кивнул. Они обхватили ее за талию с двух сторон, положили ее руки к себе на плечи и бодро зашагали к микроавтобусу. Там уложили на задние сиденья, и Олег сел рядом, чтобы она не упала. Иван взобрался за руль и выехал со двора.

— Фух, — громко выдохнул Олег, когда они помчались по безлюдному ночному городу. — Давно так не нервничал. Сколько действует снотворное?

— Не знаю. Первый раз использовал...Надеюсь, с ней все будет в порядке. Не хотелось бы мне еще один грех на душу.

— Грех, — усмехнулся Олег и поправил руку Ярославы, свалившуюся на пол. — Ты что, в Бога веришь?

— Конечно, верю. А ты?

Олег снова хмыкнул и поудобнее устроился на кресле, рядом с неподвижной Ярославой.

— Это же сказки. Религия заменяла «руку закона». Теперь в ней надобность пропала. В современном мире все-таки живем.

Иван помотал головой.

— Не-ет. Если бы ты видел то, что видел я за пятнадцать лет работы с профессором, то не говорил бы так.

— Что же ты видел? — заинтересовался он и подался вперед.

— Когда-нибудь расскажу, но не сейчас.

Олег пожал плечами и уткнулся в экран своего телефона.

Хмурый Илья допивал третью бутылку пива и с раздражением смотрел, как тощий выигрывал очередную партию. После того, как он продул последнюю пятисотрублевую купюру и вышел из игры, ставка повысилась до тысячи.

— Тощий, — позвал его Илья.

— Валентин Михайлович — для тебя. И улыбочку не забудь, — откликнулся он, аккуратно складывая купюры стопкой.

— Ладно, — недовольно поморщился Илья. — Валентин Михайлович, дай тышчонку дс зарплаты.

Тощий хмыкнул и убрал деньги в нагрудный карман рубашки.

— Ты мне еще с прошлой игры торчишь.

— Не ври! Я возвращал, — рявкнул Илья и с силой бросил пустую бутылку в мусорку.

— Нет, не возвращал. У меня, в отличие от тебя, с памятью проблем нет. Я не даю в долг должникам.

Он оделся, попрощался и ушел. За ним потянулись остальные.

— Никитос, сколько времени? — спросил Илья и вытянулся на подоконнике, на котором любила отдыхать пьяная повариха.

— Почти пять.

— Что? Пять утра! — воскликнул он и спрыгнул с подоконника. — И телефон разрядился. Мать, наверное, с ума сходит.

— Успокойся, — сказал Никита и скрутил скатерть с игрального стола, который тут же превратился в стол для раздачи. — Она бы мне уже позвонила. Собирайся, пошли домой.

Они оделись и вышли на улицу. Морозный воздух отрезвлял и придавал бодрости.

— Я не пойду домой, — сказал Илья и похлопал друга по плечу. — Давай. До завтра.

— Может, не надо? — несмело спросил Илья.

— Что?

— Не ходи к ней. Это уже не смешно и похоже на манию. Забудь. Было и было, живи своей жизнью.

— Ты не понимаешь, — зашептал он, хотя на улице никого, кроме них, не было. — Я люблю ее так, что жизнь готов отдать. Никто никогда мне не был так дорог. И, знаешь, что самое страшное?

Никита помотал головой, глядя в безумные глаза друга.

— Я готов ее убить, лишь бы не досталась другому.

Никита сглотнул застрявший в горле ком и искусственно засмеялся.

— Ты же шутишь? Правда?

Илья пожал плечами, махнул рукой и зашагал в сторону дома Ярославы.

Ключ от подъезда у Ильи был, поэтому он взбежал по лестнице на второй этаж и подошел к двери квартиры. Тишина, весь дом спал.

Он вспомнил, как в прошлый раз на стук в дверь Ярославы вышла соседка и пригрозила, что позвонит в полицию, если он еще раз осмелится будить людей среди ночи.

— Ну, ничего. Я подожду, — сказал он, сел на ступеньки возле батареи и вскоре уснул.

Ярослава блуждала во тьме.

«Что со мной происходит? — она силилась проснуться, но не могла. — Кто эти люди и что им надо от меня?»

Она хотела перешагнуть в чей-нибудь сон, но осталась на месте.

«Никто не спит? Неужели уже утро? Все очень странно».

Ярослава пыталась вспомнить, что произошло. Резкая боль, и она проснулась. Большой страшный человек с черной бородой нависал над ней. Вдруг появился другой и зажал ей рот. Они что-то говорили, что-то шептали, но она не понимала. Болела нога.

«Может, Илья их подослал? Но зачем? Воры?»

Она пожалела, что не может слышать то, что происходит снаружи, вне сознания, как в коме.

«Мне это не нравится. Но почему я не могу проснуться? Ну же, вставай! Проснись!»

Она принялась колошматить руками и болтать ногами в бесцветном пространстве. Ничего не произошло. Раньше она просыпалась тогда, когда решала проснуться или когда кто-то будил. Сон полностью был подвластен ей. Но не сейчас.

Сколько прошло времени, она не знала. Вдруг сила, сдерживающая ее во сне, ослабла, и Ярослава проснулась.

В глаза бил яркий белый свет.

«Я не дома» — подумала она и резко села. Голова закружилась и начало тошнить. К ней кто-то подбежал и схватил за плечи.

— Как вы себя чувствуете? — услышала она мужской обеспокоенный голос.

— Меня тошнит, — еле выговорила она и прищурилась, пытаясь разглядеть фигуру в белом халате.

— Так бывает. Вот вода, — он приблизил к ее губам стакан. Ярослава сделала несколько глотков, но тошнота не пропала.

— Ложитесь на бок. Вам надо полежать, — мужчина помог ей лечь обратно на кушетку.

— Где я? Что со мной? — прохрипела она. Перед глазами все кружилось, она закрыла их и глубоко задышала.

— Подождите, — Ярослава услышала, как он выбежал из помещения.

«Больница?» — подумала она и прислушалась к своим ощущениям. Пульсирующая боль отдавалась в висках. Ярослава приоткрыла глаза и огляделась. Белая комната с прозрачной стеной. Вдоль стен стояли столы и шкафы с какими-то приборами. Окна не было.

«Где это я?»

Она привстала и услышала топот. В открытую дверь вбежали две мужчин. Седой мужчина был ей знаком, только не могла вспомнить, откуда.

— Здравствуйте, — пробасил он и протянул руку. — Меня зовут Павел Федорович.

Ярослава недоумевающе уставилась на него и несмело спросила:

— Кто вы?

— Я же уже представился. Павел Федорович меня зовут.

— Нет, я не о том? Вы врач? — мотнула она головой и поморщилась от резкой боли в области висков.

— Да, я врач, — он подвинул к кушетке стул и сел. Второй мужчина остался стоять

позади. — Профессор психиатрии.

— А-а-а, — протянула она. — Я вспомнила. Видела вас вчера по телевизору.

— Да, меня часто приглашают в «Ясное сознание».

— Точно. «Ясное сознание», — она снова огляделась и испуганно спросила. — Я что, в психиатрической больнице?

Она попыталась встать, но опять все закружилось, и пришлось обратно лечь.

— Нет, вы в лаборатории научно-исследовательского института. У нас больных нет, только здоровые, — усмехнулся он собственной шутке.

— Почему я здесь? Как я сюда попала? — она вновь предприняла попытку встать, но Павел Федорович положил ей руку на плечо и удержал.

— Полежите. Снотворное еще действует, вы можете упасть.

— Снотворное? — тут она вспомнила, что произошло, и резко вскочила. Открытая настежь дверь была в трех метрах. Ярослава ринулась к выходу, но ноги запутались, и ее потянуло вправо, прямо на стол, заставленный приборами. Она упала, и сверху на нее что-то посыпалось. Мужчины подбежали, подняли ее за руки и повели обратно к кушетке.

— Ну, куда же вы? — проворковал профессор. — Я же сказал, что снотворное еще действует. Не надо так рисковать собой. Вы очень ценный экземпляр.

«Экземпляр?» — испуганно подумала она, глядя на фальшивую улыбку седого старика.

— Что вам надо от меня? — тихо спросила она, потирая ушибленное плечо.

— Ничего, — добродушно ответил он. — Всего-навсего изучить ваши способности.

Ярослава удивленно приподняла брови и усмехнулась:

— Какие еще способности? Вы ошиблись. Отпустите меня, и я никому ничего не скажу.

Она говорила уверенно, но внутри все сжималось от страха.

— Милочка, я уверен на сто процентов, что у вас есть чем поделиться.

— Ах, — воскликнула она и вперила в него глазами. — Я узнала ваш голос. Это вы мне звонили! Кто рассказал обо мне?

Профессор усмехнулся, кивнул второму и пошел к дверям, подволакивая ногу:

— Один неприятный молодой человек, — бросил он через плечо и вышел из кабинета.

Ярослава глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться и собраться мыслями.

— Не волнуйтесь. Мы вам не сделаем ничего плохого, — сказал второй и виновато посмотрел на нее.

— Уже сделали, — огрызнулась она. — Украли и напичкали непонятно чем.

Она хотела пригрозить полицией, но вовремя прикусила язык. Опасно угрожать людям, от которых зависит твоя жизнь.

Иван и Олег сидели в комнате отдыха, пили крепкий кофе и с нетерпением ждали новостей. Тут на пороге возник Павел Федорович и, весь сияя, сообщил:

— Все хорошо. Она пришла в себя.

Иван с облегчением выдохнул и со стуком поставил чашку. Когда он заносил девушку в лабораторию, ему вдруг показалось, что она перестала дышать. Но Семен проверил пульс и сказал, что сердце бьется.

— Дальше-то что? — крикнул он вслед уходящему профессору.

— Не понял, — он повернулся и насупил брови.

«Все ты понял, дедок», — усмехнулся Иван про себя, но решил объяснить:

— Что с ней делать, когда вы закончите свои эксперименты?

— Мне без разницы, — пожал он плечами. — Делайте, что хотите.

Иван и Олег напряженно переглянулись.

— Погодите, — вмешался Олег. — Что значит «что хотите»? А если я хочу сейчас же увезти ее домой и принести извинения. Мне так и сделать?

— Нет, не так. Сначала мы подключим ее к «Куполу», а затем можете везти ее хоть домой, хоть в сауну, хоть в лес. Мне без разницы, — он развернулся и исчез из виду.

Иван принялся нервно поглаживать бороду. Олег убрал кружки в раковину и начал разминать шею. Оба понимали, что профессор втянул их в очень опасную игру. А ответственность за последствия брать на себя не хочет.

— Что будем делать? — наконец спросил он у задумавшегося Ивана.

— Как ты и сказал: отвезем домой, принесем извинения. Букет с шампанским купим. И шоколад вкусный.

— А если она позвонит в полицию? Нас же «загребут», — возмутился Олег. — Я сидеть не хочу.

— Так ты же в Израиль собрался. Езжай. Можешь уже вещи собирать, — буркнул Иван и уткнулся в телефон.

Олег постоял, подумал и кивнул.

— Ты прав. Поеду домой собираться. Надо успеть улететь раньше, чем начнется эта заварушка.

— Ты серьезно? — удивился Иван. — Вот так просто возьмешь и оставишь меня одного разгребать это дерьмо?

— Тебе не привыкать, — подмигнул Олег и вышел из комнаты.

«Иди-иди», — усмехнулся Иван и уставился на дверь. Прошло не более минуты, как Олег вернулся.

— Недалеко ты ушел, — захохотал Иван.

— Иди, открой, — буркнул Олег. — Прямо как в тюрьме.

Иван нехотя встал и медленно пошел вслед за Олегом. Благодаря замку, реагирующему на отпечаток пальца, выйти из цокольного этажа было невозможно. Опытные сотрудники ввели в базу данных только отпечатки семи человек, одним из которых был Иван.

Он подошел к ящику, прикрепленному к стене возле железной двери, и открыл прозрачную крышку. Внутри ящика синим цветом загорелся диск. Иван нажал на него большим пальцем правой руки, и в двери что-то щелкнуло.

— Когда этот закончит, — кивнул Олег в сторону лабораторий. — Позвони, я подъеду.

— Так ты же в Израиль собрался, — весело подмигнул Игорь.

— Кому я там нужен. Просто спать хочу, устал. Помнится, подопытные у него часами сидят, прикрепленные к аппарату. Я за это время выспаться успею.

Они пожали друг другу руки, и Олег вышел на улицу.

Ярослава легла на кушетку и только сейчас обратила внимание на то, как одета. Утепленные штаны, в которых она каталась на лыжах, и колючий шерстяной свитер были натянуты поверх бежевой пижамы с начесом. Шерстяные носки выглядывали из ботинок. Пальцы ног были больно сжаты. Она скинула ботинки и вытянулась. Лежа было гораздо легче, голова не кружилась. Второй мужчина возился на полу, и Ярослава решила, что он убирает то, что на нее посыпалось при падении.

— Как вас зовут?

— Семен. Васнецов Семен Иванович, — он подошел и сел на стул возле кушетки.

— Красивая у вас фамилия, — сказала она и повернулась на бок. — Жаль, что досталась такому подлецу.

Ярослава с удовольствием наблюдала, как мужчина сначала оторопел, затем замахал руками и принялся оправдываться:

— Я не подлец! Мы ничего плохого вам не сделаем. Давайте я вам всё объясню.

— Не надо мне ничего объяснять, — прервала она и смерила презрительным взглядом. — Подослать ко мне уголовников, которые вломились в квартиру, вкололи какую-то гадость и притащили сюда, на это способен только подлец и негодяй.

— Это не я их подослал! Я сам был против этой затеи.

— Если вы против, то почему я до сих пор здесь? Отвезите меня домой, — заговорщически зашептала она, глядя на дверь. Он тоже повернул голову, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, и вполголоса ответил:

— Не могу. Нас не выпустят. К тому же, вам нечего бояться. Это совершенно безболезненная процедура.

Испуганная Ярослава приподнялась на локтях.

— Какая еще процедура?

Семен еще раз посмотрел на дверь и ответил:

— Мы подключим вас к прибору, который изучит и запишет ритмы вашего мозга. Обычно на это уходит несколько часов. И все.

Он улыбнулся и добавил.

— К тому же избавитесь от нее.

— От кого? — напряглась Ярослава.

— От ненужной вам способности. Мы только недавно узнали, что «Купол» не только изучает, но и убирает нетипичные ритмы мозга. Вы еще нам «спасибо» скажете, — усмехнулся он и похлопал ошарашенную Ярославу по плечу. Она резко схватила его руку, крепко сжала и торопливо зашептала:

— Нельзя этого делать. Помогите мне выбраться отсюда.

— А вот и я, — послышался бас профессора. Оба вздрогнули и отодвинулись, будто делали что-то постыдное. — У меня все готово. Милая Ярослава, вам надо пройти в соседний кабинет.

Он улыбался и потирал сухие руки. Ярослава с мольбой посмотрела на Семена, и тот, решившись, возразил:

— Думаю, она еще не отошла. Нужно немного подождать.

Профессор помотал головой и подошел к кушетке.

— У меня нет времени ждать. Поднимайтесь, — велел он и схватил Ярославу за руку. —

Если будет кружиться голова, мы поможем дойти.

— Нет, не встану, — твердо сказала она и выдернула руку.

Павел Федорович устало вздохнул и пригрозил:

— Тогда я позову Ванечку. Он церемониться не будет. Вы должны его помнить. У него черная борода.

Ярослава снова посмотрела на Семена, но тот встал рядом с профессором и отводил взгляд в сторону.

— Я должна вам кое-что сказать, — она села и свесила ноги. Голова закружилась, но через пару секунд все прошло. — Дело в том, что я спасаю людей.

Профессор опустил на стул и заинтересовано уставился на нее.

— Что вы имеете в виду?

Ярослава решила, что сможет уберечь свой дар, только если расскажет правду.

— Вчера вечером из комы проснулся Бирро Константин. Вы можете проверить. У него есть жена Наталья. Правда, они откажутся с вами говорить, потому что подписали договор. Пару дней назад из комы вышла Ира Верещагина, а до нее мальчик Миша. В октябре Максим проснулся. Фамилию не помню. Все они лежали в реанимации в нашей районной больнице. Я думаю, вам не составит труда проверить всех этих людей, — она говорила сбивчиво и активно жестикулировала. — Это я их вывела. Понимаете? С самого детства я видела чужие сны. Почти шесть лет назад я попала в больницу и во сне переместилась в кому. Я не могла проснуться. И пробыла в коме вместе с Леонидом Павловским. Знаете такого?

— Павловский? — задумчиво произнес он, затем ударил ладонью по лбу и воскликнул. — Я помню. Про аварию много писали. И что? Что было дальше?

Ярослава порадовалась тому, что заинтересовала профессора, но виду не подала.

— Он подумал, что скоро умрет, и решил исповедаться. Рассказал обо всем, что не давало ему покоя, и мы проснулись. С тех пор я занимаюсь тем, что вывожу людей из комы.

Павел Федорович закрыл рот и сглотнул слюну.

— Это невероятно, — прошептал Семен, и они с профессором посмотрели друг на друга. Ярослава напряглась, когда они весело рассмеялись и пожали руки.

— По поводу снов расскажите поподробнее, — попросил профессор, когда перестал смеяться и вытер уголки глаз. — Каким образом вы их видите?

Но Ярослава больше не хотела ничего о себе говорить. По сияющим лицам и довольному виду мужчин, она поняла, что ошиблась и теперь они ее точно не отпустят.

Дмитрий Сергеевич проснулся от того, что Рекс запрыгнул на кровать и положил голову ему на грудь.

— Проснулся я, проснулся, — сказал он, потрепал пса по макушке и сел. — Бр-р, холодно.

Он надел старый растянутый кардиган, тапочки и зашаркал на кухню. Сегодня, свой выходной день, он собирался провести дома. Но ему приснилась Ярослава. Она снова лежала рядом с Бирро и билась в конвульсиях.

«Хорошо, что все закончилось. Страшно, если она каждый раз испытывает такие мучения».

Ярослава понравилась ему сразу, как только вошла в больницу. Правильные черты лица, умный пронизательный взгляд, длинные роскошные волосы. Обычно такие девушки проходили мимо, лишь вскользь взглянув на него. Дмитрий Сергеевич понимал, что он непривлекательный: толстый, вздернутый широкий нос, большие уши. А также неуверенный и нерешительный. Но мечтал он именно о таких, как Ярослава.

Позавтракав и накормив Рекса, он дождался восьми часов и вышел из дома. В машине было очень холодно, окна покрывал толстый слой инея. Включив печку на полную мощность, он вышел из машины и принялся сметать мелкие легкие снежинки, которые выпали ночью. Солнце еще пряталось за домами, но уже осветило голубое безоблачное небо.

Он взобрался в машину, в которой стало ненамного теплее.

«Жаль, что руль без подогрева», — подумал Дмитрий Сергеевич, выезжая с двора. В скользких шерстяных варежках было неудобно, но он даже не думал их снимать. Он вырулил в сторону дома Ярославы, шурясь от блестящего снега в лучах восходящего солнца.

Как только он вышел из машины и подошел к подъезду, понял, что не знает номер квартиры Ярославы. Но тут дверь пикнула, и вышла девочка с большим рюкзаком. Она подозрительно посмотрела на незнакомого мужчину, слоняющегося у двери, и строго спросила:

— Вы к кому?

— К Ярославе, — встрепенулся он. — Не знаю номер ее квартиры, чтобы позвонить.

Девочка распахнула дверь сильнее и ответила:

— Она живет на втором этаже. Дверь справа.

— Спасибо, — улыбнулся он и несмело зашел в подъезд. Дверь за ним плавно закрылась. Он поднялся на второй этаж и удивился мужчине, который спал, привалившись к стене возле обогревателя.

Дмитрий Сергеевич с волнением подошел к двери и постучал.

«Я пришел, чтобы убедиться, что с вами все хорошо, — повторил про себя и постучал еще раз. — Может, она еще спит?»

— Эй, ты кто? — послышался сзади грубый голос. Он повернулся и невольно съежился при виде великана, возвышающегося над ним. Это был тот самый мужчина, который спал на ступеньках. — Ты глухой, что ли?

— Н-нет, — мотнул он головой. — Я пришел навестить знакомую. А что?

— Кого? — он прищурился и подошел вплотную.

— Ярославу, — Дмитрий Сергеевич старался говорить спокойно, но голос невольно

дрогнул. — Вы ее знаете?

— Знаю. А вот ты откуда ее знаешь? — в его голосе послышалась угроза, и Дмитрий Сергеевич отступил, прижавшись спиной к двери.

— Я врач. Привез ее вчера из больницы. Она плохо себя чувствовала. Решил проверить.

На лице мужчины появилось беспокойство. Дмитрий Сергеевич напрягся, когда тот наклонился над ним, и даже зажмурил глаза. Но тут послышался громкий стук. Мужчина с силой стучал по двери.

— Ярослава, детка, открой! К тебе врач пришел. Милая, открой дверь!

На стук открылась соседняя дверь и выскочила взъерошенная женщина в халате.

— Илья, опять ты стучишь! — напустилась она на мужчину. — Как ты нас всех достал!

Еще раз стукнешь и вызову полицию.

Она развернулась и увидела жвачку, приклеенную на глазок.

— Это еще что такое?

Женщина брезгливо отодрала жвачку от глазка и недоуменно посмотрела на двух притихших мужчин. Затем бросилась к двери и принялась стучать.

— Ярослава, это Надя! Открой! Ярослава!

— Ты чего? — спросил Илья.

— Не нравится мне это, — призналась она и продолжила стучать. Затем нажала на ручку, и дверь открылась. Женщина медленно вошла в квартиру и позвала:

— Ярослава. Ты дома? Ой!

Илья отшвырнул застывшего на пороге Дмитрия Сергеевича и побежал в комнату, к Наде. Кровать была пуста. Дверь шкафа открыта и на полу разбросаны вещи.

— Не нравится мне это, — повторила она и испугано посмотрела на него. — Полицию надо вызывать.

— Нет, не надо, — отозвался Илья и набрал номер Ярославы. Телефон завибрировал на тумбочке у кровати.

— Лучше сходить в отделение и написать заявление о пропаже. А то нас могут привлечь за незаконное проникновение. Это я точно знаю.

Надя горько усмехнулась:

— Тебя не за незаконное проникновение судили, а за то, что деньги с собой унес.

— Ну, и это тоже, — согласился он. — Короче, я в отделение.

Он развернулся и столкнулся с Дмитрием Сергеевичем.

— Пойдешь со мной. Как свидетель.

Они вышли на улицу.

— Я на машине. Может, лучше поедем?

— Конечно, лучше.

Они взобрались в машину.

— Я не знаю, куда ехать, — признался Дмитрий Сергеевич.

— Поехали. Покажу.

Через десять минут они забежали в отделение полиции. Тучный дежурный жевал бутерброд и попивал из белой кружки.

— Нам надо заявление подать! — крикнул Илья в окошко.

— Что случилось? — равнодушно спросил он.

— Человек пропал.

— Давно?

Дмитрий Сергеевич тронул Илью за руку и прошептал:

— Я ее вчера домой привез около девяти.

Илья задумчиво сморщил брови и нерешительно сказал дежурному:

— Вчера в девять вечера была дома. Сегодня ее дома нет.

Дежурный засунул в рот остаток бутерброда, неторопливо дожевал и ответил:

— Может, по делам ушла. Когда обнаружили пропажу?

— Вот только что! — не сдержался Илья. — Дверь квартиры открыта, а ее нет. Телефон лежит на тумбочке. Вещи разбросаны.

— Может, торопилась. Как зовут?

— Орлова Ярослава Михайловна. Родилась в девяносто шестом году. Десятого апреля, — выпалил Илья и с надеждой уставился на дежурного. Но тот ничего не записал и со скучающим видом уставился на часы.

— Понял. Если до завтра не объявится — приходите. Приму заявление.

— Почему завтра?! Сегодня принимай! — взорвался Илья и ударил по небьющемуся стеклу.

— Слышь, ты за решетку захотел? — дежурный поднялся с места, но Илья, схватив Дмитрия Сергеевича за руку, потянул его к выходу.

Они вышли на улицу, и Илья со злостью пнул сугроб.

— Так и знал! Толку от них никакого.

Дмитрий Сергеевич задумчиво тер небритый подбородок. Илья вытащил сигарету и закурил.

— Думаю, родителям надо позвонить, — предложил Дмитрий Сергеевич.

— Не знаю, — Илья сплюнул и вновь глубоко затянулся.

— Что же произошло? Кому она понадобилась?

Илья встрепенулся и выронил сигарету изо рта.

— Что ты сказал? — ошеломленно произнес он.

— Кому она понадобилась, — повторил Дмитрий Сергеевич.

— Я знаю кому, — шепотом сказал Илья, снова схватил его за руку и потянул к машине. — Поехали.

Семен хотел придержать Ярославу за руку, но та грубо отпихнула его.

— Не надо. Сама пойду.

Она вышла из кабинета и увидела в конце коридора железную дверь, над которой висела вывеска «Выход».

«Надо бежать. Как бы их отвлечь?»

— Нам сюда, — показал Семен на соседний кабинет. Через стеклянную стену на них смотрел профессор и счастливо махал рукой, сидя в высоком мягком кресле.

— Вам так будет удобнее. Неизвестно сколько часов придется неподвижно сидеть, — он вскочил с кресла и указал Ярославе. — Садитесь.

— Зачем? — осторожно спросила она и уставилась на прибор, от которого тянулись провода к шлему на манекене головы.

— «Купол» считает и запишет ритмы вашего головного мозга. Чем сильнее и умнее мозг, тем дольше длится процедура.

Ярослава начала судорожно придумывать повод остаться одной.

— Мне все еще плохо, — она сделала вид, будто ее тошнит. — Могу я посетить дамскую комнату?

— Конечно. Дверь напротив, — указал Павел Федорович и кивнул Семену. — Проводи и смотри, чтобы не упала и не ударились головой.

Очутившись в коридоре, она снова с надеждой посмотрела на выход.

— Пока я в туалете, не могли бы вы принести воды? Пить очень хочется.

— В лаборатории есть кулер, — ответил он и указал пальцем на серебристый прибор в углу комнаты.

— А чай? Меня всегда спасает горячий сладкий чай.

Семен кивнул.

— И чай у нас есть. Вот провожу вас обратно к Павлу Федоровичу и налью. Есть с лимонной цедрой и бергамотом. Есть зеленый, если хотите. И кофе есть.

— А молоко? — с надеждой спросила она. — Молоко у вас есть?

— Молока нет, — покачал он головой. — Но если хотите, то я попрошу секретаря Лиду, и она принесет.

Ярослава поняла, что не сможет от него избавиться. Она зашла в туалет, закрыла дверь на замок и огляделась. Справа стояли унитаз и биде, слева душевая кабинка, стиральная машина и раковина.

«Окон нигде нет. Это подвал?»

Она задрала голову вверх и увидела воздуховод, закрытый решеткой.

«Надо попробовать.»

Ярослава подошла к стиральной машине, выдернула шнур из розетки и вытащила сливной шланг. Затем, собрав все силы и стараясь не шуметь, подтащила машину под воздуховод.

«Лишь бы сработало»

Отдышавшись, взобралась на стиральную машину и дернула решетку, но та не поддавалась. Ярослава схватилась за нее двумя руками и потянула, но решетка даже не

сдвинулась.

Она выругалась, слезла со стиральной машины и оттащила ее обратно к стене. Затем заглянула в душевую кабинку, в надежде, что окно может быть там, но, раздосадованная, захлопнула дверь обратно. Путь к спасению оставался один — железная дверь со светящейся надписью «Выход».

— С вами все в порядке? — услышала она обеспокоенный голос Семена, как только открыла дверь.

— Да, а что?

— Просто звуки какие-то непонятные.

— Вы что, под дверью подслушивали? — изобразила она негодование.

Семен испуганно замотал головой и извиняющимся тоном ответил:

— Нет-нет-нет. Я стоял здесь и ждал вас. Хотя, может, это с улицы звуки.

Она окинула его презрительным взглядом и зашла в лабораторию.

— А где мой чай?

— Сейчас принесу, — ответил Семен и скрылся из виду.

Павел Федорович пригласительным жестом показал на кресло и улыбнулся.

— Не надо так бояться. Это совсем не больно. Если хотите, я включу вам какой-нибудь фильм или музыку.

Он показал на большой телевизор, висящий на стене напротив кресла.

— Нет, не хочу. Лучше расскажите, как будет проходить эта экзекуция.

Профессор фальшиво рассмеялся, снял с манекена колпак и надел на себя.

— Вот видите, ничего страшного. Вы ничего чувствовать не будете. Только «Купол» будет немного шуметь. Правда, один из наших исследуемых говорил, что чувствует, будто кто-то шебуршит в волосах. Но это ведь совсем не больно, правда?

Ярослава пожала плечами.

— Я боюсь не вашего «Купола», а того, что вы лишите людей возможности жить дальше.

— Мне непонятен ваш альтруизм, — возмутился он. — Он какой-то искусственный. С одной стороны, вы хотите помогать людям, но в то же время, не хотите ни с кем делиться вашим даром.

— Что значит «делиться даром»? — встревожилась она.

— То и значит. «Купол» может научить мозг других людей погружаться в кому. Вы только представьте, как будет здорово, если в каждой больнице будет такой человек как вы. Сколько жизней можно спасти!

— То есть, вы отнимете у меня и раздадите другим? — уточнила она.

— Да, — кивнул профессор.

— А как это будет происходить? Вы дадите объявление, и все желающие смогут научиться?

— Ну, — замялся он. — Одного желания будет мало.

— Вы будете продавать мой дар, — догадалась она.

Дмитрий Сергеевич и Илья подъехали к зданию сталелитейного завода, в котором располагалось НИИ.

— Получается, ты рассказал что-то о Ярославе, и этот ученый ее украл, так? — с негодованием воскликнул Дмитрий Сергеевич.

— Да, — понурился, ответил Илья. — Злой был. Не подумал.

— Вижу, что думать — не твоя сильная сторона, — съязвил он.

— Слышь, ты давай не перебарщивай.

— Ладно, прости... Но каким же надо быть идиотом, чтобы так подставить девушку! — вновь вспыхнул он, но увидев суровый взгляд Ильи, поник. — Прости.

Они вышли из машины и направились к двери отдела НИИ, которым руководил Павел Федорович. На входе их встретила Лида.

— Вы к кому? — испуганно спросила она.

— К ученому, — буркнул Илья. — Где он?

— Его сейчас нет и, наверное, не будет. К тому же, о встрече надо договариваться заранее. Павел Федорович очень занятой человек.

— Ну так позвоните и скажите, что у него гости, — Илья вальяжно развалился на диване и взял со столика журнал. — И пусть не задерживается. А то мы тоже будем очень заняты, когда пойдем в полицию.

— В полицию? — испуганно прошептала она и схватила телефон.

Дмитрий Сергеевич ободрительно улыбнулся и подмигнул Илье.

— Алло, Павел Федорович, к вам пришли.

Она выслушала профессора и обратилась к Илье:

— Как вас зовут?

— Илья, — отозвался он. — Приходил по поводу Ярославы.

— Илья, по поводу Ярославы, — повторила она в трубку, выслушала ответ и снова обратилась к Илье:

— Павел Федорович занят. Что вы хотели?

— Передайте своему Павлу Федоровичу, что Ярослава пропала. И мы, — он показал на Дмитрия Сергеевича. — Хотим пойти в полицию и все рассказать.

Секретарь кивнула и жалобно проговорила в трубку:

— Они хотят пойти в полицию... Хорошо, — она выключила телефон и повернулась к мужчинам. — Он сейчас придет. Просил немного подождать.

Дмитрий Сергеевич опустил рядом с Ильей и посмотрел на часы. Десять утра.

Семен опустился на стул рядом с Иваном, который грыз семечки.

— Ну как там? — кивнул Иван в сторону лабораторий.

— Плохо, — он потер переносицу. — Вообще не хочу участвовать в этом мутном деле.

Я уже думаю перевестись в другой отдел, чтобы с Павлом Федоровичем не работать.

— Нет, тебе на полпути останавливаться нельзя.

— Почему это?

— Так ты же с самого начала с ним этот «Купол» разрабатывал и людей искал. Если уволишься, то он тебя опрокинет и не поделится. Я так думаю, покупателей будет хоть отбавляй.

Семен усмехнулся, встал и подошел к шкафу с чашками.

— Он со мной в любом случае не поделится.

— Ты думаешь, он такой гад?

— А ты сомневаешься? — Семен бросил в чашку пакетик чая и залил кипятком.

— Нет, не сомневаюсь. Гад он, конечно, но зарплату платит исправно.

Семен вновь опустился на стул и заговорщическим шепотом спросил:

— Тебе платит как раньше или урезал?

— Как раньше. А что?

— Мы уже три месяца только институтскую зарплату получаем. Он говорит, что Джон не высылает денег, поэтому премий нет.

— Так и есть, — кивнул Иван. — Вот поэтому он так торопится. Кстати, решили, что с девушкой будем делать?

Семен поставил чашку на поднос и пожал плечами.

— Лично я пойду домой, когда все закончится. Разбирайтесь сами.

Он взял поднос и пошел к выходу.

— Погоди, — Иван встал и подошел вплотную. — А она того стоит? Есть у нее способности?

— Ну-у, — протянул он и понизил голос. — Мы еще не подключали к «Куполу», но то, что она рассказала — это бомба!

Ярослава опустила в кресло и затравлено посмотрела на прибор, который профессор любовно гладил по корпусу.

— Это чудо мы изобрели пару лет назад и очень им гордимся. Аналогов «Купола» не существует. Моя мечта — путешествовать и собирать способности по всему миру, — Павел Федорович ласково улыбнулся и приобнял прибор.

Тут в дверях появился Семен.

— Где тебя носит? — напустился на него профессор. — Мне надо наверх сбегать. Посиди с ней.

Профессор бросил на Ярославу подозрительный взгляд и, прихрамывая, вышел из кабинета. Семен поставил поднос ей на колени, подошел к «Куполу» и нажал черную кнопку возле монитора. В приборе что-то щелкнуло, и он зажужжал.

— Что потом? — спросила она.

— Вы о чем?

— Что будет после того, как этот аппарат лишит меня способности помогать людям? — она говорила спокойно, стараясь не показать, как ей страшно. Ведь если они пошли на преступление и украли ее, то им ничего не стоит сделать так, чтобы она никому ничего не сказала.

— Мы скажем вам большое спасибо и отвезем домой, — ответил он и принялся настраивать что-то на мониторе.

Ярославе стало легче, но сомнения остались. Она засунула в рот кусок сахара и осторожно отпила горячий чай.

— Не помню вашего имени. Вы представлялись?

— Семен, — он протянул руку для рукопожатия, но Ярослава проигнорировала.

— Семен, я тут подумала. Если мой дар пропадет, может, ваш «Купол» обратно мне его вернет?

Он задумчиво покачал головой и с улыбкой ответил:

— Вполне возможно. Правда, при переносе сила утратится. Так происходило каждый раз. На данном этапе мы обучаем только мозг Павла Федоровича. Так вот он получает только часть той способности, которой обладал человек. Например, была у нас девяностолетняя старуха, которая помнила каждую секунду своей жизни. Но Павел Федорович запоминает не так хорошо, — он с упоением начал объяснять. — Мы проводили такой эксперимент: профессор посмотрел фильм и через три дня попытался как можно подробнее его описать. Выяснилось, что зрительная память у него лучше. Он все описал до мельчайших подробностей, но почти не запомнил слова. То же самое с другими способностями.

Ярослава подумала, что, если бы пять лет назад ей предложили избавиться от дара, она бы с радостью согласилась. Но теперь все изменилось. Она чувствовала ответственность перед людьми, которым могла понадобиться ее помощь. К тому же, ей стало нравиться «ходить» по снам. Не говоря уже о том, сколько удовольствия она получала при виде пациента, пробудившегося из комы с ее помощью.

— Отпустите меня, — попросила она и подняла на него глаза. — Пожалуйста.

Семен тяжело вздохнул, вытер нос и шепотом ответил:

— Не могу. Простите меня, но я не могу вам помочь.

— Не надо мне помогать. Просто не мешайте. Отвернитесь или выйдите отсюда, и я сама уйду. Надо торопиться, пока его нет.

— Вы не сможете уйти. Даже если я вам дам такую возможность.

«Ну это мы еще посмотрим»

Ярослава поставила поднос на стол, вскочила и побежала к железной двери.

— Вы не сможете выйти, — крикнул он ей вслед.

Илья вновь с нетерпением смотрел на секундную стрелку в круглых часах, висящих на стене. Вчера, от бессилия и обиды, он поведал этому сомнительному профессору свои предположения по поводу Ярославы. Зато сегодня он был готов разорвать его на части только от мысли, что тот причастен к ее исчезновению.

— Что она делала в больнице? — спросил он задумавшегося Дмитрия Сергеевича.

— Спасала человека.

Илья сел поудобнее и повернулся к нему.

— Как?

— Не могу сказать. Договор о неразглашении подписал.

— Ага, — прыснул он. — И какой штраф? Три тысячи? Давай я тебе денег дам, и ты мне все расскажешь, а? Только сейчас денег нет. Зарплаты еще не было.

— Может, для начала познакомимся? Я — Дима.

— Илья.

Они пожали друг другу руки. Дмитрий Сергеевич посмотрел на секретаря, чтобы удостовериться, что она не подслушивает, и тихо сказал:

— Илья, у тебя пять миллионов есть?

— Сколько-сколько?

— Штраф по договору — пять миллионов. У меня нет таких денег, поэтому я ничего не скажу. Если Ярослава захочет — то сама все расскажет. Кстати, ты ей кто?

Илья вновь развалился на диване и, уставившись на часы, с раздражением ответил:

— Уже никто.

Тут дверь открылась и ввалился профессор в шубе, накинутой на плечи. Мужчины вскочили и направились к нему.

— А, помню-помню. С чем пожаловали? — профессор скинул шубу секретарю на стол и кивнул в сторону кабинета. — Пройдемте.

Илья выступил вперед и грозно рявкнул:

— Ярослава где?

Профессор недоуменно уставился на него:

— Не понимаю, о чем вы?

— Это ты ее украл?

Илья схватил его за лацкан пиджака и притянул к себе. Лида испуганно взвизгнула.

— Где она?

Оробевший Павел Федорович переводил взгляд с Ильи на Дмитрия Сергеевича и обратно.

— Я ничего не знаю. Я никого не крал.

Он попытался высвободиться, но Илья держал крепко.

— Кроме тебя, старый козел, больше никому. Говори! Иначе разнесу тебе тут все.

В подтверждение своих слов он схватил его шубу, бросил себе под ноги и принялся топтать. Секретарь Лида вновь взвизгнула и потянулась к телефону.

— Не надо усугублять положение вашего руководителя, — сказал Дмитрий Сергеевич. — Иначе полиция узнает о похищении девушки.

Лида вновь прижалась к стене и тихо всхлипнула.

— Я никого не крал! — взвизгнул профессор.

— Тогда где она?

— Я-то откуда знаю? Я не уголовник какой-нибудь.

Илья напряженно всматривался в его лицо, пытаясь определить, врет тот или нет.

— А ты? — обратился он к Лиде. — Ты знаешь, где она?

Лида мельком взглянула на профессора, замотала головой и плаксивым голосом ответила:

— Нет, я ничего не знаю. Здесь после вас никого не было.

Дмитрий Сергеевич подошел и зашептал Илье:

— Пойдем отсюда. Даже если это сделал он — все равно не признается.

— Это не я, — поддакнул профессор. — Честное слово!

— Да, пойдем сразу в полицию. Пусть они разбираются.

Илья отпустил профессора и направился к двери. Затем, чуть не столкнувшись с Дмитрием Сергеевичем, развернулся и сгреб на пол все, что было на столе секретаря. Монитор ударился углом об кафельный пол и развалился, хрустальная ваза с сухоцветами разлетелась на куски, телефон отлетел под диван, канцелярские предметы в беспорядке рассыпались по полу.

— Чтобы было чем заняться, пока полицию ждете, — сказал он с ухмылкой и выскочил на улицу.

Они быстро зашагали в сторону машины. Распаленный Илья то и дело оглядывался назад и ругался:

— Старый вонючий козел... Козлина облезлая... Я тебе покажу.

Дмитрий Сергеевич схватил его за руку и тихо сказал:

— Надо за ним проследить. Ты видел, как он пришел?

— Нет, не обратил внимания. Как?

— Он без шапки и шуба была просто накинута. А машины здесь, кроме нашей и вон того микроавтобуса, который тут уже стоял, нет.

Илья пожал плечами.

— Может, на такси приехал. Или водителя своего отправил по делам.

— Не знаю. Но, в полицию сейчас идти не вариант.

Илья согласился, и они сели в машину. Дмитрий Сергеевич отъехал за кирпичное здание электростанции и остановился. Впереди между сугробами хорошо просматривался вход в НИИ.

Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась, и вышел Павел Федорович. Он огляделся и быстро зашагал направо. Мужчины выскочили из машины и, прячась за сугробами, пустились следом. Илья осторожно выпрямился и увидел, как профессор еще раз огляделся и начал куда-то спускаться.

— Надо идти, — сказал Илья, когда тот исчез из виду.

Они медленно двинулись к серому зданию завода. На том месте, где пропал профессор, была лестница в десять ступенек. Внизу массивная железная дверь. Илья спустился и дернул за ручку.

— Закрыто.

— А это что? Датчик? — Дмитрий Сергеевич встал рядом с ним и показал на пластиковый ящик с прозрачной крышкой.

— Не знаю, — Илья открыл крышку, и внутри загорелся синий диск. Недолго думая, он

нажал в центр диска. Оба затаили дыхание, но ничего не произошло.

— Может, это сигнализация? — Илья еще несколько раз нажал и подергал дверь. — Или звонок.

Тем временем, Дмитрий Сергеевич наклонился к замочной скважине и заглянул внутрь.

— Ну, что там? — шепотом спросил Илья.

— Ничего не видно. Похоже, с той стороны закрыто.

Илья с силой забарабанил по двери.

— Пожар! Пожар! — закричал Дмитрий Сергеевич в дверную щель и тоже принялся стучать.

Тут дверь щелкнула и распахнулась. Перед ними стоял крупный мужчина с густой черной бородой.

— Где пожар? — встревоженно спросил он.

Дмитрий Сергеевич принялся что-то объяснять, а Илья заглянул ему за плечо и увидел ошарашенного профессора, который хватал воздух ртом, силясь что-то сказать.

— Закрой дверь! — наконец взвизгнул он. Иван недоуменно обернулся, пытаясь понять, что происходит. Но тут в коридоре появилась Ярослава и закричала:

— Илья, я здесь! Илья!

Иван отпихнул Илью и захлопнул дверь.

— Отпустите меня, отпустите! Илья, помоги! Илья! — Ярослава кричала и пыталась вырваться из крепких объятий Семена. Тут подбежал профессор, схватил ее за руку и наотмашь ударил ладонью по лицу. Ярослава охнула от боли и почувствовала, как щека сначала онемела, а потом начала гореть.

— Отпустите меня, — попросила она и заревела от бессилия и боли.

— Успокойтесь. Я вам сейчас чаю принесу, — извиняющимся тоном сказал Семен и подвел ее к креслу. Но она резко толкнула его и побежала мимо профессора к выходу. Спасительная дверь оказалась заперта.

— Илья, — она билась об дверь, дергала за ручку, но все было напрасно. — Выпустите меня, сволочи!

Резкая боль пронзила ногу. Она повернула голову и увидела рядом с собой того самого мужчину с бородой. В руках у него был пистолет.

— Помогите! Илья! — из последних сил крикнула она и почувствовала, как слабеют ноги. Мужчина с бородой подхватил ее на руки и понес обратно. Ярослава попыталась ударить, но пальцы с трудом сжались в кулак, и удар получился слабым. Она поняла, что больше не может сопротивляться, и погрузилась в темноту.

— Кто тебя просил усыплять ее? — напустился Павел Федорович на Ивана. — Теперь опять ждать, когда проснется.

Иван что-то виновато пробурчал и ушел обратно в комнату отдыха. Семен склонился над лежащей на кушетке Ярославой и прислушался к ее дыханию.

— Жива.

— Конечно, жива, — раздраженно откликнулся профессор. — Что с ней будет? Это же снотворное.

Семен не стал спорить и доказывать, что если переборщить со снотворным, то можно и умереть. К тому же они не знали, что за жидкость в шприцах и есть ли у нее противопоказания и побочные действия.

— Пойдем за «Куполом». Попробуем так подключить. Может, что-нибудь получится.

Они с трудом перенесли тяжелый прибор в лабораторию, где на кушетке спала Ярослава.

Семен приподнял голову девушки, Павел Федорович надел ей на голову колпак с датчиками.

— Та-ак, попробуем, — профессор включил «Купол» и уставился на монитор. Прибор зажужжал, и появилась колеблющаяся диаграмма. Однако пики диаграммы не доходили даже до середины шкалы, отмечающей силу ритмов мозга.

— Черт, — выругался профессор. — Придется ждать.

— А если они полицию приведут? — робко спросил Семен и кивнул в сторону двери.

— И что? Им никто не поверит — у меня безупречная репутация. К тому же без решения суда никто не может сюда войти. Я выкупил эти помещения у завода, поэтому собственник — я, а не НИИ.

Он подтащил стул к «Куполу» и уставился на монитор.

— Эх, Ванюша, натворил делов. В прошлый раз сколько часов она спала?

— Пять или шесть, — пожал плечами Семен. — Кстати, вы решили, что будем с девушкой делать потом?

Павел Федорович не ответил. Он немигающим взглядом смотрел на монитор, на его губах играла мечтательная улыбка.

Илья бился об железную дверь плечом. Затем наскочил с разбегу. Дмитрий Сергеевич пробовал пинать, но все попытки были тщетными.

— Она там. Ты видел? Она там. Ярослава!

— Видел, — ответил запыхавшийся Дмитрий Сергеевич. — И мне все это не нравится.

Он нагнулся, оперся о колени и тяжело дышал. Сердце колотилось и по спине бежали струйки пота.

— Нет, мы не сможем открыть. Надо кого-нибудь вызывать.

— Кого? Слесаря? — горько усмехнулся Илья.

— Может, еще раз в отделение съездим? Расскажем все.

Илья замотал головой и опустил на корточки.

— Нет, бесполезно. Надо по-другому действовать.

— Как?

— Поехали. Отвезешь меня к отцу.

Они поднялись по лестнице и побежали к машине. Дмитрий Сергеевич выехал с территории завода и помчался по трассе, ведущей в город.

— Адрес у тебя какой?

— Горького, пятнадцать.

— Хм, — задумался он и признался. — Не знаю, где это.

— Езжай, я покажу.

Через десять минут они остановились возле дома Ильи.

— Жди, я недолго. Надеюсь, он поможет.

— У тебя отец — слесарь?

— Нет. Подполковник.

Илья вышел из машины и забежал в подъезд. Он не хотел снова обращаться к отцу за помощью, но другого выхода не видел.

— Ильюша, ты опять дома не ночевал, — с упреком сказала мама, едва он зашел в квартиру. — Ты хотя бы предупреди, а то всю ночь не могла уснуть — тебя ждала.

— Хорошо, обещаю, — торопливо ответил он. — Отец дома?

— Дома, спит. Ты опять что-то натворил? — ужаснулась она и прижала прихватку ко рту.

— Все хорошо. Не волнуйся.

Он разулся и бросился в родительскую спальню. Отец спал, укрывшись вязаным пледом, и громко храпел.

— Папа, — позвал Илья и затормозил его за плечо. — Пап, вставай.

Храп прекратился, и отец приоткрыл глаза. Затем вытянулся и с кряхтением сел.

— Ну? — пробурчал он недовольно. — Чего тебе?

— Пап, мне помощь твоя нужна, — Илья понизил голос и оглянулся на дверь. — Человека похитили.

— Ты что, пьяный? — отец громко зевнул и повалился на кровать.

— Ярославу украли. Я знаю, где она, но попасть туда не могу.

Отец снова сел, потер глаза и велел:

— Доложи, как полагается. Без соплей.

Илья рассказал про вчерашний разговор с профессором, пустую квартиру и Ярославу в подвале НИИ. Отец внимательно выслушал и потянулся к телефону:

— Надеюсь, это не пьяный бред.

— Нет, я же трезвый!

Он ничего не ответил и, сощурившись, начал просматривать контакты в телефоне.

— Здравствуй, Филя. Узнал? Да, я. Как жизнь молодая?

Илья сел на кровать рядом с отцом и прислушивался к разговору.

— И у меня также. Только вот охламон мой опять отличился, — он искоса посмотрел на сына. — Нет, водительских прав его уже лишили. Здесь дело посерьезнее.

Отец кратко изложил суть о похищении Ярославы.

— Пусть подъедут ко мне. Илья их встретит... Ждем.

Он положил телефон на тумбочку и повернулся к Илье:

— Не дай Бог, ты соврал или это твои пьяные бредни.

— Нет, пап, это не бредни, — Илья впервые за последние годы поднял голову и внимательно посмотрел на отца. Его густые брови и волосы сильно поседели, глубокие морщины исполосовали лоб, уставшие с красными прожилками глаза помутнели. Сильный здоровый отец, которого он так боялся, превращался в старика. Илье вдруг захотелось обнять его, как в детстве. Но он не смог этого сделать и, вскочив на ноги, буркнул:

— Спасибо, пап.

Уже в прихожей он услышал, как тот тихо ответил:

— Удачи, сынок.

Илья выскочил на улицу и увидел Дмитрия Сергеевича, в нетерпении прохаживающегося вокруг машины.

— Скоро будут, — ответил Илья на его вопросительный взгляд.

— Кто? Полиция?

— Нет. Эти ребята покруче будут.

Через двадцать минут во двор заехала черная машина с затемненными окнами, массивным металлическим бампером и проблесковыми маячками.

— Ого, — восхищенно произнес Дмитрий Сергеевич и тихо спросил. — Кто такие?

— Спецназ, — ответил Илья и двинулся навстречу машине. С пассажирской стороны выскочил мужчина в черной амуниции и приветливо улыбнулся ему.

— Здорово! — они пожали друг другу руки. — Что случилось?

— Девушку украли. Надо выгнать.

— Кто и где?

— Ученый какой-то, не помню фамилии. В промзоне обитают. В здании завода.

— Сколько их?

— Я видел троих, — отчеканил Илья.

Мужчина кивнул.

— Куда ехать?

— Давай за нами, — он развернулся и побежал к Дмитрию Сергеевичу. — Садимся. Надо дорогу показать.

Старенький седан со ржавыми бортами и тонированный джип помчались в сторону сталелитейного завода.

Тьма.

Ярослава в беспокойстве металась, пыталась проснуться, но безуспешно. Опять «бородач» отправил ее в неестественный тяжелый сон.

«Он выстрелил мне в ногу. Снова. Я беззащитна. Что они со мной делают?»

Она хотела перешагнуть в чужой сон, но, как и прежде, поблизости никто не спал.

«Илья! Там был Илья. Он нашел меня, — вспомнила она и с облегчением выдохнула. — Надеюсь, он поможет».

Мысли перекинулись на профессора.

«Страшный человек. В нем нет ни жалости, ни сочувствия. Что он сделает со мной, когда заберет то, что ему нужно? Убьет? Нет, не хочу даже думать об этом».

Ярослава подпрыгнула и устремила вниз. Затем развернулась и полетела ввысь. Она жалела, что не видит ничего, только черноту.

«Было бы здорово оказаться сейчас на аттракционах или в горах. Или на водопаде. Интересно, остальные также могут управлять собой во сне? Надо будет спросить у кого-нибудь».

Она закружилась, как балерина, на носке и присела в реверансе.

«Константин... Костя. Ему будет тяжело простить себя за мальчика-скрипача. Это никак не исправить. Никак».

Она побежала, раскинув руки и вдруг остановилась, как вкопанная. Будто наяву прозвучал голос Семена:

— К тому же избавитесь от нее.

— От кого?

— От ненужной вам способности.

«А вдруг я начну видеть свои сны? Что ж, это совсем неплохо. Перестану «погружаться» в кому, заживу обычной жизнью, выйду замуж».

Мысли о замужестве привели ее к Илье.

«Как он меня нашел? Как?»

Она подпрыгнула и сделала тройное сальто. Затем еще и еще.

«А если, это он устроил? — ужаснулась она и остановилась. — Увидел профессора по телевизору, позвонил и рассказал обо мне».

Ярослава легла на спину и поплыла по невидимой реке.

«Не-ет. Это не он. Он ничего не знает, — с облегчением выдохнула она и представила, что плывет по тихой реке, с берега доносится треск цикад, а на небе перемигиваются звезды. — Он меня еще любит... И я его».

— Пойду наверх. Юристу позвоню, — сказал Павел Федорович и хлопнул Семена по плечу.

— Зачем? Спросить, какой срок нам светит? — усмехнулся он и вновь посмотрел на спящую Ярославу.

— Пусть составит бумажку, в которой пропишет, что она здесь добровольно. Проснется — подсунем на подпись.

Семен равнодушно пожал плечами и махнул рукой. Профессор накинул шубу и пошел к выходу.

— Павел Федорович, не надо выходить. Вдруг они еще там. Караулят, — остановил его Иван.

— Нет там никого. Я чувствую.

— Я вас все равно провожу, — пробурчал он и направился следом за хромящим профессором.

Полуденное солнце ослепило их. Иван прикрыл глаза рукой и осмотрелся.

— Никого.

— Я же говорил, — раздраженно откликнулся Павел Федорович и засеменял в сторону НИИ. — К тому же Лиду надо успокоить.

Они зашли и увидели рыдающую на диване Лиду.

— Ты чего реवेशь? — профессор подошел, присел рядом и погладил ее по голове.

Лида всхлипнула и показала на разбитый монитор.

— Ерунда, — махнул рукой Павел Федорович. — Куплю тебе новый. Вот только деньги получу и сразу же куплю. Самый современный и большой. Чтобы все пасьянсы раскладывались.

Она улыбнулась и замотала головой.

— От размера экрана не зависит. Только от везения.

— Ну да, — согласился он. — Без везения никуда... Юристу нашему позвони. Пусть подъедет.

Лида вытерла слезы и развела руками.

— Как я ему позвоню, если мы договор с юридической фирмой не продлили? У нас больше нет юриста.

— Как не продлили? Почему?

— Потому что денег нет, — сухо ответила Лида. — Вы мне тоже уже второй месяц премию не заплатили. Но я-то подожду, а они ждать не будут.

Профессор зло выругался и принялся задумчиво трясти ногой.

— Сами составим, — решил он, вскочил и поплелся в кабинет. — Кстати, принеси поесть. Проголодался я.

Дмитрий Сергеевич остановился за электростанцией. Джип припарковался рядом, и из него вышли двое мужчин: водитель и пассажир. Они натянули балаклавы, и пассажир достал рюкзак с заднего сиденья.

— Там, — махнул рукой Илья. — Я покажу.

Мужчины на чуть согнутых ногах бесшумно побежали за Ильей. Тот спустился по лестнице и дернул за ручку. Дверь была заперта.

— Погодите, — сказал мужчина, сидевший за рулем. — Здесь биометрический замок. Он открывает по отпечатку пальца.

— И что делать? Искать нужный палец? — встревожился Илья. — Может, секретаршу сюда привести?

Мужчина ухмыльнулся, снял рюкзак и принялся в нем рыться. Второй поднялся на несколько ступенек и осмотрелся.

— Нашел, — он достал из рюкзака резиновую трубку, свернул ее в круг и велел. — Уйдите все отсюда.

Илья схватил Дмитрия Сергеевича за рукав и потянул вверх по лестнице. Они поднялись, свернули направо и прижались к стене. Вскоре раздался громкий хлопок и повалил дым.

— Бежим! — крикнул Илья и ринулся к подвалу. На двери возле замка зияла дыра. Мужчины вытащили оружие, резко открыли дверь и забежали в задымленное помещение. Илья, не разбирая дороги, последовал за ними.

— Ярослава, ты где? Ярослава!

Он забежал в первую дверь и огляделся: слева стояли два дивана, справа кухонный гарнитур, стол и стулья.

— Она здесь, — услышал он голос «пассажира» и выбежал в коридор. Испуганный мужчина стоял с высоко поднятыми руками и оправдывался:

— Это не я. Честное слово. Я ей ничего не делал.

От этих слов у Ильи перехватило дыхание. Он на ватных ногах подбежал к ним и посмотрел сквозь стеклянную стену. Ярослава лежала на кушетке с закрытыми глазами, у нее на голове был колпак, от которого тянулись провода к жужжащему прибору.

— Ярослава! — он забежал в лабораторию и сорвал с ее головы колпак. — Милая, открой глазки. Ярослава, ты меня слышишь?

Он легонько потряс ее и прижался ухом к сердцу. Тут в дверях появился Дмитрий Сергеевич и схватил ее за запястье.

— Жива! Не волнуйся, она жива, — сказал он Илье и похлопал по плечу. — Накачали чем-то. Надо в больницу везти.

Илья кивнул и поднял ее на руки.

— Возьми это, — указал он Дмитрию Сергеевичу на прибор, к которому была подключена Ярослава. — Не знаю, что это такое, но оставлять нельзя.

— Ух ты, такой тяжелый, — Дмитрий Сергеевич чуть приподнял и снова опустил прибор на стол. — Я не смогу унести его.

Илья вспомнил про мужчину с поднятыми руками и подозвал его.

— Эй, ты! Что это за хреновина?

— Это «Купол». Уникальный прибор, который разработали и собрали в нашем НИИ, — ответил он и жалобно попросил. — Не трогайте его, пожалуйста.

— Что вы сделали с Ярославой?

— Ничего плохого мы не сделали, — испугано пролепетал он. — Это снотворное. Она скоро проснется.

— А шапка что на ее голове делала? — он кивнул в сторону колпака, висящего на проводах.

Мужчина затравлено обернулся на «пассажира», опустил затекшие руки и потряс ими.

— «Купол» записывает ритмы мозга. Мы просто изучали ее мозг.

— Зачем?

В разговор вмешался «пассажир»:

— Поехали. Нельзя задерживаться.

Илья кивнул и выбежал с Ярославой на руках в коридор. Дмитрий Сергеевич последовал за ним.

— Не нравится мне этот прибор.

— Я знаю, что делать, — Илья остановился возле «водителя», который караулил у открытой настежь двери. — Слушай, у тебя остались те взрывающиеся колбаски?

— Есть одна. А что? — удивился тот.

— Надо прибор один взорвать. Дима, покажи.

Дмитрий Сергеевич махнул рукой и побежал в сторону лаборатории. Илья прижал Ярославу к груди и принялся подниматься по лестнице.

Павел Федорович включил компьютер, прикатил кресло и медленно опустился в него. Иван подошел к окну и отдернул шторы. Клубы пыли заплясали на солнечном свету.

— Вы бы хоть раз в год пускали к себе уборщицу, — он брезгливо скривил рот при виде толстого слоя пыли на мебели и технике. Под ногами лежали скомканные бумажки и обертки от конфет, пол под письменным столом чернел от пепла сигар.

— Задерни обратно, если не нравится, — велел профессор и принялся набирать текст. — Я, Орлова Ярослава Михайловна, даю согласие на исследование функций и ритмов моего мозга. М-м-м, что еще? Плохо без юриста.

Он задумчиво стучал пальцем по столу, и вдруг где-то раздался хлопок.

— Что это? — встревожился он.

— Не знаю. Похоже, колесо у кого-то лопнуло, — пожал плечами Иван и сел на стул у двери. — Надо Семену тоже подсунуть какую-нибудь бумажку подписать. Сомневающийся он какой-то стал. Свинтить от вас хочет.

Профессор хмыкнул и переспросил:

— Семен? Свинтить? Не-ет, он просто так не откажется от «Купола». Столько сил в него вложил, ночи напролет сидел над проектом, за бесплатно готов был работать, лишь бы взяли его в команду. В нем я уверен. Просто Сема — трус. Мы чуток к закону прикоснулись, а он уже сухари сушит.

Иван пожал плечами и сложил руки на груди.

— Как скажете. Мое дело — предупредить.

— Не отвлекай меня, — профессор снова застучал по клавишам. — Претензий к процессу исследования и возможным последствиям не имею. Все. Хватит. Пошли обратно, что-то беспокойно мне.

Он распечатал лист и вышел из кабинета.

— Лидочка, мы вниз. Кстати, разрешаю тебе посидеть за моим компьютером.

Счастливая Лида кивнула и забежала в кабинет. Иван открыл входную дверь, пропуская профессора вперед.

— Кто это? — сощурился профессор от яркого света. Иван приложил руку ко лбу и пронзительно закричал:

— Стой! Он ее украл!

Иван сорвался с места и грузно побежал в сторону мужчины, который стоял возле лестницы с Ярославой на руках.

Павел Федорович охнул и побежал вслед за ним. Снег под ногами хрустел, без шубы мороз быстро пробрался внутрь, но тот ничего не замечал, кроме маячащей впереди фигуры Ивана. Вдруг по лестнице поднялся еще один, весь в черном, и на полусогнутых ногах побежал им навстречу. Иван замедлил бег и остановился.

— Ты чего? Лови их! — профессор пробежал мимо и понял, что случилось. Человек в черном приближался к ним с оружием в руках.

— Стоять! Руки за голову! — приказал он, выпустив облачко пара изо рта. Но Павел Федорович даже не думал останавливаться. Он с ужасом смотрел, как Ярославу уносят. Она удалялась вместе с надеждой на счастливое будущее.

— Не-ет! Отдайте мне ее, — коленка снова заболела, но он не обратил внимания и

продолжал бежать. — Она моя!

Тут его ноги встретились с каким-то препятствием, и он упал, сильно ударившись об землю. Первое мгновение не мог вздохнуть, но глаза неотступно следили за Ярославой, пока та не скрылась за сугробами.

Вдруг раздался еще один хлопок, и несколько человек пронеслись возле него.

— Живой? — спросил Иван и помог подняться на ноги. Профессор наконец вздохнул, но, увидев, как из распахнутой двери цокольного этажа валит дым пронзительно закричал:

— Пожар! Горим!

Иван отпустил его и уже сделал несколько шагов в сторону лабораторий, но тут из дыма выскочил кашляющий Семен и замахал рукой.

— Там только дым. Пожара нет.

Павел Федорович обернулся и понял, что они остались втроем.

— Сема, что случилось? — дрожащим голосом спросил он.

— Они забрали девушку и взорвали «Купол», — равнодушно ответил Семен, развернулся и зашагал прочь.

— Ты куда?

— Увольняюсь.

Павел Федорович подошел к лестнице и спустился. Дым почти рассеялся. Он оглядел дыру в двери и медленно двинулся по коридору. Сквозь стеклянные стены внимательно рассмотрел каждую комнату, пока не дошел до той, где лежала Ярослава. Самообладание покинуло его, и он с громким криком бросился к развороченному корпусу «Купола».

— Не-ет! — он прижался к расплавленному прибору с дырой посередине и заревел.

Иван похлопал его по плечу и сел рядом, на кушетку.

— Еще один соберете, — попытался утешить он, но профессор замотал головой.

— Не соберу. Денег нет. В него вложены миллионы долларов. Конец. Все кончено... Убей их! Убей этих сволочей!

Он встал на колени перед Иваном и молитвенно сложил руки.

— Отомсти за меня. Прощу.

— Вы что, с ума сошли? Успокойтесь.

— Ты не понимаешь, — он выдохнул и обреченно опустил голову. — Меня ждет нищая старость. Я не хочу так жить.

Иван снова похлопал его по плечу, встал и пошел к выходу.

— Ты куда?

— Домой, — ответил он и решительно зашагал по коридору.

Павел Федорович лег на пол, обхватил колени и закрыл глаза. Если бы можно было умереть по желанию, то он бы так и сделал. Оставалось еще чуть-чуть, и он бы уже летом отдыхал не на старой даче с кучей комаров, а в дорогом отеле на берегу океана. Мечта почти осуществилась. Почти.

«Ванюша, это ты ее усыпил второй раз. Это ты виноват!»

Он поднялся. На непослушных ногах добрался до комнаты отдыха, в углу которой находилась кухня. В выдвижном ящике, вместе с ложками и вилками, лежал нож с широким лезвием. Обычно его использовали для нарезки тортов и пицц.

«Ты виноват, Ванюша».

Он вышел на улицу. Солнце слепило глаза. Он прищурился и осмотрелся. Микроавтобус стоял на прежнем месте. Значит Иван еще не уехал.

«Он зашел к Лиде. К моей Лиде».

Павел Федорович остановился у двери НИИ, спрятал руку с ножом за спиной и зашел Лиды на месте не было. Приглушенный гул голосов доносился из кабинета. Он подошел на цыпочках и прислушался.

— Зачем они так с «Куполом»? Какие-то изверги, — причитала Лида и сморкалась в носовой платок.

— Ты пригляди за ним.

— Конечно-конечно, можете не волноваться. Бедный. Что же дальше будет?

Профессор медленно открыл дверь и, улыбаясь, ответил:

— Все будет хорошо, Лидочка. Теперь все будет хорошо.

Он шагнул к Ивану и резким движением воткнул нож в бок. У Ивана расширились глаза, он схватился за рукоять ножа и выдернул. Кровь фонтаном брызнула на сидящую за компьютером Лиду. Та вскочила и в ужасе завизжала.

Павел Федорович пожал плечами, повернулся и бросил через плечо:

— Пойду в магазин за шоколадкой. Мозгу нужна энергия.

Он вышел из НИИ и зашагал в сторону города.

«Ну ничего-ничего, ночью ее снова привезут. Ванюша больше не будет в нее стрелять. Семушке надо позвонить, пусть приберется. Бардак развел в лаборатории...Надо орехи купить и мед».

Павел Федорович подошел к оживленной дороге.

«Куда все едут? За ней? Нет, она моя!»

— Стойте! Стойте, она моя! — крикнул он и бросился наперерез летящим с большой скоростью машинам.

Ярослава еще раз попыталась перешагнуть в чужой сон, и ей на этот раз удалось. Молодая женщина стояла на светофоре перед оживленным перекрестком. Густой поток машин лился не переставая. Она смотрела на красный сигнал, который никак не хотел переключаться на зеленый.

— Ты застряла, — сказала Ярослава и встала рядом с ней. — Это неверная дорога. Повернись и иди в другую сторону.

Но женщина ее не слышала и продолжала смотреть на светофор. Ярослава прошлась по незнакомой улице, попробовала прочесть названия на вывесках, но там был просто набор букв.

Она села на скамейку и уставилась на снующие машины.

«Все-таки здесь лучше, чем в темноте».

Вдруг в глаза ударил яркий свет, и она зажмурилась.

— Просыпается, — донесся до нее знакомый голос. — Ярослава, все хорошо. Ты в больнице.

Она приоткрыла глаза и с облегчением выдохнула. Тамара Ивановна склонилась над ней с ватным тампоном, от которого пахло нашатырным спиртом.

— Осторожно, не шевели рукой. Я тебе поставила капельницу с физраствором. Надо вывести ту гадость.

Она кивнула, приподнялась и сразу узнала, где находится. Это была просторная белая палата номер один в отделении реанимации и интенсивной терапии.

— Как я сюда попала? — во рту пересохло, и язык с трудом двигался.

— Ребята привезли, — Тамара Ивановна поднесла к ее губам стакан с водой. — Они только что вышли. Сказали, что за кофе.

— Какие ребята?

— Дима Сергеевич и парень твой — Илья.

Ярослава улыбнулась и повернулась на бок.

— Как хорошо, что они меня нашли.

— Да уж. Вот я никогда грибы маринованные не беру. И тебе не советую. Хотя, после такого отравления ты и сама больше не захочешь консервы есть.

— Не поняла, — Ярослава приподнялась на локтях. — Какие грибы?

— Вроде вешенки. Сама вспоминай, что ела. Дима пришел тебя проведать, а ты лежишь на полу без сознания. И Илья твой как раз пришел. Вот они и привезли тебя.

Тамара Ивановна взглянула на наручные часы и охнула.

— Ужин пора раздавать. Я и тебе принесу. Лежи пока.

Она скрылась за дверью. Озадаченная Ярослава посмотрела в окно. На улице было темно.

«Может, это были галлюцинации? — подумала она. — Но грибы я не ела. Может, оливки просроченные попались?»

За дверью раздался смех, и в палату ввалились Илья и Дмитрий Сергеевич.

— Милая, ты проснулась! — воскликнул Илья и, вручив бумажный стаканчик Дмитрию Сергеевичу, бросился к ней. — Как ты себя чувствуешь? Что они с тобой сделали?

Он принялся целовать ее лоб, щеки, губы. Ярослава обняла его свободной рукой и с

облегчением выдохнула.

— Значит, это были не галлюцинации.

— Ты о чем?

— Тамара Ивановна сказала, что вы нашли меня дома без сознания. А я отравилась грибами.

Мужчины переглянулись и прыснули.

— Это я придумал, — сказал Дмитрий Сергеевич. — Чтобы не объяснять.

— А как вы узнали, где я? И как вытащили меня оттуда?

— Я тебе потом все объясню, — тихо сказал Илья. — Мы поговорили и решили, что лучше никому об этом не рассказывать.

— Как не рассказывать? — возмутилась Ярослава и принялась перечислять. — Меня украли, удерживали силой, стреляли снотворным, пытались лишиться дара. И вы советуете никому не рассказывать? Я в полицию пойду. Пусть их поймают и накажут.

Дмитрий Сергеевич подошел и сел на соседнюю кровать:

— Дело в том, что они уже наказаны. Мы взорвали чудо-прибор, к которому вас подключили. А профессора привезли час назад. Он бросился под машину и умер в карете скорой помощи. Думаю, не стоит заваривать эту кашу, иначе нам тоже может попасть.

— Но как вы вытащили меня оттуда?

— Милая, я тебе все расскажу, когда отвезу домой. Отдыхай пока.

Она не стала напоминать Илье, что они расстались.

— Тогда дай мне свой кофе.

Ярослава проснулась с улыбкой. Она побывала во сне соседки Нади. Ей снилось, как она зазывает на сеновал молоденького веснушчатого паренька.

— Васенька, иди что-то покажу, — елейным голосом сказала она.

— Знаю, что ты покажешь, — усмехнулся Васенька. — Все знают, что ты показываешь.

Возмущенная Надя проснулась, вместе с ней Ярослава.

«Интересно, это на самом деле было или только сон?»

Она встала, отдернула шторы и открыла форточку. В лицо подул прохладный свежий ветерок. Пахло весной. На тополе, растущего у дома, сидели птицы и без устали щебетали.

Она взяла телефон и с удивлением обнаружила двадцать три новых сообщения.

— А-а, — догадалась она. — Поздравления.

Сегодня был ее день рождения. Самое первое сообщение, полученное в одну минуту первого, было от Ильи:

«С днем рождения, моя милая! Желаю, чтобы ты нашла в себе силы простить меня. Очень люблю! Навсегда твой Илья».

Он рассказал ей про разговор с профессором на следующий день после похищения.

— Прости меня, пожалуйста, — шумно выдохнул он в трубку. — Я был зол и хотел наказать тебя. Если бы я знал, что он за тип, то никогда бы не пошел на это.

Ярослава молча слушала, старательно сдерживая слезы.

— Я сожалею. Прости, — он замолчал. Она сглотнула ком, застрявший в горле и сухо ответила:

— Хорошо, что ты признался.

— Ты простишь меня? — с надеждой спросил он.

— Не знаю. Нужно время. Пока, — он сбросила звонок, уткнулась в подушку и заплакала.

После этого разговора они больше не виделись. Илья изредка отправлял сообщения, но они оставались без ответа.

В полдень позвонил Дмитрий Сергеевич:

— Привет. С днем рождения. Я подъехал.

— Привет. Куда подъехал? — растерянно проговорила она, дожевывая яичницу.

— К твоему дому. Валерий Борисович сказал, что ты хотела навестить сегодня нас.

— Да, но я бы сама добралась, — улыбнулась она. — Тамара Ивановна отправила?

— Раскусила, — усмехнулся он.

— Спустишь через пять минут, — она подошла и выглянула в окно. У подъезда стоял старенький седан и попыхивал выхлопной трубой.

Ярослава убрала волосы в хвост, надела спортивный костюм и вышла из подъезда.

Дмитрий Сергеевич махнул ей из окна автомобиля, а с пассажирской стороны выскочил Илья.

— Привет, — он протянул ей букет и чмокнул в щеку. — С днем рождения.

— Спасибо. Что ты здесь делаешь?

— Решил с Димкой прокатиться, заодно тебя поздравить.

Тут Дмитрий Сергеевич опустил стекло и поторопил:

— Нас ждут. Поехали.

Ярослава села на заднее сиденье и с наслаждением вдохнула аромат цветов.

«Он не забыл, какие цветы я люблю» — подумала она, любясь альстромериями.

Через полчаса Дмитрий Сергеевич припарковался, и они зашагали к главному входу районной больницы.

— Если честно, то я не люблю сюрпризы. Может, признаетесь, что там меня ждет, а то, я как-то волнуюсь, — попросила она.

Мужчины переглянулись, и Илья обнял ее за талию.

— Не волнуйся. Тебе понравится.

Первое, что бросилось в глаза, когда они зашли в фойе — это толпа людей. Здесь никогда не было так многолюдно. Затем яркие пятна и какие-то возгласы.

Через секунду она поняла и остановилась.

— С днем рождения! С днем рождения! С днем рождения! — проскандировала толпа и ринулась на нее. Знакомые и незнакомые лица, плачущие и смеющиеся окружили ее, и каждый старался обнять и поцеловать. Они благодарили, совали в руки подарки и цветы.

— Как вы все здесь очутились? — сквозь слезы радости спросила она.

— Евгений нам всем позвонил и пригласил, — ответила Ира Верещагина, хлюпая носом.

Мальчик Миша крепко держал ее за руку. Константин, с женой, сыном и Борей, стоял неподалеку и ждал своей очереди подойти.

— Здесь все тридцать, — зашептал на ухо Дмитрий Сергеевич. — Тридцать первому пока нельзя спускаться. Поднимешься к нему?

— Конечно. Обязательно, — она вытерла слезы и счастливо улыбнулась.

Лида сидела на жестком диване в своей крошечной квартире с раскрытой телефонной книгой.

— Алло, Василий Анатольевич? Здравствуйте, это Лида — секретарь Кулика. У меня есть для вас деловое предложение.

— Здравствуйте, Лида. Слушаю.

— У меня сохранились все записи профессора, включая проект «Купола». В субботу будет аукцион. Хотите поучаствовать?

— Конечно, хочу! Во сколько? Где? — возбужденно произнес мужчина. Лида усмехнулась. Все мечтали получить уникальный прибор, о котором рассказал Семен в программе «Ясное сознание» после смерти Павла Федоровича. Его выступление вызвал большой резонанс в научном сообществе. Многие осудили профессора, но еще никто не отказался участвовать в аукционе.

— Отправлю вам смс. Но вы должны понимать, что аукцион закрытый, только для своих. Пожалуйста, не распространяйтесь.

— Я понимаю. С нетерпением жду смс.

Лида поставила на колени старенький ноутбук и залюбовалась картинкой двухэтажного особняка на берегу Черного моря.

— Вы были правы — мечты сбываются, — она подмигнула фотографии, висящей на стене. — Правда, не у всех и не так, как хотелось.

Больше книг на сайте - Knigoed.net